

Возгласы прошлых лет
Часть первая

Сергест Дечен

Перья и Пепел

Сергест Деснен

**Возгласы прошлых
лет. Часть первая**

«Автор»

2023

Деснен С.

Возгласы прошлых лет. Часть первая / С. Деснен — «Автор», 2023 — (Перья и Пепел)

Что нас преследует во мраке ночи? Страшные тени? Пугающие очертания? Или некий отголосок нашего страха, укрытого где-то глубоко внутри нашей хрупкой души. С этими вопросами сталкивается сир Виель Вилейн, вспоминая каждую страшную историю, каждый слух и тот самый возглас, что однажды услышал во мраке. Но лишь случайные события привели Виеля и заставили столкнуться со страхом лицом к лицу. А окровавленный конверт, который следовало ему передать, в одночасье изменил его мысли об огне, людях, слухах и историях, которые теперь стали для него реальностью. Мрачные тени и пугающие очертания вызывают на бой сира Виеля с необъятным пламенем. Один окровавленный конверт, одна история, один страх и только безудержное пламя, разгорающееся все сильнее внутри молодого рыцаря, загадочного странника с востока и всех людей Ильдарики – единственного королевства, пропитанного тайнами, секретами и едким дымом. Лишь вечный жизненный долг в состоянии остановить то, что возглашает за стенами необъятного огня.

Содержание

Пролог	5
Принц Тэней	14
Выжженный тракт	22
На встречу к солнцу	30
Высокий камень	40
Покоробленный истинной	47
Черный рыцарь	54
Дар морей	57
Судьбоносный момент	65
Тяжкий путь	79
Марш пламени	86
Всего лишь тень	95
Звезды Аэрдина	103
По воле великого	109
Плащи Ренора	116
Мой долг. Моя жизнь. Моя вечность	125
Конец ознакомительного фрагмента.	126

Сергест Деснен

Возгласы прошлых лет. Часть первая

Пролог

Тучи сгущались. Облака окрасились чернью, ветер завывал за окном, а в дали сверкали яркие, кривые как ветви деревьев молнии. Этим вечером в постоялом дворе было необычно мало людей. Ярмарка завершилась двумя днями ранее. В город выехали почти все купцы и менестрели, а заведение у Лунной реки опустело. Это место было самым скромным, среди всех постоянных дворов около Арсмерда. Располагались они на главных дорогах и были пристанищем для всех дворян, не успевших заехать в город до закрытия ворот. Теперь заезжали и оставались тут только знатные путешественники со своими слугами и стражей, гонцы и посланники. Не было ни пьяного хохота, ни музыки и танцев, ни звуков бьющихся кружек об стол, ни пролитого алкоголя и перегара, перемешанного с запахом пота в воздухе. Все это сменилось звуками грома и свежестью надвигающейся тучи.

– Как будто бы это тот самый день..., – тихо проговорил с удивлением Виель, нервно постукивая кружкой о стол и проглядывая сгущающиеся тучи за окном. Знаки, которые выдавала погода будто предзнаменовывали предстоящую встречу, которая уже близилась неделю. Виель родной брат Рыцаря пик – Отера Вилейна. Бледнолицый, широкоплечий и высокий, но при этом тощий и не жилистый. Выглядел он достаточно хорошо для рыцаря. Круглолицый, кареглазый, вечно с нахмуренными бровями и светло-русыми кудрями. Придворные дамы нередко называли его красавцем, поглядывая на злобный вид братца, который то и дело корчил губы, словно недружелюбный пёс. Для истинного образа ему не хватало стекающих слюней по подбородку, но Отер делал так специально. Это была его особенная реакция на горящие взгляды девиц. Он считал такой жест отпугивающим, но не догадывался, что выглядел как идиот.

Виель уже неделю ожидал встречи с неизвестным ему человеком. В этих краях сиры подобным не занимались. Для доставки писем существовали посыльные и голуби, но даже такие способы казались ненадежными. Ведь все, что произошло неделей ранее – заставляло Виеля содрогаться.

– Передай его... Слышишь! Передай конверт. – он тяжело выдыхал, – Прошу тебя... Малец... – жалостливо вымаливал гонец.

Уже неделю голос гонца донимал разум Виеля и это его беспокоило. До этого Виель не ощущал подобного. Страх, сомнения и тревога – были ему неведомы. До этого Виель был беспрестанно счастлив. Помолвка с красавицей Эвирой Энарт, дочери графа Нормуна Энарта Лйртедского, закончилась месяцем ранее, а в её утробе уже зарождался новый Вилейн. Такую радостную весть семнадцатилетний Виель отмечал еженедельной охотой вместе с Арсмердскими рыцарями. И всё бы продолжилось, но чертов конверт в окровавленных ладонях гонца напомнил Виелю о чести и долге. Его слово, отданное гонцу было решительным и теперь он сидел здесь, а конверт крепко держался за пояском в ожидании. И об этом решении знал только он и второй капитан замковой гвардии – Брәфи Таллард. Виель даже не уведомил своего графа-отца, не поставил в известность брата, не сказал о случившемся жене. Он посчитал, что эта тайна пока принадлежит ему и был бы прав в глазах отца.

– Вы должны быть честны не только перед другими, но и прежде перед самими собой! – всегда поговаривал граф Вилейн своим сыновьям. Строгий, угрюмый и седой, преклонных лет старик, кажется ненавидел все плохие качества, что присутствовали в этом мире, поэтому заранее выбивал их из сыновей розгами, учебой и упорными тренировками. К воспитанию

граф подходил основательно, в сыновьях он хотел видеть настоящих воинов. И это определенно дало свои плоды. Братья выросли благородными, честными рыцарями. Виелем он точно мог гордиться, как и старшим сыном Отером, но точно никогда бы этого не показал.

Нередко Виель вспоминал прошлое, пытаясь найти там ответы на существующие реалии. То и дело он думал о правильности своих поступков, выверяя каждый свой шаг в прошлом и будущем. Нервные постукивания молодого рыцаря сменились звонкими и глубокими раскатами грома. Ливень полил крупными каплями, звонко стучащими по окну, у которого сидел Виель и смотрел во двор в ожидании хоть какого-нибудь силуэта. Теперь постукивания пустой кружкой попадали в такт с бьющимися каплями.

– Может принести ещё кувшин с элем, сир? – к столу подошёл Брафи и наклонился над Виелем, потревожив вдумчивый взгляд. Тёмно-зеленый плащ полусолнце с трудом скрывал широкое, мускулистое тело Талларда, за которым проглядывалась серая рубаха. Он выглядел как здоровенный медведь с грозным и невозмутимым взглядом.

– Несомненно... Я бы выпил ещё. – нервно ответил Виель, почесывая свою задумчивую бородку. Он хмурил густые русые брови явно от недовольства и судорожно поправлял длинные кудри, доходившие ему до плеч. Тонкие губы Виеля подергивались от страха, а лицо слегка тревожилось от нервно двигающейся, нижней челюсти. Брафи отклонился и отошел к стойке, за которой стоял лысый, усатый хозяин, разговаривавший с каким-то заезжим. Он стукнул лавером по столу и громко окликнул того.

– Эй, Лысый ус! Подавай ещё кувшин. – грубоватый и ворчливый голос Брафи смог пробудить многих, только если бы за окном не бушевала погода.

Ухмыляясь, Лысый ус подал сосуд свежего эля, только что налитого из бочки и жадно вцепился в монету.

– Надеюсь вы тут ещё надолго, светлейшие. – пухлые щеки хозяина окрасились в красное от радости. Неудивительно, ведь светлейшие целую неделю отсыпали ему монет за еду, выпивку и прочие услуги. Глаза его блестели, как и тонкая кожа на черепе.

Брафи поставил кувшин эля на стол и сам присел напротив сира Виеля, который продолжал постукивать пустой кружкой.

– Сир, вижу вы тревожитесь. Позвольте мне покончить с вашей тревогой и наполнить вам кружку.

Виель, как и прежде поглядывая в окно, на миг замер и Брафи налил эля до краёв.

– Кто-то ведёт коня к конюшне. Видимо, очередной гонец. – тихо пробормотал Виель. Тяжело сглатывая слюну, он с трудом проглядывал темные очертания человека ведущего лошадь за уздцы. Теперь вместо кружки стучало его сердце, в такт с бьющимися каплями дождя. Страх переполнил его, а мурашки пробежали от пяток к спине. Впервые его окутывал настолько сильный страх.

– Вам не о чем переживать, сир. Мы всегда рядом и внимательно следим за каждым. – внушал своей уверенностью Брафи. Даже сейчас он мог поколоть дюжину воинов в одиночку. Виель ни разу не сомневался в нём и в своей безопасности был уверен. Он и сам умело фехтовал, как и должно быть подано знатному рыцарю, но Виель переживал не об этом. Хотя страх, что окутывал его был колким и неизведанным, боялся Виель лишь слухов, что ходили очень давно и оставались в памяти как страшные истории. Такие истории, не более чем легенды, травмили многие молодые юноши и девицы знатного общества.

Виель в них никогда не верил и считал, что истинный рыцарь не станет забивать свою голову предрассудками. Но всё изменилось после встречи с гонцом. Конверт уже был в руках Виеля, запечатанный червлёным соколом на красном воске. А гонец вымолил снова:

– Постоялый двор у Лунной реки... Как будешь там..., – гонец захаркал кровью и окрасил зелень под ногами Виеля, – Держи её на виду. – он в последний раз оглядел Виеля и протянул дрожащей рукой резную фигурку белой птицы, которая являлась печатью.

Виель дрожал подобно гонцу, когда срывал печать с конверта. Увиденное слишком потрясло его, поэтому он должен был убедиться в праведности содержимого. Ему следовало знать, что перед ним лежит не гонец разбойной банды, лжец или плут, а человек.

В этот раз Виель все прекрасно понимал. Погода будто подсказывала ему, что это тот самый момент. Он чувствовал, что встреча близится, поэтому достал из кармана резную фигурку и поставил её на стол у кружи. Казалось, что это был белый голубь. Прежде ему не давалось видеть подобные печати. Птиц если и вырезали по дереву, то только в виде священного символа великого стража, с четырьмя птичьими ликами.

Виель залпом осушил кружку только что налитого эля. Сознание его мигом притупилось, как и бушующий страх внутри.

– Будет весело, если это опять не тот посыльный, – хохмой разбавил напряжение Брафи, продолжая стоять рядом со своим сиром и наблюдать.

Виеля это напрягало, как и напрягал томно курящий трубку постоялец в мехах, сидевший за последним столом рядом с входной дверью. Поверх его головы был накинута капюшон, из под которого раз за разом выдувались кучные клубы дыма. Они смешивались с дымком от свечей, которых в заведении было полно. Свет от них ярко освещал дубовые столы, скамьи, стойку хозяина с обширными бочонками, из которых он наполнял кувшины; дверь на кухню, где уже никто не готовил, северную дверь и винтовую лестницу на второй этаж. Номеров в этом постоялом дворе было немного, как и людей в этот день, но все же... кто-то уже там похрапывал.

– Присядь напротив, Таллард. – недовольно приказал ему Виель и тот лишь молча присел.

– Мы уже ожидаем неделю, сир. Вас скоро хватятся или уже хватились. Может оставить послание у Лысого уса? – с угрюмым выражением лица, тихо проговорил Таллард. По нему было видно, что радоваться он не собирался.

Приспустив капюшон, Виель потянулся за кувшином и глубоко вздыхая вымолвил:

– Будем ждать ещё неделю! – в его словах слышалось раздражение, – Я обещал и своё слово сдержу. – твердо добавил он.

– Что ж... Не зря говорят, что на полпути грешно сворачивать.

Брафи словно огорчился, но только не Виель. Наливая эль он заметил, как очертание человека подходит к дверям и кажется, его уже проверяла стража.

Дверь напротив стойки отворилась и помещение охватил сильный, холодный ветер. Внутри вошёл мужчина в капюшоне, из под которого проглядывалась тёмная, густая борода. Ростом он был высок, но не слишком. На просьбы хозяина за человеком притворили дверь. С тёмно-синего, промокшего плаща стекали капли, а сапоги хлюпнули от воды. Виель и Брафи внимательно осматривали его, пытаясь обратить на себя внимание. Мужчина, хлюпя кожаными сапогами, подошёл к стойке.

– Давно я тебя тут не видел. – негромко и удивлённо сказал хозяин, всматриваясь под капюшон.

– Ехал в город обгоняя тучу, но не поспел за ней. – странник звонко и недовольно ответил. Теперь они заболтали тише, а после раздался звон скинувшихся монет на стойку. Поблагодарив хозяина странник медленно отправился к лестнице на второй этаж.

– Вряд ли это наш хлюпец. Он даже не осмотрел всех сидящих тут. – Брафи вздохнул и огорченно свесил голову.

Виель принял огорчение Брафи за собственный провал. Неделя уже подходила к концу, а нужный посыльный до сих пор не появлялся. Но он все ещё чувствовал, что все это было не спроста. Виель не отводил глаз со странника и пристально рассматривал его с ног до головы. И кажется юноша что-то увидел. Мужчина уже был у лестницы, но показалось, что из кармана он достал некий предмет и начал перекачивать его между пальцев. Виель разглядел похожую птичью фигурку, что держал в руке, но только красную.

– Когда будешь ждать его...держи печать в своей руке и на виду... Он заметит знак и подаст такой же... Передай конверт малец...прошу тебя. – взбудоражено и тревожно выдал свои последние слова умирающий гонец, в мысленной картине Виеля.

Вставая он тихо пробормотал: – Это он.

– Вы уверены, сир? – грубовато спросил Брафи.

– Несомненно... И кажется, нам пора вздремнуть. – тихо, но словно приказывая ответил Виель.

Вдвоём они пошагали за странником, который уже поднялся наверх по лестнице. Поднявшись, в конце широкого коридора Виель и Брафи заметили отворяющиеся двери комнаты, куда вошёл силуэт мужчины. В полной темноте они последовали к двери, в которую вошёл странник. Брафи постучал в дверь, но она не была закрыта. Он толкнул её и она распахнулась. В комнате мужчина зажег лампу и принялся за свечи.

– Затворите дверь, – недовольный, но звонкий голос наполнил комнату.

– Ты не гонец. Откуда у тебя эта печать? – странник уставился на руку Виеля, в которой он продолжал держать белую печать в виде птичьей фигурки. Брафи затворил дверь и теперь комната сверкала в лучах света. У стены стоял небольшой стол со стулом, на который уселся странник, запрокинув скрещенные босые ноги, видимо погреть у лампы. Аромат горящего воска смешался со смрадной лошадиной вонью, вперемешку с дождевой свежестью. Странник достал трубку, набитую сухим табаком, подпалил свечой и сделал несколько коротких затяжек.

– Ну же, отвечай. – устало проговорил странник. Густой дым повалил перед лицом загадочного мужчины. Виель молчал и вспоминал голос странника, показавшийся ему очень знакомым.

Брафи нахмурился и встал перед Виелем.

– Какая еще к черту печать? – снимая капюшон он поглядел на странника с презрением. – Перед тобой стоит сир Виель Вилейн...

– Почему вместо сира говорит его пёс? – странник томно оборвал фразой. Щеки Брафи забурели, а его кинжал блеснул от света сверкающих молний в окне и сталь свистнула под раскат грома разрубая воздух. Таллард в миг воткнул клинок в стол у пяток курящего трубку и злостно на него посмотрел.

– Я отрежу тебе язык, самодур.

Брафи никогда не отличался умом. Виель придержал его рукой и снимая капюшон заговорил.

– Я сир Виель Вилейн. – юнец чуть заикаясь сказал басом, благородно пошатнулся вперед дрожащими ногами и склонил голову.

– Гонец был найден нами полумертвым. – сказал он отчаяно.

Странник даже не шелохнулся, продолжая загадочно пускать дым под капюшоном, невозмутимо смотря на Виеля.

– Печать в твоей руке, протяни мне её.

Брафи злостно вынул кинжал из дерева и крепко зажал в руке, не переставая спускать глаз со странника, который теперь убрал ноги со стола и взял протянутую Виелем печать. Руки его немного дрожали, а взгляд не отрывался от странника. Виель будто уже видел этот плащ, эту трубку и помнил голос где-то в отголосках разума.

– Удивительно... Именно ей было запечатано письмо, что принес голубь. – загадочная фигура в синем плаще, внимательно рассматривала белую печать в виде фигурки птицы.

Не снимая капюшон, странник продолжал наполнять комнату едким, но при этом приятным ароматом табачного дыма. Ливень всё не стихал. Тучи опустили на землю мрак. Ветер завывал сильнее прежнего. Гром продолжал предупреждать, а напряжение между тремя мужчинами росло с каждым ударом молнии.

– Что же стало с гонцом, Вилейн? – странник промолвил.

– Сидите тут, нахально курите дорогую траву и не внушаете доверия. Сначала, поведайте же нам кто вы! – двадцатисемилетний, нахмуренный Брафи пошевелил темными густыми усами и грубо выкрикнул.

– Просто гонец. И я жду от вас конверт. – странник бросил взгляд на Виеля исподлобья. – Конверт у вас?

Виель снял капюшон и потянулся в карман, чтобы достать тот самый конверт. Со словами: – Кажется, это предназначалось вам, – Виель протянул его страннику и тяжесть ответственности будто спала камнем, с его робкой души.

– Гонец оставил мне печать, чтобы подтвердить его слова. Мы встретили его в лесу у Высокого камня, когда выслеживали оленя. Охоту прервал выезжающий сквозь опушку всадник. Белая кобыла была вся в крови и встала на дыбы при виде нас. – нервно проговорил Виель.

– Черт, да он был весь в стрелах! – с удивлением вставил свою лепту Брафи. – Что там за вести, из-за которых гонца обстреляли словно мишень? – но теперь возмущился со злостью и замешательством.

– Значит его нагнали... – странник глубоко затаился и взял в руки конверт, никак не обращая внимания.

– Ты думаешь сможешь отмолчаться?! – Брафи подступил ближе, а за его возмутимостью послышался громкий раскат грома.

– Успокойся, Таллард. Конверт передан, как и просил гонец. – Виель снова придержал рукой беспокойного, но и сам дрожал, как свинья перед убоем.

– Восковая печать на бумаге была уже сломана, когда он отдавал вам конверт? – задумчиво спросил странник. Усталость и равнодушие ко всему вокруг звучало в его звонком голосе.

Странник призадумался. "Разве гонец гильдии мог себе позволить заглянуть внутрь? Вряд ли. Лишь отчаянный дурак мог такое сделать, но в гильдиях такие не служили. Хотя, раз за ним гнались и возможно почти догнали, содержимое конверта было очень важным" Чем глубже думал странник, тем больше странностей витало в воздухе. Конверт уже был в его руке, ему оставалось лишь открыть и прочесть. Он задумчиво посмотрел в окно на одно из деревьев, в миг когда сверкнула молния. Дерево, на которое смотрела курящая борода в капюшоне, загорелось. Огонь вспыхнул и охватил крону. Под громкий раскат грома странник достал из окровавленного конверта письмо и обрывок какого-то старого пергамента, свернутого пополам.

– Полумертвый взял с меня обещание передать его посланнику в постоялом дворе на Лунной реке Арсмердского графства. – голос Виеля немного дрожал.

– Честно признаться, держа меня за руку, гонец умолял передать его вам. И я сдержал его обещание, но, к сожалению, мне пришлось распечатать конверт и прочесть письмо. Иначе, я бы не поверил его словам. – тихо осуждал он себя.

Странник отложил трубку и спустил капюшон, но голос Виеля он уже не слышал. Его мысли смутились от прочитанного и он как будто бы замер. Темнобородый, длинноволосый, сухой мужчина, годов так за тридцать все пялился в текст письма. Последнее, что он прочёл заставило его глаза бегать:

«...Магистр, гильдия и вы в опасности. Надеюсь конверт придёт раньше, чем вы её почувствуете. Отправляю его личным гонцом Когтем.

Фист Фейр, 23.03.106 от Р.Э.»

Краем своих серых глаз он все ещё видел пылающую крону дерева, но теперь мысли раздумья сменились резким чувством страха. Он быстро осмотрел свернутую пополам бумагу. Его скулы задрожали, а сухие губы медленно приоткрыли рот. Кажется странник ощущал некую опасность, а прочитанное укрепило это чувство. Что-то назревало. К нему вернулось осознание и он вскочил к окну. Брафи был на чеку и немного дернулся, но вряд ли бы поспевал за ловкостью загадочного мужчины. Ливень шёл такой, что любой пожар потушил бы за секунды.

Но дерево все сильнее разгоралось алым пламенем, а языки необычно изгибались. Странник ловко обмотал ноги тканью и сунул их в сапоги. Он распахнул окно и чего-то ожидал смотря на пылающее дерево. Кажется он был к чему-то готов.

- Что за фокусы? – с тупой мордой Брафи подошёл к страннику и посмотрел в окно.
- Дерево не тухнет. – нервно ответил бородатый незнакомец.
- Ну значит оно сухое! – возмущенно буркнул Брафи.

Кажется, теперь все трое рассматривали алые языки пламени. Странник беглым взглядом оглядывал все вокруг. Он смотрел в даль и пытался что-то заметить. Брафи ворчливо мычал за его спиной, но тоже всматривался. А Виель замер после слов странника и все разглядывал горящее дерево. В голове ему послышались душераздирающие крики и мольбы людей, а в мыслях он увидел некую картину. Окутанное пламенем дерево открыло для Виеля забытые воспоминания, которые до этого дня он и не помнил, а прочитанное письмо стало истиной правдой. Теперь сказки и слухи о пламени, что тяжело тушится водой, о магических свитках и о людях, что их читают, казались ему реальными. До этого момента он сомневался и в письме, и во всем остальном. Но дерево, окутанное пламенем стало для него символом. Символом пережитого прошлого и возможно, пугающего будущего. Руки его задрожали, а пот выступил на спине. В мысленной картине Виель увидел нечто странное. Он стоял и смотрел на пылающую деревню, за которой виднелись могучие горы. Людей тогда было много и они завывали про огонь. "Пламя не тухнет!"

– Да что же ты там видишь, поганый черт? Не пугай меня. – усы Брафи снова возмущенно зашевелились.

Молнии продолжали сверкать на горизонте, гром не переставал греметь, а ветер задул в комнату ещё более холодный воздух. Лампа и свечи потухли, и странник, будучи прекрасно подмечающим все мелкие детали, увидел в отражении открытой правой дверцы окна огонек. Но это был не огонек от горящего дерева. Он высунулся в окно, голову резко окотило дождём и он увидел, что в одной из комнат у распахнутого окна горит лампа.

- Что же ты делаешь? – ничего не понимая, Брафи продолжал бросать слова на воздух.

Странник сунулся обратно в комнату. Склонив голову, он оперся обеими руками об окно. Мысли в его голове заполнились сомнениями. Он мог ошибаться на счёт обычной лампы излучающей свет. Кто-то мог также болтать при свете, только в другой комнате. Сомнения в миг испарились, когда огонек в отражении стал мигать.

– Это сигнал! – странник прошептал попятившись. – Сигнал! – но теперь он заорал. – Нам нужно убираться отсюда!

Впопыхах он стал собирать свои вещи. Теперь даже до Брафи дошло, что что-то происходит, ведь он тоже видел этот мерцающий огонек в отражении окна. Всё это время Виель стоял замерший на одном месте и всматривался в горящее дерево. Его не покидало ощущение страха, а крики в его голове завывали ещё громче. Мысли были охвачены пламенем. В его воспоминаниях, которые он теперь видел, все сгорало дотла. Будто ещё ребенка, за плечи его удерживал мужчина и не давал вырваться. – Отец? – тихо промолвил он. Теперь Виель трясся, ощущая на плечах грубые руки и стал осознавать реальность вокруг: – Эй Вилейн! Очнись же! Нам нужно убираться. Бегите за мной до конюшни и не отставайте. – теперь странник орал ещё громче и был беспокоен подобно Брафи Талларду.

Он вышел в коридор и стал поочерёдно стучать в каждую дверь, при этом крича: – Прорыпайтесь! Вставайте! Пожар! Огонь уже близко!

Недоуменные морды высунулись из дверей. Кто-то тоже выбежал за странником, а кто-то громкогласно отвечал: – Какой мудень тут стучит и орёт?! – Проваливай отсюда больной. – Какой ещё пожар?!

Странник желал помочь всем и каждому, это было его предназначение. Это была его работа и вся жизнь. Виель Вилейн и его гвардеец Брафи Таллард оказались в коридоре. Уже

очнувшийся он следовал указаниям сероглазого бородача и рванул к лестнице. Усатый еле поспевал за Виелем. Вдвоём они повторяли за странником: – Пожар! Пожар!

Но странник не только спасался сам и желал помочь другим, прежде всего он хотел поймать того, кто сигнализировал лампой. Из последней двери вывалилась темная фигура в капюшоне и убежал к лестнице. Страннику оставалось несколько шагов, чтобы догнать и схватить человека, но подлец понял, что его преследуют. Остановившись он развернулся, а странник в темноте не разглядел и пропустил удар между ног. Сигнальщик скрылся на лестнице. Скрутившись, странник присел на колени, но тут же встал и был подхвачен Виелем и Таллардом. В этот момент раздался резкий звук удара. Молния сверкнула где-то рядом с постоянным двором. Трое, вместе с ошарашенными людьми повалились вниз на первый этаж. Странник заорал: – Закрывайте уши!

Возмущенный хозяин встречал бегущих людей и хотел понять где начался пожар, но видел лишь суматоху. Тем временем сигнальщик распахнул двери и выбежал во двор. Стражники не смогли бы его задержать, так как сгорбились и схватились за голову. Люди выбежали не так быстро, но некоторые уже оказались во дворе и бежали к конюшне.

Странник, промчался к распахнутым дверям, как вдруг его остановил яркий белый свет. Он буквально на секунду ослепил его, как и всех тех кто выбежал перед ним и после него. За светом раздался громкий и пронзительный удар, который мог бы оглушить многих. Кривая молния приземлилась прямо во двор, оставив после себя след из огня. Затем раздалось еще несколько ударов, но уже по крыше постоянного двора. Теперь с небывалой частотой молнии били в крышу и в землю рядом, ослепляя и оглушая уже выбегавший люд.

Пламя мигом охватило землю и бревенчатое заведение. Яркий белый свет воцарился над местностью сменяя ночной мрак. Прикрывая уши, странник смотрел на человека, в которого угодила молния. Он упал на бок замертво и запылал. Глаза его лопнули, а из глазниц и рта полились языки пламени. Этот огонь горел ярче обычного и будто разгорался изнутри. Кожа его мигом расплавилась и растеклась подобно крови. К звукам ударяющихся молний присоединились звуки сгорающих в огне людей. Даже уже в мертвые и бездыханные трупы, молнии были по несколько раз, а горящая плоть разлеталась в разные стороны. Это было ужасное зрелище, но странника это не смутило.

В суматохе он упустил из виду удиравшего сигнальщика. Рискую, он что есть мочи, рванул к конюшне. Визг лошадей звучал среди лая собак, ударов молний и раскатов грома, а значит ещё был шанс догнать сигнальщика. Странник, перепрыгивая горящие трупы и стены огня, оказался у конюшни. Среди забившихся в стойлах от страха скакунов, странник отыскал своего коня и ловко взобрался на него. Молнии сверкали сплошь и рядом поджигая весь постоянный двор, а мрака как будто и не было. Страннику видимо повезло не попасть ни под один удар. Видимость от света мерцающих молний была отличной, поэтому выехав со двора на дорогу, он разглядел троих скачущих в разные направления всадников. Все-таки кто-то успел спастись. Единственный среди них был в капюшоне. Он свернул по дороге налево и его конь галопом понесся. Молнии продолжали бить и поднимать клочья земли, тут же их поджигая. Но ни одна молния не попала в лошадь странника. Она была не из пугливых и оказалась слишком быстрой. Молнии прекрасно освещали путь и уже через мгновение он настиг сигнальщика. Сероглазый бородач оказался на довольно близком расстоянии и выхватил из под плаща небольшой арбалет. Странник определённо был мастером своего дела и с любым оружием он обращался великолепно. На скаку ему удалось навестись, направляя грубой рукой арбалет под стеной дождя.

Дальности ему было достаточно, чтобы пустить болт в голову лошади. С еле слышимым визгом лошадь на скаку повело в бок, голова её расслабленно дернулась вниз, а передние ноги разом подкосились, наклоняя туловище вправо. Расплескивая капли воды и грязь, лошадь грохнулась на бок в грязную лужу, при этом придавив сигнальщика под собой. Вздернув пово-

дья и закинув их на луку седла, странник спешил и хлюпая подошел размашистым шагом к корчившемуся от боли под тушей сигнальщику.

Сверкавшие неподалеку молнии освещали стекавшие волны капель с темно-синего плаща и капюшона, рослого и грозного странника, стоявшего над суховатым придавленным под лошадью мужчиной, который был закутан в меха, харкал кровью и скалил кровавые зубы.

К свежому дождевому запаху теперь присоединился аромат гари и дыма, следующий от постоянного двора, а звуки ударов сверкающих стрел и раскатов грома все ещё воцарялись над местностью.

– Кто тебя нанял? – странник присел над ним, придавливая коленом на грудь.

– Без понятия, кхе...они лишь дали два кошель золотых и приказали следить за сиром Виелем...и...ждать гонца... – сигнальщик хрипел и тяжело харкал кровью, которая смешивалась с каплями дождя и разливалась по его щеке, устремляясь к земле.

– Кто они!?! – странник прикрикнул под раскат грома и стал обыскивать его.

– Женщина и двое...мужчин... – лицо сигнальщика осветилось светом, на котором явно проглядывалось отчаяние и смирение. Глаза его смотрели вяло куда-то в бок, но не в сторону странника. Возможно он следил за молниями, которые все ещё били в постоянный двор неподалеку, а возможно, он что-то или кого-то искал в своей голове.

Странник жестко схватил сигнальщика за ворот, от чего тот прервался и снова захаркал.

– Где тебя наняли? – он спросил сердито и злостно, как бы от кончившегося терпения.

– В Арсмерде...у главной конюшни... – сигнальщик прохрипел.

– Кому ты дал сигнал!?! Говори сейчас же. – теперь странник ухватился за ворот обеими руками.

– Им...они...сказали подать сигнал...кхе...иначе они бы убили их... – сигнальщик ухватился левой рукой за руку странника и крепко её сжимал. – Марла...моя доченька... – он всё ещё смотрел куда-то в сторону вяло перекатывая глазами.

– Как они выглядели? – странник промолвил тише и склонил над ним голову.

– Не знаю...я просто посыльный... – сигнальщик захаркал сильнее и теперь посмотрел под темный капюшон странника. – Дай мне заснуть...покончи с этим... Больно...умирать под дождем...

– Вряд ли ты что-то знаешь знаешь о боли.

Странник понимал, что бедолаге никак не выжить и проникся к нему сочувствием. Запрятав арбалет, он вынул кинжал, занес над его грудью и на миг промедлил, засмотревшись на умиравшего бедолагу. Освещавший свет молний показал ему, что лицо сигнальщика теперь замерло. Губы его больше не дрожали, теперь он не харкал кровью, а глаза его замерли на одном месте.

Дождь понемногу стихал и уже не сваливался стеной. Странник все ещё держал его за ворот, но теперь медленно отпускал и мокрой ладонью закрывал глаза сигнальщика.

Странник поднялся и подошел к лошади сигнальщика, чтобы вынуть болт. После сел в седло, развернул своего коня и отправился обратно к постоянному двору.

А молнии не стихали и продолжали бить в горящее здание и во двор, который теперь был усыпан трупами пылающих людей. Пламя охватило огромную территорию, а сверкающий белый свет освещал всю округу. Дождь, будто наблюдатель, даже не замечал происходящего и продолжал лить как из ведра. Сероглазый, загадочный бородач резко остановился после того, как увидел выбегающую со двора горящую лошадь, над которой замерцала кривая белая линия и ударила прямо в неё. Это была последняя сверкнувшая молния над постоянным двором. Визжащая, охваченная пламенем, кобыла упала посередине дороги. Белый яркий свет перестал сверкать, но дождь все ещё стекал стеной и кажется, теперь он тушил разгоравшийся огонь. Труп лошади потух и странник потерял её из виду. Как и стал тухнуть огонь на крыше и на земле у постоянного двора.

– Перестал читать. – взбудораженный бородач тихо пробурчал под нос и понесся во двор, откуда дым поднимался черным столбом. Ветер стал стихать. В запахе, перемешанном со свежестью, прослеживался аромат гари и тлеющей плоти. Неожиданно дождь перестал лить и сменился легкой моросью, а облака открыли путь лунному свету, который теперь освещал лежащих пеплом на земле людей. Спешившись странник ступал по двору, стараясь не задеть тлен. Виель Вилейн, его гвардейцы, хозяин и несколько постояльцев все ещё находились в заведении. Внутри всё дымило и тлело, но кажется люди были живы, а огонь иссяк. Скрутившись, они всё ещё закрывали уши.

– Представление окончено, все на выход, – прикрывая нос, громко сказал странник и наклонился над тяжелым мускулистым телом в тёмно-зеленом плаще. Это был Брафи Таллард, накрывший своим туловищем тощего, испуганного Виеля.

– Ну же, поднимайтесь или вы хотите задохнуться? – странник взял за руку гвардейца. Виель, всё ещё закрывая уши прокручивал случившееся в голове. Его не покидал страх от осознания того, что теперь он попал в один из страшных слухов детства, а забытые воспоминания открыли для него новую реальность. Ничего не понимающий Брафи уже вставал приподнимая сира Вилейна. Где-то в дыму показалась лысая голова хозяина, который тоже поднимал людей. Теперь все они разом покидали заведение у Лунной реки. Тучи рассеивались дожидая последние капли. Облака освещались лунным светом, а гром гремел, но уже где-то вдалеке. Всадники, успевшие удрать, возвратились к постоялому двору и стали помогать напуганным, ошарашенным постояльцам покидать это место. Брафи вёл чуть прихрамывающего сира Виеля.

– Люди! Собирайтесь вместе! Ищите еду, питьё и лампы. Они нам крайне нужны. Направимся в город по темноте и надеюсь, придём к рассвету. – потерявшийся Виель приходил в себя и теперь громко обращался ко всем находящимся во дворе.

Он также желал расспросить странника. И что-то приказал своим гвардейцам.

– Гонец! – кое-как он догнал его. – Объясни мне, что произошло! – кашляя, шестифутовый Виель возвысился над странником, который был ниже на полголовы. Сероглазый, длинноволосый бородач молча взобрался на лошадь. Теперь он был выше.

– Лучше позаботьтесь о своих людях, Вилейн. Виель напрягся, а гвардейцы обступили странника.

– Без меня вы никуда не уедете, и вам придется обо всем мне поведать. Примите это как моё личное сопровождение. К тому же, я полагаю, вам понадобится помощь и я готов вам её оказать. – теперь уже гордо и высокомерно говорил сир Виель Вилейн. Как и полагается честному рыцарю, он доставил конверт выполнив обещание. Но кажется, теперь он об этом жалел.

– Ваша помощь будет бесценна. – странник нехотя поклонился неумелым жестом.

– Как к вам обращаться? – усаживаясь в седло спросил Виель. Теперь они были на одном уровне.

– Глен Локрог. – недовольно промолвил сероглазый бородач и натянул мокрый капюшон.

– Что ж, проследуйте за нами, Глен Локрог, и не отставайте. – ошарашенно и недоуменно приказал Виель. То, что произошло буквально несколько мгновений назад – заставляло его переживать и страшиться ещё сильнее. Слегка опьяненный, немного оглушенный и несвойственно для рыцаря, дрожащий – сир Виель Вилейн был озадачен, смотря на странника в темно-синем плаще.

Ещё не пришедшие в себя, выжившие люди, выносили из заведения все, что понадобилось бы им в дороге. Их было немного. Хозяин заведения у Лунной реки со своими служанками, двое стражников постоялого двора, бродячий менестрель, знатный купец и двое его слуг, а также трое гвардейцев Вилейнов. Все следовали за Виелем Вилейном. В том числе и странник, загадочный сероглазый бородач, назвавшийся Гленом Локрогом.

Принц Тэней

Рассвет распевал чистыми и тёплыми лучами. Пролетая над морем, стая чёрных птиц пересекла встающее на горизонте, ярко-оранжевое солнце. Уже не первый раз утро для Тэнея начиналось с потрясающего пейзажа, за которым он всегда наблюдал, стоя на балконе высокой, главной башни замка. Это было для него и утренним ритуалом, и напоминанием о его самых откровенных желаниях, которые он так яро хотел осуществить.

– Тэнёй! – хохоча, Эйтель распахнул витражную дверь и вошёл на балкон. За ним виднелся Лантис. – Я же говорил, что он тут, Эйтель!

– Чего вы встали в такую рань? – Тэней спокойно обратился к братьям, продолжая опираться руками о камень и всматриваясь на рассветное солнце. Тэней недовольно выдохнул и наклонил голову. Он явно не был рад, что братья его потревожили.

– Мы решили прервать твой утренний обряд, братишка! – Эйтель положил руку на плечо Тэнея и встал рядом с ним. – Да... понятно, ради чего ты так рано встаешь. – Лантис поглядел на рассвет и встал слева от Тэнея. – Ты проиграл спор, Тэней!

– Какой ещё спор!? – Тэней вяло бросил взгляд на Лантиса.

– Конец весны, Тэней... – Эйтель оперся спиной на каменную перегородку. – И начало лета. – он добавил.

– Значит они не приедут сегодня? – Тэней вяло свесил голову, как бы показывая недовольство.

– Нет. – Лантис ухватился за плечо Тэнея прижимая его к себе.

– Не расстраивайся, братец. Предложение руки и сердца – это достойный шаг, определённо заявляющий о твоём окончательном взрослении. – он пытался его подбодрить, но Тэней всем видом старался показать, что поддержка ему не впору.

– Не дуй щеки, Тэней. Спор есть спор. – Эйтель запрокинул голову назад и расслабляясь всматривался ввысь, следя за идущими друг за другом облаками, сиреневыми от солнечного цвета.

– Дурацкий спор. Зачем только вас послушал...

– Мы единственные – кого ты можешь послушать, слышать и кому можешь доверять. Радуйся хоть этому. – серьезно добавил Лантис.

– К тому же ты обещал его выполнить. – из-за положения головы, голос Эйтеля звучал немного грубовато и хрипло, хотя всегда был звонким, низким и звенящим.

Тэней исподлобья обвел взглядом Лантиса, показывая некую презренность, и легко оттолкнул его в сторону, стараясь молча покинуть балконную площадку.

– Ты обиделся, Тэней? – Лантис посмотрел удивленно.

– Чего ещё. Никогда на вас не обижался. Просто... – Тэней глубоко вздохнул. – Я не такой как вы и настолько слаб, что даже не могу выиграть простейший спор. Или может я болен... – огорченно он добавил.

Тэней остановился, обернулся и сложив руки крестом на груди уже собрался что-то молвить, как его перебил Лантис.

– Знаешь, Эйтель. Вряд ли можно сказать, что сейчас Тэней выглядит слабым или даже больным, но когда-то он определённо таким являлся. – воодушевленно начал Лантис.

– Соглашусь... До своих трёх лет Тэней тяжело болел страшной болезнью, покрывавшей все тело розовыми, взбухшими волдырями. – Эйтель показал на себе руками, а Лантис подхватил:

– Дитя постоянно лихорадило и кажется цирюльники со всего Эскультёра побывали в королевском замке! На протяжении трех лет ребенка пытались лечить всеми средствами, что были доступны для королевской семьи. – Лантис поглядел на Эйтеля и тот продолжил.

– Отец его, Король Брйвек Клейвен, именуемый первым, потратил множество своих усилий, ради жизни младшего ребёнка! – Эйтель сказал грозно, как бы изображая отца.

– Люди часто перешептываясь говорили, что мальчишка не жилец, и что лучше было бы избавить его от страшных мучений, но Тэней справился и встал на ноги, сделав свои первые шаги! – Лантис лыбился до ушей и взъерошил волосы на голове Тэнея.

– Жизнь дала ему ещё один шанс и теперь он ей наслаждался каждым утром и вечером, на рассвете и на закате... – Эйтель сказал протяжно и приглушенно.

Они замолчали на пару секунд, а после залились смехом. Хохот стоял такой, что разбудил бы всех спящих в замке. Тэней улыбался, но не хохотал.

– И Тэней, всматриваясь в горизонт, мыслил о крае Дарского моря, о теплых материках Тельтер и Арлинтер, окружённых огромными островами и о рассекающих волны торговых кораблях, что плыли к ним. В его мечтаниях мир был бескрайним и совершенно прекрасным. – Тэней добавил от себя. Его огорчение переменялось радостью и воодушевлением. Братья никогда бы не дали Тэнею впасть в отчаяние.

– Да ты поэт, Тэней! – Лантис ухмыльнулся и приобнял младшего брата.

– Оказывается, ты тут черпаешь вдохновение! – Эйтель похлопал Тэнея по плечу.

– Ну, что брат, готов к встрече со своей прекрасной девицей? – Лантис посмотрел на Тэнея, немного улыбаясь.

– Прекрасной, как утреннее и закатное солнце! – Эйтель поднял палец вверх и сказал закрыв глаза.

– Теперь понятно, на чем строятся твои вкусы, Тэней... – Лантис поглядел на солнце.

– Её волосы действительно похожи на цвет рассветного и закатного солнца... – Эйтель сделал задумчивый вид и прислонил пальцы ко лбу.

– Ну хватит потешаться, вы и так это знали! – Тэней все ещё улыбался, но ворчал. Лантис и Эйтель снова рассмеялись, но уже ему в спину, а Тэней спешно их оставил.

Он покидал балкон уверенно и размашисто, направляясь вниз по винтовой лестнице главной башни замка, думая, что теперь у него нет выбора и жениться ему все-таки придётся. На лестнице было весьма темно, хотя фонарей висевших на стенах было достаточно, запах от которых наполнял остроконечное сооружение плавящимся и дымящимся воском. Тэней перешагнул последнюю ступень и теперь его лицо осветилось утренним солнечным светом, проходящим сквозь арочный дверной проем, который вёл во двор королевского замка. Прикрывая ладонью глаза, Тэней увидел, что в главные ворота уже стекались различные обозы с едой и множество людей, видимо прислуг, музыкантов, шутов и прочих других, которых созвал его король отец. Длинные черно-золотые гобелены, с геральдикой Клейвенов, уже были вывешены на внутренних стенах замка и легко развивались по ветру. Замок оживлялся, люди просыпались. Сменялась стража, заработали обе королевские кузни, конюхи прибирались в конюшнях и кормили лошадей, а в воздухе стоял аромат выпекавшегося хлеба.

Во двор уже вышли все мусорщики и принялись подметать брусчатку, а монастырские сороки распахнули двери храма, встречая всех тех, кто решил зайти на утреннюю молитву. Где-то за обозами виднелись штандарты и флаги, прикрепленные к возвышавшимся копьям держащих в руках знатных рыцарей.

– Гости заезжают? – Тэней вяло сказал себе под нос. Руки его немного затряслись от волнения, а по спине пробежали мурашки, вместе с лёгким утренним холодком от подувшего ветра.

Он на миг подумал о своей возлюбленной Инисе, дочери королевского казначея, которая должна была прибыть сегодня, если братья конечно не солгали. Он почувствовал холод ещё сильнее, так как на нём была надета только ночная длинная рубаха, а ноги и вовсе были босыми.

Тэней растёр руками предплечья и тяжело выдохнув, отправился обратно в высокую башню, из которой он уже попал в основной чертог, где нехотя позавтракал с братьями. За

завтраком Эйтель все говорил о том, как сразил бы в честном поединке "Белого Грифона", как сорвал бы с него крылья и расколол его птичий шлем. Средний брат – Эйтель, был слишком уверенным в себе и часто задирает свой нос, называя себя чуть ли не лучшим конным рыцарем. Тэней всегда думал, что Эйтель слеп и глуп, сравнивая его с Лантисом, наследным принцем и старшим среди них, и безусловно самым умным и опытным.

Думая об этом, Тэней уже покидал свои покои одетый в темно-бордовый с узорчатой золотой росписью бархатный кафтан. Его молодое лицо выглядело неуверенно, тёмные брови были нахмурены, а короткие ноги слегка потрясывались. Спускаясь в холл замка он то прикусывал вытянутые, дутые губы, то сжимал большие пальцы в кулаках, то почесывал свои темно-русые короткие волосы с завитым кверху чубом явно от нервозности. Овальное, вытянутое лицо было недовольным, а густые темные брови нахмурены. Тэней думал, что он один такой, волнительный и слишком переживающий принц для своих четырнадцати. Ему не хватало той уверенности Эйтеля и мудрости Лантиса, которые точно пригодились бы ему в ответственные моменты. Он восхищался братьями, но примером для него они не послужили и Тэней от них ничего не взял. Отец практически не воспитывал Тэнея, возложив все обязанности на своих старших сыновей и единственную дочь.

Мать Тэней не помнил. Она погибла после его родов, которые были тяжёлыми. Все, что должна была дать мать, он получил от Элины, а братья обучили его всем мужским делам. Практически всем. Так, Эйтель, Лантис и Элина стали для него опекой на протяжении всей своей жизни.

Тэней вошёл в распахнутую трехметровую арку, которая вела в обширный замковый зал, украшенный мраморными плитами, резными колоннами и выбитыми в стенах каменными статуями прежних королей, родичей Тэнея. Расписные красным, жёлтым и синим, статуи блестели от солнечных лучей, проникающих через огромные арочные окна и отливали чем-то золотистым. Тэней находил этот цвет властным, ведь только власть может иметь золото и им распоряжаться. Размашистым шагом, Тэней ступал по залу, который также считался тронным. Громадное помещение теперь наполнялось различными звуками, исходящими от прислуг, которые вносили в зал столы, скамьи и различную утварь. Шум и гам стояли в тронном зале. На миг Тэней вспомнил свой сон, который приснился ему сегодня ночью и волнение немного отлегло. Он вспомнил часть сна, где ехал в каком-то старом обозе, окруженный сеном. С ним были дети и их было трое. Они сидели рядом и были укутаны в серые тряпки, а над обозом возвышался всадник, ехавший сбоку. Повозкой управлял кучер, капюшон которого виднелся где-то над ключьями сена. Сон был чётким и не похожим на обычные сны, которые виделась Тэнею по ночам. Это уже не первый сон, который заставлял Тэнея задумываться, все глубже окунаясь в свои мысли. И об этом он снова хотел поговорить с Инис, ведь только она его хоть немного понимала. Братья никогда не разделяли его мысли по поводу снов. Эйтель говорил, что сны не могут показать то, что могло бы произойти в дальнейшем, так как людям снятся только бредни.

Лантис отвечал проще и с намёком на то, что Тэней дурак, но и иногда молвил что-то в таком духе – "не стоит задумываться о том, чему невозможно произойти". Как раз то, что и должен говорить старший брат младшему. Но Тэней не прислушивался ни к кому и слышал только себя.

В этих снах он желал видеть истинну. Истинну о его прошлом, которое ему так часто стало сниться. Тэней был крайне уверен в этом. Бредни ему снились часто. Наполненные то чем-то пугающим, то слишком забавным и нереальным. Такими не могли быть воспоминания – четкими и вполне различимыми, а главное легко запоминающимися. Каждый свой странный сон, иначе воспоминание, Тэней записывал на листах бумаги, чтобы никогда больше не забыть. И он верил. Верил, что рано или поздно узнает правду этих снов – воспоминаний. Память у него была достаточно хорошей, чтобы не забывать всё, что он записывал.

Тут череду размышлений прервал протяжный и противный скрип.

– Ну куда ты, влево давай. – кричал один слуга другому, двигая часть деревянного стола.

Тэней оперся плечом на колонну и скрестил руки на груди, поглядывая за работой прислуг. Тут в зале он ожидал Эйтеля, с которым они собирались посетить храм и помолиться, а после выехать на тракт, чтобы встретить наиболее важных гостей. Вассалы короля должны были прибыть сегодня, а это значит, что все графы южной, северной, восточной и западной Дормовии едут обсуждать военно-политические дела. Ну, а пир само разумеющееся. Тут Тэней вспомнил, как Лантис говорил за завтраком о новом короле Тарвии. О наследнике Тенглиса Великого, Телиссе по прозвищу «Белый грифон», который не успев короноваться, уже выдвинул притязания на свои законные земли. Тэней повертел головой от недовольства. Политика ему никогда не доставляла удовольствия, как и фехтование, конные и пешие поединки, турниры и реки крови, о которых не смолкая говорили его старшие братья. Единственное, что любил Тэней – скачки на своем буланом мерине, с которым он был знаком ещё с детства.

Широко раскрыв рот от неожиданного зевка, Тэней вернулся к мыслям о сегодняшнем сне, пытаясь снова его посетить и заметить ещё больше деталей. Он тут же задался вопросом: "Почему в обозе везли детей и интересно куда?". Недостаток знаний позволял Тэнею думать только о худшем, но тут проскочила мысль, что детей возможно намерено укрывали от чьих-то глаз. С этой нитью размышлений Тэней согласился сразу же, но теперь его смущал всадник, ехавший сбоку. Точнее его герб. Таких гербов Тэней никогда не видел и думал, что подобных не существует, так как зелёные цвета в Эскультере носили только падшие женщины и об этом он знал от братьев. "Какой дурак нанёс бы горы на свой герб?" – подумал Тэней оттягивая левой рукой щеку. Задумавшись он смотрел куда-то в окно, устремляя свой взгляд на одну точку. "Горы на зелёном поле – никогда не подумал бы, что такой герб мог бы существовать" – озадачился Тэней и тут же вспомнил про библиотеку. Гербы всех знатных домов, графств и королевств можно рассмотреть в книге. Эта мысль горячо его порадовала. Да так, что он умалительно улыбнулся, всматриваясь куда-то на витраж.

– Не заждался? – над Тэнеем возвысился высокий и складный Эйтель. Немного запыхавшись, резким движением головы он смахнул свои темные кудри на бок и поправил на правой ладони кольцо с жёлтым камнем.

На нем был одет чёрный гамбезон с вышитыми золотыми звездами на нём и пришитыми красными пуговицами, а золотистые острые рукава, с тёмной окантовкой по краям, облепляли его руки. Стоял он в кожаных носатых башмаках, а чёрные шоссы обтягивали его ноги.

Позади неуклюже плелся его двенадцатилетний оруженосец Рогер, сын королевского кузнеца, который ковал лучшие доспехи во всей Дормовии. Поэтому в Рёнор, в частности в «Чёрный замок», приезжало достаточно знати, чтобы сделать желанный заказ у отца Рогера.

– Ты будешь сегодня в доспехах? – Тэней будто очнулся и снова расслышал шум готовящегося королевского пира, наполнявший огромное помещение зала.

– В своих парадных. – Эйтель был гладко выбрит и причесан. Его слегка выющиеся волосы почти доставали до ушей. Лицом он был настолько красив, что каждая знатная дама желала встречи с ним. Острые скулы, правильный нос, грубые губы и овальное лицо – все это украшало его лицо.

"Эйтель – искуситель" нередко его так называли за спиной, хотя сам Эйтель никогда намеренно не соблазнял женщин. Дамы делали это самостоятельно. Он даже уже был помолвлен однажды, но первый брак был недолгим и трудным.

– Не жарко ли тебе будет? – ухмыльнулся Тэней.

– Я выеду в них только на встречу гостей.

Эйтель почти на две головы был выше, поэтому для Тэнея он все ещё казался грозным и сильным.

– Пойдём братец, помолимся стражу, а после поскачем на перегонки. – сильной и мускулистой рукой он ухватил плечо Тэнея.

– Ты снова проиграешь. – Тэней сонно и хитро улыбнулся, но понимал, что в скачках Эйтелю нет равных.

– Не задирай нос, пытаясь меня задеть. – Эйтель самовлюбленно рассмеялся. – Иначе нагоню тебя и вдарю по шее. – и теперь улыбочиво пригрозил.

Он приобнял Тэнея и вместе они пошагали по залу. Плутующий позади оруженосец Рогер все отставал от них и нагнал братьев Клейвенов только у храма, которые уже помолившись направлялись к конюшне.

Тэней смотрел, как Рогер завязывал последний узел на доспехах Эйтеля, выкованных из черненного золота и расписанных рельефными узорами – снова в цветах родной геральдики. Похожий доспех был и у Лантиса, только золота в нем было куда больше.

Теперь в своих парадных доспехах Эйтель выглядел грозно и угрожающе, как истинный "чёрный всадник" – так они любили называть себя вместе с Лантисом. Шлем Эйтель надевать не стал, так как погода была слишком теплой.

Он все размахивал своими волосами, вальяжно крутя головой по сторонам. Таких красивых доспехов у Тэнея не было, но вряд ли бы он гнался за красотой. Таким как Эйтель он быть не хотел, хотя с ним его отношения были более братскими, чем с Лантисом и разница в возрасте, между младшим и средним, составляла всего пять лет. Точнее сказать, Тэней хотел быть похожим на братьев, но как бы он не старался, ничего у него не получалось. Кто-то когда-то ему сказал: "Ты должен быть тем, кем ты рожден. Запомни, Тэней – ты Клейвен и никогда этого не забывай". Похоже, эти слова говорил ему отец, вот только этого Тэней не помнил. Просто фраза, застрявшая в его голове и всегда напоминающая о нём. "Но как быть Клейвеном... если ты совсем на них не похож?" Такой вопрос мучал Тэнея всегда. Стоило ему только взглянуть на братьев или отца, на миг восхититься, расстроиться и принять долгое огорчение. Тень от таких столпов, как Лантис и Эйтель, грубо падала на мелкого Тэнея и полностью его покрывала с головой. И задумавшись об этом снова, Тэней поник и свесил голову.

– Что с тобой, Тэней? Ты все ещё держишь на нас обиду? – Эйтель поднялся со скамьи стоящей у конюшни и сначала нахмурено, а после удивлённо устремил свой взгляд на Тэнея.

Находясь под небольшим, бревенчатым навесом конюшни, усыпанной сухим сеном, как внутри, так и возле неё, Тэней разгребал носом башмака сухостой под собой, всматриваясь себе под ноги.

– Ты слышишь меня, братец? – Эйтель громко хлопнул в ладоши перед лицом Тэнея и навязчиво спросил.

Тэней снова будто очнулся и увидел перед собой раздражённого Эйтеля, на которого он смотрел исподлобья. Старший брат близко подошёл к Тэнею и непроизвольно прижал его своей черно-золотой кирасой. Правой рукой Эйтель схватил ухо Тэнея и потянул на себя.

– А так слышишь? – он наклонился и прокричал в оттянутое ухо.

– Осел, зачем ты так? – Тэней потряс головой так, чтобы вырвать свое ухо и попытался оттолкнуть обеими руками Эйтеля, но не смог. Он был слишком стойким, сильным и мускулистым, а тяжёлые доспехи на нем только прибавляли ему веса.

– Как? – старший брат обступил Тэнея. Грозно посмотрев сверху он провел языком по верхней челюсти и вздыхая цмакнул.

– Все ясно... Ты снова мечтаешь о своих снах. – недовольно молвил Эйтель.

– Я не из-за этого расстроен... – жалобно выдавил Тэней.

– Тебе уже четырнадцать лет, Тэней, а ты все ещё думаешь о каком-то там волшебстве, видениях и воспоминаниях во снах. Откуда столько бреда в твоей голове? – сказав, Эйтель поправил свои темно-серые завитые кудри.

– У тебя со дня на день помолвка, Тэней. Хватит задумываться о воображаемом. Теперь ты должен думать о своем будущем – жене, детях и...

– Не хочу об этом думать! – злостно выкрикнул Тэней.

– Что? Разве не о ней ты думаешь каждое утро и вечер? – Эйтель удивился.

– Конечно... Эйтель, только о ней и думаю! Просто пока не хочу заводить детей... – с трудом что-то выдумал Тэней.

– А я хочу. Хочу, чтобы наш род продолжался! Нанас теперь выпало это бремя. – Эйтель выговорил томно. – Мы должны быть сильными и нас будет много. Никто не посмеет усомниться в нашей власти, а если мы покажемся мечтателями, вечно думающими о бреде – нас в миг свергнут и смахнут, будто залежавшуюся пыль!

Тэней сердился и не желал смотреть в глаза Эйтелю. Скребя зубами он злостно вымолвил: – С чего ты взял, что это может быть бредом?

Эйтель, вдавливая в кожу ладонь, провел ей от лба до подбородка.

– Вот ответь мне... – Эйтель положил свою тяжёлую руку на плечо Тэнея. – Ты ясновидец?

Эйтель махнул головой и посмотрел на Тэнея снизу вверх.

– Нет? Тогда стало быть волшебник? – теперь взмахнул левой рукой.

Тэней казался щенком забившимся у стены и продолжал сердито смотреть под ноги.

– Снова нет. Тогда ты странствующий по снам? – Эйтель ехидно ухмыльнулся.

– Нет. – Тэней грубо ответил.

– Я просто верю в то, что во сне могу увидеть будущее или вспомнить забытое прошлое, и это определённо волшебство. – теперь Тэней посмотрел на Эйтеля задрвав свою голову.

– Ну и что же ты увидел в своих видениях о будущем? – хохоча спросил Эйтель. – Как впервые возлежал с девицей?

– Поверь, в них ты такой же высокомерный идиот. – выпалил Тэней.

– Это слепая вера, Тэней. Ты веришь в то, что совершенно невозможно. – Эйтель отчаянно прокричал на него.

– Тогда откуда появились великие птицы, о которых говорит чуть ли не каждый моряк. Десять футов в длину и пятнадцать в высоту, а размах крыльев которых, доходит почти до тридцати футов? – злостно выдал Тэней. – А рассказы о "ивликах"? Страшных существах, что живут под землёй. Каменных големов и оживающих горгулий, что охраняют ворота Арведа? А как же...

– Василиски, импы, келпи, вулверы... – Эйтель продолжил тяжело выдыхая. – Что там ещё, Тэней? Морские марулы и громовая птица? – он махнул рукой и отвернулся.

– Ты заложник своих фантазий, Тэней. – Эйтель сказал отчаянно и грустно. – Слишком много ты читал книг и слушал истории этого маразматика и фанатика, Мисрёмара.

Тэней сразу понял чувства брата, так как уже не в первый раз он ему говорил подобное.

– Ты можешь и дальше мечтать, но делай это реже. Всё-таки реальная жизнь отличается от той, что находится у тебя в голове. – Эйтель ухмыльнулся. – Реальная жизнь куда суровее. Попробуй выйти за пределы города и там ты встретишь их – импов, келпи, ивликов, только уже в облики людей. А люди, Тэней... Люди куда страшнее, злее и опаснее. Мне вот не понятно, что творится в твоей голове, но мне даже страшно представить, что творится в головах остальных людей. Поэтому – не бей голову и не думай о том, что пишут в книгах. – Эйтель напоследок сказал твёрдо и настойчиво, и ушёл к своей гнедой кобыле, ступая латными башмаками по сухому селу.

Звеня сталью, Эйтель что-то крикнул Рогеру, явно от недовольства после разговора.

Тэней перестал скрести зубами и ковырять башмаком сено, но теперь думал, что расстроил брата.

– Поскакали, Тэней. Нам пора выезжать. – сказал Эйтель, залезая в кожаное чёрное седло. Он возвысился на своей лошади и теперь выглядел ещё грознее. Черно-золотой рыцарь, гордый и честный, при этом заботящийся о собственном брате, но настойчивый и строгий – Эйтель

Клейвен, впервые подал Тэнею пример. Он смотрел на старшего брата и кажется, теперь с наступающим восхищением.

На миг, Тэней, захотел стать таким же, надеть подобные доспехи и гордо восседать в седле своего коня, но мысль о воспоминании во сне прервала его мимолетное желание. Он снова подумал о том странном гербе, развивающемся по ветру и прикрепленном к копыю некого всадника в доспехах. Все-таки его мечтания были ему куда важнее. Сны, казавшиеся воспоминаниями – должны перестать быть снами. Тэней подумал об этом решительно, поэтому сейчас же решил проверить и убедиться в своих мыслях. Впервые он увидел во сне значимую деталь – странный герб с горами.

– Только сначала я схожу в библиотеку на несколько минут. – Тэней прошёлся хрустя сеном и подошёл к коню Эйтеля.

– Это ещё зачем? – Эйтель нахмурено бросил взгляд вниз.

– Хочу в кое-чем убедиться и если я не прав, то быть мне дураком. – Тэней взобрался на своего мерина и ударил шпорами.

Эйтель не успел даже сказать слово, как Тэней уже легко и медленно приоткрывал дверь в библиотеку, высовывая свою голову со словами: – Добрый день.

Он придерживал дверь обеими руками, пытаясь найти глазами библиотекаря Мисремара.

После головы показалось и остальное туловище Тэнея, которое теперь стройно и уверенно возвышалось в проёме уже распахнутой двери.

Библиотекарь резко дернулся, доставая книгу с полки.

– Не ожидал вас увидеть, милорд. – он поклонился, сложив руки к низу на своей робе. – Пожалуйста, присаживайтесь милорд Клейвен. – библиотекарь провел рукой к стулу, как бы показывая и спросил: – Вы что-то хотели?

– Знаете... мне давно казалось, что в Дормовии гербы совсем не яркие. – Тэней прикрыл дверь и обернувшись к библиотекарю, завел руки за спину.

– И в них совсем нет зелёного. – продолжив, Тэней вальяжно ступал к высоченным полкам, на которых расположились не менее тысячи различных книг.

Библиотекарь задумчиво сжал в кулаке свою седую длинную бороду, протянувшуюся к поясу, и медленно провел рукой вниз, расправляя её.

– Все верно, милорд. Цвет о котором вы говорите, совсем не приветствуется в королевстве, как и на Эскультере в целом. – цмакая сказал библиотекарь.

– Но гербы в зелёном цвете все равно существуют? – Тэней все рассматривал книги.

Библиотекарь задумчиво подошёл к Тэнею и став с ним рядом, взял с полки какую-то запылившуюся книгу.

– Прошу милорд. – он отошёл к столу и положил на него книгу, которая осветилась светом лучей, проходивших сквозь переливающиеся витражные окна. Книга, ударившись о стол, пустила в стороны годовую пыль, которая поднялась в воздух и переливалась от падающих разноцветных лучей.

– Геральдика, к которой применимы зелёные цвета... – тяжело хвоя, библиотекарь присел на стул и сгорбился над книгой. – Имеет хоть какую-то значимость исключительно в южном Мардолорате, милорд.

Продолжая, он переворачивал тяжёлые страницы жёлтого старого пергамента, на которых виднелась чёрная, острая и завитая пропись. Остановившись где-то ближе к середине книги, Мисремар снял перо с латуновой подставки для чернил и протянул его к тексту, немного постукивая им по бумаге от тряски собственной руки.

Тэней все ещё стройно возвышался у полок, но теперь обернувшись к Мисремару.

– Покажите все существующие гербы. – он округло рассек рукой воздух, указывая пальцем на книгу.

– На сей момент тяжело сказать, милорд, есть ли тут все гербы южных земель Мардолората. – библиотекарь тихо прохрипел, хотя старался говорить громче.

– Книга давно не пополнялась новыми знаниями и записями.

Тэней все хмурил брови, но не от негодования, скорее от неверия в возможную реальность частички его сна, поэтому он хотел ошибаться.

– Вот, милорд. – библиотекарь перевернул страницу и указал пером на герб, кажется с зелёными листьями на белоснежно-голубом поле. После он двинул пером ещё ниже и постучал по красным львам, украшавшим светло-зелёное поле.

– Вот самый известный герб в зелёных цветах. Белые скрещенные ленты и четыре золотые эрфенские короны. – Мисремар чуть прокашлялся, прикрывая кулаком рот и хрипло воскликнул:

– Эрфен! Королевство восточного Арлинтера. – рука державшая перо дрожала настолько, что постукивания по бумаге были громки и чётко слышимы.

Тэней бегал по странице глазами, рассматривая каждый герб, но знакомого он не мог найти, пока Мисремар не перевернул страницу.

Волосы на голове Тэнея, от лба и до затылка пробежали дыбом, как и мурашки по всему его телу. Нахмуренные темные брови поднялись от удивления, а дыхание его, с резкими стуками сердца оборвалось. Тэней бесшумно и лениво попятился, задев ногой ножку стула. Позади его был ещё один стол. Крепкий и дубовый. Падая, Тэней, почувствовал резкую и тупую боль в затылке.

Он на мгновение перестал набирать воздух, а в глазах его стало медленно темнеть и герб, на который он смотрел, в его мыслях расплылся на чёрное и нечеткое. Глаза его окончательно закрылись под голос Мисремара, который молвил:

– А это три горные пики, стоящие на тёмно-зеленом поле. Герб Арсмердских графов Вилейнов.

Это было последнее, что он услышал тогда в библиотеке.

Выжженный тракт

Локрог пребывал в раздумьях. Он все ещё обдумывал случившееся, а сомнения на счёт письма не покидали его голову. Как и не покидали сира Виеля Вилейна, то и дело посматривавшего в сторону Глена испуганным взглядом. Глен Локрог уже два года не ступал по землям Ильдарии, в этом не было необходимости. Ильдария была самым очищенным и спокойным во всем мире королевством, несомненно до сегодняшнего вечера. Ремесло Локрога, заставляло всех таких как он путешествовать по миру, посещая все королевства Мардолората. Заглядывая в каждый угол, странники вроде него, рыщут в поисках особенных людей и порой находят, как и находили в течении сотни лет. И казалось, что весь необычный люд был найден и истреблен, пока не наступает похожий момент. И так год за годом, пока вести о особенных людях не станут доноситься, как в Ильдарии на протяжении пяти лет, с момента последнего приговора. С тех времен Глен всё ещё рыскал по этим землям, но два года назад покинул Тельтер, отправившись в жаркий Арлинтер. И эта жара, пекшая не тушимым пламенем и раскаленными, белыми и кривыми стрелами молний, кажется не отпускала Глена и только предупреждала. Кто-то точно не хотел, чтобы конверт попал в руки такого, как Глен. Несомненно, что-то затевалось, а письмо из конверта только подогревало нынешнее положение дел. Странник с востока был в замешательстве и теперь чувствовал опасность, затаившуюся где-то в глубине сумеречных лесов и редких роц. Усталость его добивала, мышцы гудели, а поясница ныла от долгой езды. Промокшая одежда не давала согреться, а холодная ночь на дворе приказывала телу Глена содрогаться.

От свежего, ночного воздуха можно было бы задохнуться, но Глен дышал медленно и ровно, не позволяя себе думать о холоде, пробиравшем его изнутри.

Выжившие все ещё шли от постоянного двора по тракту на Арсмерд. На четырёх оставшихся лошадях восседали сир Виель Вилейн, хозяин постоянного двора Лысый ус, гвардеец Брафи Таллард и странник с востока, Глен Локрог. Мчавшийся сломя голову из другого королевства, чтобы получить конверт в назначенный день в обозначенном месте.

Впереди них шли двое гвардейцев Вилейнов с фонарями в руках освещая путь, а остальные плелись где-то за ними, еле поспевая. До сих пор выжившие приходили в себя. Друг с другом они болтали о случившемся и вопрошали:

– Что же произошло? Неужто страж небесный спустил на нас свой гнев?

– Если где-то пахнет дерьмом, то не стоит винить в этом бога. – ответил знатный купец, оставшийся без лошади.

– Страж никогда бы не наслал на нас свой гнев! – выкрикнул кто-то.

– Великий определённо наблюдает за всем происходящим и видит каждый наш проступок, по крайней мере так говорят священные ордены. Даже предстая в виде четырёх личин, он будто земля, природа, вода и воздух, ощущает любое людское деяние. Великий стражник небес, земли, лесов и морей, а иначе великий бог. Называют его по-разному, но все равно верят. Верят, что он и кара, и прощение всему тому, что происходит в мире. – заметил Брафи Таллард, возмнив себя глашатаем.

– Это знает любой дурак. – гаркнул купец.

– Таллард! Лучше смотри по сторонам. – сир Виель осадил гвардейца, но слегка судорожно. Глен понимал, что молодой рыцарь всё ещё страшится.

– Нам повезло, что дождь успел все потушить. – утвердительно проговорил сир Виель, гордо восседая на белой кобыле в непривлекательном одеянии. Темный кафтан был на нём, скрытый под зеленоватым плащом, скрепленным серебряной брошью на груди. Голова его покрывалась такого же цвета капюшоном, из-за которого проглядывались длинные кудри. Но не было ни оруженосца, ни рыцарских доспехов. Оно и понятно, сир Виель ехал не на войну,

а в постоянный двор передать конверт. Но если он хотел выглядеть так, чтобы не привлекать внимание, то в этом Виель точно был бараном. О скрытности не было и речи.

Локрог достал трубку, забитую все ещё не докуранным табаком и с нескольких попыток подпалил огнём. Ночь была тихая, несмотря на разговоры ошарашенных людей. Локрог не замечал их, пытаясь расслышать звуки присутствия живности, раздающиеся где-то во тьме ночи. Только уханья филинов, завывания волков и пение сверчков сопровождало их путь.

Глен все ещё чувствовал опасность. Он всматривался в тёмные очертания лугов и опушек, а после глядел на звезды, расплывающиеся белым золотом на чёрном полотне. Глену часто приходилось глазеть на ночное небо, рассматривая созвездия и звездопады. Издержки службы заставляли его ночевать на улице в холод, мороз и дождь под звездным небом. Он был вольным, но не рыцарем. Скорее всадником, странствующим по всему миру в поисках заветных целей.

– Давно я не бывал в Ильдарии, но тут ничего не изменилось. – Глен молвил глубоко затянувшись.

– Насколько давно? – спросил сир Виель Вилейн, всё не отрывавший взгляда от мрачных очертаний на горизонте.

– Пять лет...

– Ваше присутствие не осталось не замеченным. Да и приём мы вам оказали довольно тёплый. – Виель проговорил грубо.

– Пламенный и шумный. – Глен продолжал смотреть по сторонам не замечая Виеля.

– Где-то мы точно согрешили. Да? Глен? Иначе, как объяснить то, что произошло? – теперь Виель уставился на Локрога.

– Вы всё также любознательны. Не думайте, что я в чем-то перед вами обязан и лучше молитесь стражу за своё спасение. – грубо ответил Глен, выдув перед собой дым, а Виель лишь вздохнул и снова всмотрелся куда-то во мрак.

– Понимаете, когда-то давно ходили слухи о неких людях, что читают письма на странном языке. Голосом они подчиняли природу и будто управляли ей. Они приносили огромную пользу людям, но однажды всё изменилось. Они смогли подчинить огонь и стали сжигать всё вокруг. Хохоча они наблюдали за сгорающими людьми. Казалось бы, обычная байка гуляющая среди детишек, которую преподносили как страшную историю. Меня она пугала. Даже представлять было страшно. Но кто верит в байки? И я не верил. Определённо до одного момента. Пока не прочёл то письмо и не осмотрел тот сверток бумаги из окровавленного конверта. – Виель склонил голову. – Когда мы ждали вас в постоянном дворе, меня всё ещё окутывали сомнения, но они в миг испарились после вашего приезда. – он завел руку, облаченную в перчатку из черной кожи за голову и приспустил капюшон. После обернулся и пустым, расстроенным взглядом оглядел Глена. В его глазах пронеслось отчаяние.

– Вы не обязаны Глен, но теперь я свидетель и прошу вас поведать мне...

– Вы увидели и прочли достаточно, чтобы понять всё самому. – Локрог даже не повел глазом и тем более не смотрел в сторону молодого рыцаря.

– Вас даже не волнует, что мной оно прочитано? – Виель нахмурил брови.

– Ещё как волнует. Если бы вы не вскрыли конверт, вместо вас меня ожидал посыльный, скорее всего отправленный вами. И вам бы не пришлось оказаться на волоске от смерти. Ваша жизнь куда ценнее, чем какого-нибудь посыльного и это меня волнует.

Локрог набрал воздуха и глубоко вздохнул.

– Могу лишь сказать одно – слухи отчасти правдивы.

Виель отвернулся и снова всматривался в ночной пейзаж, а Глен продолжал: – Видите ли, любознательность в наше время приводит к страшным вещам. Тот кто много знает, обычно спит вечность.

– Это угроза? – Виель надменно возвысил голову.

– Это следствие. Да и не вижу смысла угрожать вам. Просто волнуюсь за вас. – Глен снова выдул клубы дыма, снова затянулся и снова выпустил, но уже намного больше.

– Волнуетесь за человека, которого и дня не знаете? – криво ухмыльнулся Виель и снова опустел в своем взгляде, обращенным куда-то ко всему и одновременно в никуда. Подобно четвертому лику стража, преклонившего голову и смотрящего наискось. Четвертый лик называли стражем души. С головой Риллы – призрачной, неведомой птицы. Облачаясь в четвертый лик, великий, четырёхликий страж забирал любую иссякшую душу после смерти и отправлял в вечный полет к своему небесному царству.

– Это мой долг. Моя жизнь. Моя вечность. – Глен снял промокший капюшон и ладонью вытер лоб. – Тем более вы младший сын графа Эйвенда Вилейна. – твердо добавил он.

Виель опешил и изумился, словно слышал такой девиз впервые.

– Можете не беспокоиться. Я не дам себе так просто погибнуть где-либо. Хоть под завалами заведения разрушенного от нескончаемых молний и раскаленного пламени, надышавшись едкого дыма, хоть рядом с неизвестным странником, курящим табак. Попрошу вас не дымить в мою сторону... – монотонно, но грозно проговорил сир Виель. – Вы напоминаете мне о том, что произошло.

Глен слегка ухмыльнулся, услышав гордый голос молодого рыцаря. Его пустой взгляд и судорожные движения всё выдавали внутренний страх, заколоченный где-то за каменной стеной души, но в голосе Виель старался не показывать своих переживаний. Глена это забавляло, но и удивляла его стойкость. Сир Виель Вилейн не давал себе броситься в отчаяние от переисполнившего внутри страха. Все-таки старый Арсмердский граф, Эйвенд Вилейн, его закалил. Виель несомненно был одной из незабываемых гор, пики которых могущественно располагались на гербе Вилейнов, но ещё зеленой и совершенно малой. Когда-то и Глена мучал внутренний страх. Пустой взгляд, судорожные движения и только малый кинжал в юной руке. Налитый теплой кровью, отчаянием и предрешением, а смотрел тогда Глен в её глаза, жалостливые и наполненные страхом. Таким же, что питал его изнутри. Мой долг, моя жизнь, моя вечность – повторял тогда Глен и не останавливался повторять по сей день.

Путники ехали к городу очень медленно. Это не давало покоя Глену, так как время теперь играло слишком большую роль. Текст в письме об этом напоминал. Глен взглянул на хозяина, который продолжал бормотать себе под нос какой-то бред. Казалось, что он сошёл с ума от увиденного и пережитого. Локрог вспоминал как кричал людям о пожаре и как они выбегали из заведения под град молний. Когда-то Глен Локрог, будучи ещё юнцом, выслушивал наставления своих учителей: "Запомните, ваш долг найти нечистого, поймать его и доставить на небесный суд. Чем больше вы их поймаете, тем чище станет наш мир". Безусловно, он винил себя за смерть людей, ведь он их поднял на уши. Локрог не знал, что за участь их всех ждёт. Теперь он снова вспоминал о долге, чести и ответственности, которая выпала на его плечи.

Ночь веяла холодом и сыростью. Глен все сильнее раскуривал трубку, думая, что дым прогреет его изнутри.

– Взгляните на него. Мы уже проехали не меньше мили, а он все ещё не перестает. – Брафи показал рукой на хозяина, который склонив голову огорченно бормотал себе под нос и пребывал в трауре.

– Его горе понятно. Постоялый двор был для него целой жизнью. – Глен серьезно заметил.

– Эй, Лысый ус! Не переживай, мы Вилейны, выделим тебе денег на отстройку заведения. – он развернулся и теперь говорил всем идущим сзади. – И безусловно всем остальным, пострадавшим сегодня.

– Звезды прекрасны. Они всегда напоминают мне о блестящем золоте, а небо, словно кошелек усыпан ими. – не останавливался сир Вилейн, посмотрев на ночное небо.

Локрог неодобрительно покрутил головой и закатил глаза, но вряд ли кто-то заметил: – Не стоит долго всматриваться, оно определённо завораживает, но также может помутнить ваш рассудок сир, тем более если вместо звезд вы представляете монеты.

– Насколько важен текст в письме? – Виель, отрешенно посмотрел на него.

– Настолько, что любой гонец почуял бы хвост. – отвечая, Локрог смотрел перед собой. В голове он возмущался. Молодой рыцарь все не отставал от него и желал узнать больше.

Улыбка спала с лица Вилейна и теперь он отвернулся.

– Разве за гонцами можно уследить?

– Как видите, за одним уследили и напихали ему стрел в спину, а за вами слежку продолжили. – серьезно говорил Глен.

– Постойте, вы хотите сказать, что за нами все это время следили? – Вилейн повернулся к страннику, удивленно заявив.

– В тот момент, когда вы отдали мне конверт, за окном сверкнула белая, словно стрела молния. Вы же помните то разгорающееся дерево? – спросил Глен.

Виель серьезно кивнул нахмурившись.

– Прочитанное письмо и сверток той бумаги дали понять, что положение дел куда серьезнее чем я думал, а тот не тухнувший огонь стал для меня знаком. Но я всё ещё сомневался, пока не увидел мерцание в отражении.

– Вы заорали, что это был сигнал. – подметил Брафи насвистывая некую мелодию.

– Что это был за сигнал? – удивленно спросил сир Виель.

– За вами следил некий посыльный. Вероятно он ошивался перед вашими носами, но вы его не ощутили. Он выжидал момента и всё прекрасно знал. И когда мы встретились с вами, сир Вилейн, этот был уже наготове. Лампа его озарилась светом и подала сигнал.

– Неужели тем лицам из письма? – Виель спросил тихо, все ещё смотря на Локрога.

– Возможно. Но эти вести вам ни к чему. – Глен ответил грубовато, но понимал, что молодой рыцарь не отвяжется если ничего не объяснить.

– Значит правдивы... – Виель серьёзно оглядел Глена и поклонился головой. – Запомните моё слово. Все прочитанное – станет и моей тайной. – утвердительно и гордо сказал Виель, но опустелые глаза, кажется теперь страшились ещё сильнее.

– В этом я не сомневаюсь. – Глен сказал уверенно.

– А что же с сигнальщиком? Он сбежал или...

– Его настигла молния, сир Вилейн. – Локрогу часто приходилось скрывать, лгать или недоговаривать. Он все ещё опасался, но не выдавал себя и продолжал оставаться странником.

– Получается, нас больше не потревожат? – Виель вздохнул и вопросительно посмотрел на Глена.

– Уверен, они посчитали, что в таком хаосе никто не смог бы выжить. В их мечтаниях мы давно превратились в пепел, как и конверт, за которым они гнались. – Глен затаился.

– Знаете, Глен, ваш голос кажется мне знакомым... – задумался молодой рыцарь.

– Наверное, просто забыли. – Локрог осматривал стороны и пытался прислушаться к звукам в темноте.

– Вилейны ни о чем не забывают. – Виель ехидно ухмыльнулся и обернулся к Глену.

– Что ж... – Глен вздохнул. – Вы наверняка слышали мой голос и видели меня в Высоком Камне. На протяжении нескольких лет я помогал графу Эйвенду в одном деле. После чего моя служба в Ильдарии закончилась и пять лет назад мы попрощались на добром слове. С тех пор мы и не виделись. – рассказывая, Глен поглаживал гриву своей лошади, которую прозвал Резвой. – Но... кажется новая встреча близится.

Виель взбудоражился от услышанного и это отчетливо видел Глен.

– И что же? Вы были гонцом, служившим Вилейнам?

– Можно и так сказать... Помню вы всё пытались подслушивать важные разговоры Эйвенда с гостями. – Глен ухмыльнулся.

– Это судьба, Виель. Нити которой снова сводят меня с Вилейнами, чему я не очень рад.

Сир Виель Вилейн поник. Он поправлял свои светлые кудри и все ещё вдумывался, наверняка пытаясь вспомнить Глена.

– Вот почему вы проявили беспокойство. – заметил Виель. – Теперь мне все понятно, Глен Локрог. Надеюсь, ваши слова правдивы. В прочем, нам только предстоит это узнать. – утвердил Виель.

Кажется, сир Виель в чем-то подозревал Глена и возможно винил, но точно не пытался в этом разобраться.

К ночной тишине присоединились все, кто разговаривал ранее. Только Лысый ус не уставал и всё бормотал. Разговоры сменились некоей грустью, которая повисла над ними, а легкий ветер нёс эту грусть по сторонам, заговаривая природу вокруг. Теперь деревья, трава и прочие живности разом стали немыми. Уже не перешептывались и не издавали звуков, создавая тишину. Это было хорошее время для Глена, чтобы снова быть на чеку, а Виель, кажется, снова погрузился в раздумья. Брафи Таллард хотел разбавить кислые мины и чуть было не запел, но сир Виель Вилейн снова приказал не отвлекаться. До города оставалось немного, всего три мили. Галопом можно было преодолеть этот путь за час, если бы не наличие пеших людей. Поэтому лошади двигались шагом.

За топотом резко разыгрался ветер и подул в лоб, а на землю медленно спускался туман. Снова зашелестели деревья и трава. Кругом запели сверчки, а в дали раздался протяжный вой. Чуйка Локрога была особенной, а острый слух помогал отличать разные звуки. Резко сменившаяся ночная тишина, уже загустелый туман, окутавший белой пеленой так, что едва виднелись огоньки от фонарей в руках гвардейцев и завывавший ветер насторожили уши Глена. Особенно ветер, который дул в лоб прямо с дороги. Будто кто-то нёс этот ветер вперёд. Глен резко пригнулся к гриве и закрыл глаза. Отпустив топот лошадей, развивания ветра и прискорбное бормотание, Глен стал вслушиваться, стараясь найти новый звук. Недоумение мигом захватило лицо Глена, когда на миг послышался чей-то тихий голос, доносившийся откуда-то. Локрог осмотрел всех вокруг, но никто не говорил. Туман стал плотнее. Это заметили идущие впереди гвардейцы с фонарями. Дорога теперь освещалась куда хуже, а чей-то тихий голос снова послышался Глену. Он пытался расслушать голос, чтобы понять язык. И если это тот самый, то Глен снова оступился, не подумав о том, что за ними могли продолжить слежку.

– Не волнуйся мальчик, мама тебя вылечит. – ещё над юным Гленом сидела молодая женщина и что-то тихо шептала, зажимая тканью его глубокую рану в груди. Голову придерживала милая девочка и успокаивала его, поглаживая по волосам. Глен неожиданно вспомнил тот день, когда раненный пришел к порогу одной из хижин процветавшей деревни. Закрыв глаза, он уже оказался в теплом и уютном домишке, где женщина и её дочь лечили его. Тихий голосок матери, словно шепот, напоминал ему собственную. Глен разозлился внутри. Не было времени вспоминать моменты из прошлого, но тот голос был такой же, какой Глен слышал сейчас. И он был женским. Но если тогда это был шепот, то сейчас это был возглас на другом языке, тихо распространявшийся по туманной пелене и завывавший где-то вдалеке.

Глен резко выпучил глаза и нахмурил брови. Он незамедлительно вздернул поводья.

– С дороги! Прочь с дороги! – Локрог кричал как не в себя.

– Что происходит Глен? – Виель спросил ошарашенно. Все мигом вздернулись.

– Сир Виель, будьте готовы убегать. Уходите с дороги сейчас же! – Глен спешился, вынул из ножен крепленных на коне меч и снова взобрался на коня. Клинок изгибался подобно пламени, а высеченные на нём руны окрасились алым цветом от света фонарей. Кажется, сир Виель сильно удивился.

– Я рыцарь, Локрог! Рыцари не убегают.

Со звоном вынимающегося клинка из ножен, сир Виель Вилейн выхватил меч и возвысил его над собой.

– Что вы слышите, Локрог? Кто-то на дороге? – спросил сир Виель.

– Ну и слух у тебя странник, теперь я тоже слышу этот странный голос в тумане! – Брафи возмутился и тоже вынул меч, а двое гвардейцев выставили алебарды и отставили фонари. – И кажется топот... – добавил Таллард.

– Огнеглазая тварь где-то вдали. – Глен пробурчал себе под нос. – Туман спустился не спроста и я слышу тебя. – скулы Глена Локрога снова задрожали, а в мыслях он думал, что стражи снова ему подсказывают и предостерегают. Глен все еще мог сомневаться и об этом он тоже думал.

– Я не слышу никакого голоса. – сир Виель возмутился.

– Топот! Вы слышите? Лошадь приближается! – крикнул готовый ко всему Брафи Таллард. Теперь Глен не сомневался и тоже слышал топот на дороге, но где-то вдали.

– Фонари! Тушите фонари! – Локрог окрикнул всех и рысью пробежал вперёд.

– Убирайтесь с дороги идиоты! Ваши мечи и алебарды тут не помогут!

Он развернулся перед гвардейцем, который стоял с правой стороны дороги: – Потуши фонарь! – Глен бросил взгляд на стоящего слева гвардейца. – И ты тоже!

Но гвардейцы закрыли собой фонари и направили на него алебарды.

– Вилейн, прикажи им! – Глен оглядел его злобно.

– Нет! Всем оставаться на своих местах и ждать! – сир Виель сомневался, но не послушал Локрога.

– Вдруг это просто всадник!

– Топот всё ближе! – кричал Брафи. – Кто ночью будет развезжать по тракту? Очередной посыльный? – гвардеец сказал себе под нос.

Локрог отчаялся. Его никто не слушал, кроме людей, которые уже сошли с дороги и спрятались где-то в траве. Глен чуть проскочил вперёд и женский голос, который он продолжал слышать, стал запевать где-то в тумане. Глен обомлел, а его приоткрытый рот стал подрагивать

Ночной туман преграждал и так плохую видимость, а за топотом послышалось резкое вспыхивание, которое вызвало у Глена не передаваемый страх. Он уже слышал такое однажды. Локрог резко отклонил коня на обочину, но вряд ли успел бы что-то сказать остальным. Неожиданный звук вспыхнувшего огня раздался вблизи горящего света от фонаря на земле. Из пламени появился всадник на огненном коне.

– Призраки... – успел выкрикнуть Глен

Будто покрытый пеплом и углями, пылающий, как и лошадь под ним, призрак на миг проскочил из тумана. Рубанув огненным мечом по пешему гвардейцу, пылающий всадник снова вспыхнул огнем и исчез на скаку, став невидимым. Пол головы гвардейца с треском слетело под странный звук, а сам он запылал. Лошади разом поднялись на дыбы испугавшись.

– Бегите от огня! Он снова появится там, где горит огонь! – Локрог испуганно кричал всем.

Топот теперь слышался с другой стороны дороги. Лошадь сира Виеля стала не управляемой и пятилась боком визжа.

Брафи Таллард развернул своего коня, попятил его немного и встал перед сиром Виелем.

– О стражи, что вы послали нам в этот... – Брафи не успел договорить, как всадник снова вспыхнул огнем возле и на скаку прорубил голову его лошади. Она мигом охватила пламенем, а Брафи упал с неё. Лошадь сира Виеля вздыбилась ещё сильнее, но он смог совладать с ней и нанести взмах мечом сбоку. Он попал по скачущему мимо всаднику, но меч сира Виеля прошёл сквозь него, раскалился и запылал. Виель обжегся и выронил его, а всадник снова вспыхнул огнем и исчез, оставив после себя горсти пепла. Молодой рыцарь не смог разглядеть его и испугавшись, миготом отступил с дороги.

Глен уже развернулся и ждал всадника, который скакал к нему, будучи вспыхнувшим и скрывшимся в тумане. Топот копыт все ещё слышался, но Глен его уже не видел. Локрог знал, что это призрак огня. Он вспыхивает только возле огня и становится видимым.

Глен, своим пламевидным клинком, взмахнул слева и лошадь призрака огня напоролась на резвый боковой рубящий удар. Невидимость их спала резким вспыхиванием, а лошадь тут же рассыпалась пеплом под всадником. Оставшийся гвардеец нанёс колющий удар по упавшему всаднику, но алебарда прошла сквозь него и загорелась. Огонь в мгновение охватил и её владельца. Локрог уже спешившись рубанул сверху по голове призрака из пепла, но он вспыхнул в моменте и оказался у труп горящей лошади Брафи Талларда. Глен подбежал ближе, занёс меч сбоку, но всадник снова вспыхнул пламенем и оказался позади Локрога. Глен решил колоть, так получится быстрее. Он скользнул левой ногой и резко развернулся, направляя клинок за свою спину. Всадник уже занёс сбоку огненный меч, но вспыхнул снова за спиной Глена Локрога и принялся уколоть его. Глен заметил его выпад и отразил удар. Теперь клинки сцепились в огненном танце, раскидывая искры, пепел и языки пламени в разные стороны. Звуки стали попадающей по угольному, пылающему мечу распространились по округе, а в воздухе пахло тлением плоти и дымком. Сир Виель Вилейн спешился и подбежал к Брафи Талларду, при этом с трудом наблюдая за боем Локрога и горящего человека. Из-за тумана их было плохо видно, но Виель смог разглядеть человеческие очертания, покрытые золой, пеплом и огнем.

– Сир Вилейн, простите... он появился из неоткуда и рубанул мою лошадь. – Брафи огорченно обратился. Среди звуков издаваемых дуэлью огня и плоти, Виель расслышал женский голос.

Глен Локрог увернулся от рубящего удара. Призрак из пепла был невероятно быстр, ловок, но взмахи его были тяжелыми. Огненный клинок проскользнул у носа Глена и он чуть отступил, выбирая позицию. Призрак из пепла снова вспыхнул и исчез перед лицом Глена.

– Пение! Таллард ты слышишь? Где-то там поёт... женщина? Что за странный голос и язык!? – слышался голос Виеля, но Глен не обращал внимания и пытался найти невидимое существо, все разглядывая по сторонам и держа на изготовке свой меч.

– Только звон в ушах сир... только его и слышу. – кричал Брафи Таллард.

– Сир Вилейн! Берегитесь!

Огненная, безжизненная форма вспыхнула огнём возле Талларда, который все ещё лежал у своей горевшей лошади. Пылающий ярким пламенем меч призрака огня прорезал воздух, не попав по отклонившемуся назад Брафи. Пламевидный клинок Локрога проколол огненную спину показавшись из груди. Призрак огня рассыпался на золу, уголь и пепел, которые все ещё горели. Уставший, запыхавшийся Глен, кажется был на волоске от смерти, но дуэль он выиграл.

– Уходим! – Нужно убираться от сюда! – прикрикнул он всем.

– Ты в порядке, Таллард? – Виель взял его под руку. – Кто это был Локрог? Что ещё за напасть? – испуганный Виель трясся от страха. Его опустелый взгляд сменился широко раскрытыми глазами.

– Призраки огня, они появляются там, где горит огонь. Нужно было затушить фонари, но теперь уже поздно...

– Нет времени на разговоры, нужно спешить! – Локрог грубо гаркнул. – Вы слышите пение!? Голос из тумана все ещё доносится. – Глен теперь орал на ошарашенных Брафи и сира Виеля.

– Всадники! – Виель крикнул, поднимая Брафи Талларда.

Один вспыхнул прямо за Гленом. Лошадь его полностью была покрыта пламенем и новый всадник разгорался ещё ярче. Искрящийся, огненный клинок прошёл над головой Глена, не задев её. Глен всё чувствовал и успел увернуться. Наклонившись, он резко повернулся боком, заноса острый конец клинка в туловище пылающей лошади. Пламевидный клинок проколол её на скаку и со звуком стали втыкающейся в уголь, прорезал лошадь от брюха до задней ноги. Она

рассыпалась под всадником, как и прежняя. Глен теперь не стал пытаться взмахивать клинком и в одно действие направил его в шею упавшего всадника. Это был слишком ловкий приём и призрак огня рассыпался, приняв укол и не успев вспыхнуть, и переместиться. Второй всадник так и не вспыхнул.

Но вспыхнули другие и уже без лошадей. Поочередно они появлялись и окружали Глена. Огонь медленно охватывал их с ног до головы и теперь они стали видимыми. Их появилось сразу пять. Призраки направили огненные мечи на Глена Локрога, который был в полном замешательстве, но вспомнил фразу – «чтобы уничтожить, стоит всего лишь один раз коснуться их клинком». Огненные мечи всё приближались и Глен решил рискнуть. Он ловко кувыркнулся и размахом меча малость задел ногу одного из призраков. Тот распался на золу и пепел. Остальные четверо призраков начали вспыхивать и заносить мечи из невидимости, но промазали. Глен ещё раз увернулся кувырком и встал у границы тумана. За его спиной ничего не горело и теперь призраки не могли вспыхнуть позади. Вспыхнув перед ним, двое стали заходить с боков, а двое других шли напрямую. Глен, показал, что как бы взмахивает клинком по правому призраку. Тот повёлся на манёвр и уколол. Глен убрал корпус в бок и огненный меч лишь задел его плащ, а сам вонзил клинок в угольную голову. Тут же, он резко сблизился с двумя, что стояли перед ним. Глен присел, направив клинок в призрака, что шёл справа. Он прокол его ногу, а левый, стоящий перед ним, вспыхнул и взмахнул мечом сверху. Глен прекрасно видел и это. Тот, что заходил с левого бока, вспыхнул перед Гленом и из ниоткуда появился его огненный меч. Он направлялся точно в голову Глена. Но Локрог ловко поднялся и проткнул призрака, заносившего огненный меч сверху. Призрак промедлил и Глен одним взмахом разрезал уголь в бок. Вынимая клинок из туловища безжизненной формы, продолжив движение, он отразил удар последнего оставшегося призрака огня. Пламевидный и огненный клинки в миг сцепились, как будто ненавидели друг друга вечность, хоть и были чем-то похожи. Искры отлетали с языками огня и падали на землю поджигая её. Туман, словно наблюдал за схваткой и расчистил поле для небольшой битвы, которая хватилась огнём. Кровь в жилах Локрога пылала, подобно огню пылающего призрака. Сир Виель Вилейн и гвардеец Брафи Таллард всё это время стояли замершие и наблюдали. В их глазах отражалась дуэль огня и плоти. Оставшийся призрак вспыхивал и перемещался с невиданной скоростью, все выбирая новое место. Он наносил удары, выпады и взмахи из невидимости, но Глен отражал их все. Он чувствовал его и всегда направлял свой пламевидный клинок в нужную сторону.

Глен предугадывал все действия призрака, но уже сильно устал и начал замедляться. Последний невидимый выпад пришёлся с боку и уколом, огненный меч, проскользнул перед глазами Глена. Это был решающий момент для Глена Локрога. Он снова присел, закручивая свое туловище и клинок влево. С прорубающим звоном, сталь прорезала уголь и последний призрак рассыпался, а огонь вокруг резко потух.

– Фонари, сир! – взбудоражено прокричал Брафи Таллард где-то за спиной.

– Глен! – глухо послышался крик Виеля.

Локрог уже падал в пепел и золу, выронив свой пламевидный меч. Пение закончилось и Глен больше не слышал тот тихий, женский голосок. Теперь он слышал сира Виеля Вилейна, который присел над ним и просил прощения. Усталость от битвы и недостаток сна слишком расслабили его. В глазах стало мутнеть и Глен медленно их закрыл.

На встречу к солнцу

Голова Тэнея кружилась. В глазах он видел мрак, боль в правом боку была не сильной, но давала о себе напоминать, а за нежным женским голосом, который он еле слышал в полудреме, распознавался звук соприкасающихся ладоней.

– Тэней! – голос зазвучал ещё нежнее и как-то расстроено. – Слышишь меня?

Тэней прекрасно слышал голос, как он полагал, Инисы. Они не виделись уже год и он мог ошибаться, так как голос звучал прерывисто и отдалённо, но все равно напоминал её. В голове Тэней мысленно представил медные кудри Инисы, легко спускающиеся до стройной талии, веснушки на её румяных упругих щеках, пухлые розовые губы и светло-зеленые, отливающие изумрудным, глаза. Боль также напомнила Тэнею, что гостей он не встречал, глупо споткнувшись в библиотеке и разбив себе голову. Кажется и голова стала болеть в эту же секунду, стоило только подумать о ней.

Теперь голосов стало больше и они сильнее давили на и так болезненную голову. К милому женскому голосу добавился звонкий и бодрый возглас мужчины. Вероятно это был Эйтель, так как в его голосе была особая изюминка – чуть слышимая глухая хрипота.

Покалеченный собственноручно Тэней, попытался дёрнуть глазами, но затылок пронзила дикая боль, сопровождавшаяся сдавливанием и внезапной остротой.

На фоне головной боли, Тэней расслышал третий голос и это был Лантис. Он отчётливо распознал гордый и звенящий тон наследного принца.

– Всё ещё спит? – отдалённо и неразборчиво услышал Тэней.

– Кажется, уже не спит. – томно и нежно ответила та, с которой Тэней все боялся увидеться.

– Ну теперь ты расскажешь, что с ним стало? – Лантис действительно спросил.

– Он попросился в библиотеку на несколько минут, а после библиотекарь прокричал с башни, что королевский сынок потерял сознание. – это был голос Эйтеля.

– Что ему было нужно в библиотеке? – Лантис все ещё был настойчив, а в голосе звучало недоверие.

– Откуда мне знать? Я иногда не понимаю, что написано у него на лице, а ты ещё хочешь, чтобы я заглянул в его юную голову? – Эйтель ответил резко, с явным недовольством.

– Только ты ещё можешь что-то сделать. – Лантис сказал на выдохе.

– Оставь свои жалкие потуги кому-нибудь другому. Я не нанимался в воспитатели, тем более ему уже четырнадцать. – было слышно, как Эйтель яростно прошёлся по полу, наверное устремляясь к выходу.

После, громкий гомон разом закончился и в комнате воцарилась тишина, только птицы летали где-то снаружи и характерно трелили.

Под собой Тэней чувствовал мягкую перину, на которой лежала его левая рука и ощущала гладкую и мягкую ткань. Голова его была слегка приподнята и спокойно утопала в подушке. Даже при закрытых глазах Тэней распознавал свет, который направлялся откуда-то слева и напоминал ему его комнату.

Тут же, Тэней понял, что вероятнее всего находится в своих покоях. Его лицо освещали желтовато-белые, но не яркие лучи, а значит на дворе все ещё был день, подумал Тэней, и в отключке пролежал он не долго. "Какой же я дурак" – говорил он в своей голове, которая раскалывалась ещё сильнее.

После недолгого молчания Лантис снова заговорил.

– Споткнулся и разбил голову... – он будто ухмыльнулся. – Это даже звучит нелепо. Неуклюжий, мечтательный и влюбленный юнец.

Кажется, Лантис немного походил по комнате, от чего Тэней, отдалённо, где-то в глубине звука слышал шаги.

– Наверное одни мысли о тебе, Инис. – ехидно сказал Лантис, но в ответ получил лишь молчание.

Тэней продолжал ощущать нежное прикосновение её рук к своей ладони, которую она поглаживала не уставая.

– Тэней... – протяжно, почти шёпотом, сказала Иниса возле его уха.

– Ты слышишь меня?

Тэней решил подать хоть какой-то знак, но глаза он все ещё не мог открыть. Голова не переставала трещать, поэтому он пошевелил ладонью, которую держала Иниса.

– Пошевелил. – послышалось лёгкое девичье удивление. Она медленно, лёгонькими движениями пальцев, провела ногтями по его внутренней стороне ладони.

Тэней решился.

Сквозь острую и внезапную боль в затылке, он все-таки приоткрыл медленно глаза. Показался нечеткий и расплывавшийся вид Инисы, которая была одета в бело-голубое платье, с переплетенным вырезом на шее.

– Ты очнулся, Тэней. – Иниса искренне обрадовалась, сидя на кровати рядом с ним, и немного задержалась.

Он попытался сказать про библиотеку, про герб и про то, что впервые его сон совпал с реальностью, но молвил лишь: – Здравствуй. – слабым голосом, вяло и неуверенно сказал Тэней и не отрывая глаз, напал взглядом на Инису.

Теперь он отчётливо видел потрясающие очертания её лица, гладкие медные кудри, спускающиеся до пояса и шикарное шелковое платье в цвет своего герба. Оно отливало нежно голубым от горла до ног, полностью облепляя её стройное тело. Покрывающие её руки, белые рукава платья, с вышитой голубой окантовкой по краям, аккуратно спускались к её тонким кистям.

– Хватит притворяться. – в покои вошёл Эйтель, все ещё в своих парадных доспехах. Наверное доспехи он любил больше, чем себя. – Ты лишь слегка ударился головой.

– Почему вы ещё не пируете? – вяло и тяжело проговорил Тэней.

– Пир только начинается. – протяжно ответил, стоящий у окна, Лантис.

Тэней немного приподнял голову и теперь почувствовал, что боль не такая уж и острая. Укутанный в белую простыню, Тэней думал, что он совсем беспомощный, раз так глупо потерял сознание.

– Вот как ты решил меня встретить. – Инис проговорила с огорчением, но по ней было видно, что она была рада здесь оказаться.

– Прости. – Тэней сжимал гладкую ладонь и теперь отчётливо пялился на неё, от чего Инису, немного бросило в краску.

В этот момент, кто-то из пажей вошёл в комнату, остановившись в проёме двери.

– Сиры. – он обратился к Эйтелю и Лантису.

– Король сейчас же желает видеть вас на пиру.

– Ну что ж, пора нам уходить. – сказал Лантис, поправляя свою черную шелковую тунику, вышитую золотыми звездами.

Эйтель нахмурено посмотрел на Тэнея.

– Мы с тобой ещё поговорим, братец. – и после устремился к двери.

Братья зашагали закрыв за собой дверь. В комнате стало тише, слышалось только неровное дыхание Инисы, которая продолжала поглаживать ладонь Тэнея и видимо, решила молчать.

Мысли о боли и о случившемся разом переменялись резким переживанием. Сердце Тэнея влюблённо забило и неловкое молчание между ними явно тревожило обоих.

– Сильно испугалась за меня? – Тэней вымолвил первое, что пришло ему в голову. Иниса резко забегала глазами, смотря на стену.

– Ну конечно переживала и немного расстроилась, когда твой брат сказал мне, что ты счёл разбить голову, вместо того, чтобы встретить меня.

Теперь она ближе подвинулась к Тэнею.

– Мой отец сказал, что ты сделал это намерено. – она игриво улыбнулась.

– С чего бы? – Тэней спросил с удивлением.

– Чтобы не жениться... – Инис смущённо ответила.

Тэней задумчиво посмотрел в распахнутое окно, из которого, отдалённо виднелись ярко зелёные скалистые овраги. Он решительно думал о помолвке с ней и поэтому, собрался с мыслью рассказать Инис про свой сон, но не вымолвил ни слова, продолжая молчать.

Постепенно Тэней приходил в себя. Он точно поспал ещё несколько часов, после ухода братьев, а после проснувшись, был накормлен Инисой самолично. Она проявляла к нему искреннюю заботу и любовь, поэтому боли в затылочной части головы постепенно ослабевали. Смех и пьяные голоса поющие песни, слышались со всех уголков замка. Тэней хотел посетить пир, но посчитал нужным провести время в спокойствии, так как резкие звуки все ещё донимали его голову.

Пока знать, приехавшая в замок со всего королевства, пиновала в главном зале, они с Инисой отправились в один из замковых садов посмотреть на закат. Тэней шел медленно и немного отречено, еле поспевая за Инисой, которая влюбленно бежала перед ним, размахивая своим нежно-голубым платьем, с вышитыми золотыми соколами на нём. Его черный, бархатистый плащ спускался до самых пяток, чуть не задевая землю и олицетворял противостояние, происходившее внутри Тэнея. Сейчас в его голове боролось несколько мыслей, вперемешку с сомнениями, страхами и непониманием. Он свято поверил в то, что самостоятельно себе внушил, либо увидел истинную правду. Эти вопросы не давали ему покоя и возможно, Инис, помогла бы ему разобраться, в отличие от Эйтеля и Лантиса, которые при всяком случае, клеймили его идиотом. Он не любил Эйтеля за его высокую склонность к самолюбию, но Тэней не считал, что ставить собственное мнение превыше другого тоже самолюбие, при чем ярко выраженное. Лантис же, казался Тэнею совершенно отдаленным и напоминал ему отца. Строгого и равнодушного.

Тэней ступал по открытому коридору замка, из которого можно было попасть в любой замковый сад. Он задумчиво смотрел на золотисто-медные волосы, которые гладко расплывались на её плечах. Для Тэнея она была прекрасней тех пейзажей, что он разглядывал по утрам, а цвет её волос всегда напоминал ему о рассветном и закатном солнце. С того момента, как Тэней увидел герб и потерял сознание споткнувшись, он все продумывал некий план, мысли о котором, заставляли его руки трястись. Сомнения наполняли его разум, но он был решителен и думал, что это не просто воспоминания о далеком прошлом, а странные намеки судьбы. Он обдумывал это последние несколько лет, но даже малейшая мысль об этом, казалась ему не подобающей разума принца. Он думал о последствиях, которые определенно возникли бы, сделай бы он это. Отец точно был бы в гневе. Время шло, а мысли сменялись. Тэней рос и действительно обдумывал свои будущие шаги, как и думал об ответственности, которая легла бы на его плечи.

– Не отставай, Тэней. – обернувшись, Инис, зазывала его руками.

– Может поможешь мне?

– Ну ты же не старик. – ответила она, но все равно стала с ним сближаться.

– Даже с покалеченной головой тяжело передвигать ногами. – Тэней ухмыльнулся и вспомнил про боль в затылке.

– Ну давай руку, покалеченный. – Инис мило засмеялась, а Тэней протянул ей руку, которую она снова крепко сжимала.

Снова почувствовав соприкосновение между ними, сердце Тэнея забилося, а уши налились и загорелись. Он ощущал невинное возбуждение, а любовь пронзала его живот. «А ведь я могу её потерять» – на мгновение подумал он.

Такое обязательно случится, если его выбор падёт на побег, который Тэней теперь решительно обдумывал. Он конечно, не считал своё возможное действие побегом, а скорее склонялся к временному оставлению родового гнезда. Здесь его никто не понимал. Кроме неё. И только она смогла бы что-то изменить. По крайней мере, он надеялся на последнего человека, который смог бы его понять.

– Ты хочешь кое-что узнать? – Тэней спросил влюбленно.

– Что именно? – Инис тащила его за собой, все крепче сжимая руку.

– Помнишь, я когда-то рассказывал тебе о своих странных снах? Так вот, сегодня ночью мне приснился ещё более странный сон. – вымолвил Тэней.

– Опять ты об этом... – на вздохе, ответила Инис.

– Нет. Послушай меня. Этот сон более чем правдив.

– Почему же?

Тэней рассказал сон от начала и до конца, а после остановился на гербе, который он видел и во сне, и наяву.

– То есть, такой герб существует... – задумчиво молвила Иниса. – Но почему ты думаешь, что раньше его никогда не видел?

– Я никогда не бывал в Тельтере, Инис, и не ступал по землям каких-то там Вилейнов. – утвердительно ответил Тэней.

– Может ты уже читал эту книгу с геральдикой? – обнадеженно спросила она.

– Ну нет же. Мне никогда не доводилось видеть этот герб. – доказывающее отвечал он, недовольно размахивая левой рукой.

– Ну во сне же ты его видел. Ведь это был ты, а не кто-то другой? – нежно говорила Инис, легко шагая и поправляя правой рукой свои прекрасные волосы.

– Да, это было моё воспоминание. – Тэней задумался. – Как и многие воспоминания до этого. Уже не в первый раз я вспоминаю другую жизнь. Детскую и давно забытую, но теперь показавшуюся мне во снах. – он промедлил и продолжил после того, как они прошли в арку, ведущую в цветочный сад, в центре которого стоял небольшой фонтан. К нему вела брусчатая дорожка, по бокам которой, росли кустовые, белые розы. Цветочный аромат наполнил нос Тэнея, а обстановка становилась романтичнее.

– Мне пришлось рассказать только некоторые воспоминания, но на самом деле их было больше. Я отчетливо помню, как играл с какими-то детишками в деревне. Как прижимался к чьей-то чужой груди. Как бегал и веселился, и как был спасен кем-то из пылающего дома. – на последнем, Тэней, резко оборвал и огорчено посмотрел в её светло-зеленые глаза, которые внимательно хлопали.

– И как ехал с другими детьми в обозе заваленным сеном, который сопровождал рыцарь с гербом трех горных пик. – он твердо и нервно закончил.

– Что ты хочешь этим сказать? – Инис спросила возмущенно.

Все за и против сложились в голове Тэнея, и теперь, он четко понимал свою тягу к стремлению разузнать правду. Он глубоко вдохнул, остановился и взял её обе руки, крепко сжав в своих. Позади неё виднелось ярко-оранжевое солнце, отливавшее буро-красными оттенками. Оно заходило на горизонте и освещало теплыми лучами холодное лицо Тэнея.

– Это не мой дом. – он сказал твердо, смотря на её нежные руки. – Поэтому я покину его сегодня же. – теперь он посмотрел в её ошарашенные глаза.

– Что? О чем ты? – она мотала головой и не понимала.

– Все просто Инис. Я точно уверен, что все эти воспоминания из моего далекого детства.

– Нет, нет, нет. Это просто сны, Тэней. Перестань верить в то, что снится нам по ночам. – она говорила так, будто умоляла его. – Мне вот снилось, что я летала, как будто была птицей, но это не значит, что у меня когда-то были крылья.

– Ты не понимаешь. – он выронил её руки и отвел взгляд в сторону.

– Ты вообще слышишь меня? – Инис пыталась закричать, но голос её звучал слишком нежно и мило, поэтому казалось, что она просто говорит себе под нос.

Тэней уже не раз подмечал этот факт, но снова молчал, позволяя ей сказать больше.

– Возьми свои глупые мысли о снах и выкинь их куда-нибудь подальше. – она махнула рукой, как бы показывая недовольство и развернулась.

Тэней провожал взглядом Инису, которая скрестив руки, направлялась к центру сада, в котором лил воду небольшой мраморный фонтан. Она шла легко и теперь левой рукой поглаживала цветочные кусты.

– Ну и чего ты молчишь? – она резко обернулась и бросила пронзающий взгляд в глаза Тэнея.

Она была недовольна, что он не прислушивается к её мнению, а Тэней был недоволен тем, что она ему не верила. И он не желал её слушать и сейчас, как и не слушал нравоучения Эйтеля и Лантиса. Тэней слушал и слышал только себя и только себя.

Инис грустно покрутилась, немного дую свои пышные молодые губы, а Тэней выдохнул и решил попробовать снова доказать свою теорию, в которую свято верил. Все-таки ему нужны были её слова поддержки. Только она, все ещё могла его услышать.

– Инис. – Тэней решительно устремился к фонтану, отбивая каблуком камень.

– Почему ты мне не веришь? – он стремительно подошёл к возлюбленной, которая теперь сидела на скамье и опиралась об неё обеими руками.

Она огорченно смотрела в сторону, наклонив голову на левый бок и скрестив ноги под скамьей.

– Я не верю твоим глупым снам и не верю, что они могут быть правдивы. – она все смотрела в сторону. Лёгкий летний ветер раскинул её кудри.

– Но понимаю, что ты чувствуешь. – теперь она бросила взгляд снизу, прямо на Тэнея, в котором он видел некую жалость. Она ухватила его левую руку и провела большим пальцем по костяшкам кулака.

– И... – Иниса устремила глаза в землю. – ...если ты в это действительно веришь, то эта правда только твоя. – она пыталась и поддержать его, и одновременно дать понимание для его безделья.

Тэней чувствовал только огорчение, а поддержку в этих словах он и не слышал.

– Зря я рассказал тебе свои тайны. – он лениво смотрел в её чисто голубые глаза, которые теперь медленно утопали в слезах. – Зря поверил тебе. И зря влюбился в тебя. – последнее он бросил отречено.

Глаза Инисы слезились все сильнее.

– Что ты такое говоришь, Тэней? Неверие в твои фантазии и сны, никак не задевают мои чувства... – она снова хотела кричать на него, но голос молвил слезливо и истерично.

Тэней достал правую руку из под плаща и прислонил к её левой щеке, с которой стекала слезинка, и принялся поглаживать большим пальцем. Иниса поднялась, поправляя свое нежно-голубое платье, и теперь прямо смотрела Тэнею в глаза. Обеими руками она до коснулась до его щёк и притянула его голову так, чтобы губы их соприкоснулись. Тэней немного растерялся и почувствовал тепло внутри. Его сердце забило сильнее, а щеки стали краснеть. Нежный и лёгкий поцелуй расслабил Тэнея. Инису тоже бросило в краску, а её розовые губы подрагивали. Она все ещё не отпускала его щеки, а он все же решился ей это сказать. Тэней отлучился от неё и направился к высокой липе, проходя мимо цветочных кустов, остановился у дерева и посмотрел на закатное солнце.

После он обернулся к ней, поправив свои короткие темные волосы и сказал:

– Прощай, Инис. Если спросят: «куда подевался Тэней?», ответь им, что он направился к рассветному и закатному солнцу.

Эти слова стали последними, которые он сказал Инисе. Плащ его стремительно развивался по ветру, а ноги уносили его прочь. Иниса все стояла там же и лишь пускала реки слёз от непонимания того, что произошло. Тэней бежал по каменным коридорам замка, в которых слышались отголоски того самого пира. Под пьяный хохот, пение и звуки струнных инструментов, Тэней оказался во дворе замка из которого последовал в главную башню. Быстро поднимаясь по ступенькам, он оказался в своих покоях и отыскал запрятанный кисет с золотыми монетами, который повязал у себя на поясе.

Он снова оказался во дворе замка, который был наполнен различного рода людьми. Тэней перешел на шаг и спокойно направлялся к конюшне. Он видел, что главные ворота до сих пор были открыты. В них ещё ввозили обозы, заезжали всадники и внимательно следили и охраняли стражники. Тэнею лишь нужно было оседлать коня и галопом проскакать в ворота; после попасть в город и выехать на дорогу, ведущую к портовому городку Йорфену, а там он уже сел бы на корабль и отправился в Тельтер.

В мыслях и мечтаниях Тэнея всё звучало слишком просто. Он уже не думал о своей семье, о своем родовом гнезде, о братьях и отце. Тэней даже не думал о том, что мог сильно огорчить Инису своим поступком. Его ни на мгновение не угрызала совесть, потому что он шёл к своей заветной цели.

Проходя мимо людей во дворе, Тэней попал в конюшню, где его, неожиданно встретил конюх, вывалившись из стойла.

– Вы что-то хотели милорд? – почесывая седую бороду, лениво спросил конюх.

– Да. Седлайте моего коня. Мы с братом едем на скачки. – Тэней врал осознано и даже не волновался.

– Сию минуту, милорд. – ответил конюх и направился к стойлу, в котором располагался мерин принца Тэнея Клейвена, четырнадцатилетнего юнца, который неожиданно посмел бежать на встречу к чему-то неизведанному.

Конюх без особого энтузиазма вывел буланого мерина, золотистого с черной гривой и белым, пушистым хвостом. Тэней нацепил шпоры на свои сапоги, взобрался в седло и вставил ноги в стремяна. Он решительно осмотрел всех тех, кто опустошал кубки и смеялся во дворе. Знать даже не обращала на него внимания, а значит убежать ему не составит труда. Под музыку, которую играли менестрели и завывания знатных гостей, Тэней погнал своего скакуна к воротам, который разогнался так быстро, что через мгновение оказался за пределами замкового двора.

Извилистая, короткая дорога от замка до города была пройдена и теперь мерин скакал по мосту, который вел к тракту до Йорфена. Тэней крепко сжимал поводья и стремительно направлялся вперед, проезжая мимо фермерских полей, мельниц и мелких деревушек. Ему казалось, что прошел лишь миг, но скакал он уже не менее одной трети четверти суток. Закатное солнце, всё ещё заходящее на горизонте и видневшееся где-то за скалистыми оврагами и лесистыми перевалами, все подсказывало Тэнею путь его мечтаний. Мерин стал тяжело дышать и Тэней дал ему немного передохнуть, переведя его на шаг.

Раз за разом, Тэней оборачивался и смотрел нет ли позади всадников. Страх медленно подбирался к нему, как и ночь, которая медленно наступала, сменяя день сумерками. Осознание, что теперь он совсем один, бредущий по дороге не в окружении своих родных братьев, не давало ему покоя. Эта округа сильно отличалась от той, что находилась у замка и это его пугало, и настораживало. Но он определенно был готов к переменам и знал, что все получится не так просто, как могло бы ему казаться, поэтому он снова ударил шпорами и мерин резко встал на дыбы, а после устремился вперед, развивая свою черную гриву по вечернему, теплему

ветерку. Он огорченно вспомнил лицо Инисы, которое наливалось слезами; презрение Эйтеля, который резко высказывался о его мыслях и безразличие Лантиса, который и знать не желал, о чем думает его младший братец.

Топот и поднимавшаяся от копыт пыль вернула Тэнея к осознанию, что скакать ему предстоит ещё целые сутки, а мерин уже весьма устал, да и Тэней чувствовал задубевшую поясницу, которой определённно полагался покой.

«Наша реальность отличается от той, которую ты придумал у себя в голове» – Тэней вспомнил слова Эйтеля, которые он говорил ему сегодня утром. Как бы не был он решителен, Тэней медленно чувствовал огорчение и какое-то одиночество, которое заставляло его глаза слезиться.

Он снова перевел мерина на шаг и они медленно пошагали по дороге, которая теперь заводила их куда-то в рощу, освещавшуюся алыми закатными лучами. Небо светилось бурозоковым на горизонте, а позади уже окрасилось в темное. Сумерки все ближе наступали, а страх полностью окутал юную и зеленую голову Тэнея. Но это стало для него неким символом его побега, поэтому он полностью остановил мерина и внимательно рассмотрел заходящее солнце. Огорчение немного сменилось восхищением от собственного поступка, а резкий порыв ветра, который поднял его плащ и развил позади него, напомнил Тэнею о предстоящих сложностях.

После ярко выраженного звука от ветра, послышался короткий свист справа, а затем слева. Тэней неожиданно испугался и уже решительно хотел погнать коня, как в ему в голову что-то прилетело сбоку, и в его глазах потемнело снова.

Снова очнувшись после отключки, Тэней уже чувствовал и ощущал что-то противоположное замковым покоям. В запахе отчётливо прослеживалась свежесть природы, отдалённо похожей на ту, что царил у замка. Воздух показался ему слишком влажным и холодным. Будто туман обволакивал его лицо и тело, заставляя немного трястись от холода.

Звуки были глухими и тихими. Где-то затрещали сухие ветви, где-то послышалась птичья трель, а где-то зазвучал хриплый мужской голос. Он послышался все ближе и ближе, становясь все грубее и страшнее. Тэней испугался и понял, что глаза его завязаны. Он попытался закричать, но тут же ощутил что-то объёмное во рту. Земляной и травянистый запах наполнил его нос, а по телу быстрым шагом прошлись мурашки. Звук шуршащей листвы все подбирался.

Страшный и противный голос теперь послышался очень близко.

– Ну давай уже разденем её. Моё терпение кончается. – голос был будто в двух метрах и отличался своей настойчивостью.

– Нет. – протяжно и грубо ответил кто-то. – Нельзя. – последнее выпалилось с огорчением.

К Тэнею подобралась паника, но он пытался сохранять спокойствие и не шевелится. Тем более, он теперь почувствовал, что его руки связаны вокруг дерева и страшно болят. Как и болит его спина, тесно прилегающая к неровному и грубому стволу, будто впиваясь в кожу и оставляя отметины.

Ягодицами он ощутил холод мокрой земли под собой, а в мыслях вспомнил о тех самых сложностях на его пути.

С новыми ощущениями добавилась и вина за содеянное. Тэней понимал, что подставил братьев, отца, Инису и теперь боялся за свою жизнь. Умирать он отказывался, но мысли о том, что его могут убить были первостепенными. Ведь, как ему казалось, он находится в заложниках каких-нибудь разбойников, о которых постоянно рассказывал ему Эитель.

– Ну давай хотя бы потрогаем её там. Это же принцесса. – теперь голос первого звучал нетерпеливо и озабочено. – Ты когда-нибудь трогал принцессу там?

– Они где-то здесь. Нельзя шуметь. Иварт приказал. – второй говорил твёрдо и спокойно, вероятно выполняя возложенную обязанность.

Тэней сейчас же подумал о принцессе, про которую говорят разбойные морды и не мог понять, о ком же идет речь. Резкое переживание заставило сомкнуть его рот и выплюнуть то, что находилось в нем.

– Он выплюнул мох. – резко сказал второй и будто подорвался с места.

Во рту все ещё находилась земля, но Тэней успел вымолвить лишь имя брата, которого он, вероятно задел своим поступком, но все ещё надеялся, что Эйтель где-то рядом и может его спасти, ведь от города Тэней отъехал не так далеко.

– Эйтеель! – протяжно и во все горло заорал Тэней, немного прохрипев.

– Заткни ему рот! – утвердительно сказал первый.

– Ублюдки. Мой брат вас... – на этом его потуги закончились, а голос оборвался с ударом по лицу. Правая щека Тэнея резко ощутила грубый и сухой кулак, но Тэней все ещё оставался в сознании. После удара они замолчали, а на своих губах, Тэней ощутил ту самую сухую ладонь и кажется, пахнущую дерьмом.

– Вот так. Тихо малец. – сказал второй, а Тэней мычал, пытаясь подать голос. Как тут, он почувствовал холод острой стали на своей шее.

– Молчи, а то глотку полосну тебе. – второй прошептал очень тихо.

– Только не порежь принца. – послышался тихий и беспокойный голос первого.

– Не порежу.

Тэней не мог подать голос и в данный момент только надеялся на то, что кто-нибудь услышал его.

– Они тут. Рыщут. – прошептал второй.

– Может нам убежать? – первый судорожно волновался, но тоже говорил шепотом.

Где-то в глубине слышались короткие птичьи позывы, а после что-то затрещало, напоминающая стуки дятла по стволу. Тэней понял, что находится где-то в лесу у тракта к Йорфену, но насколько глубоко он не осознавал.

– Нет. Нужно ждать.

Тэней слышал лязг кольчуги и звукдвигающихся латных пластин, а значит, его спаситель был где-то близко.

– Слышишь? Они рядом. Давай дернем. В тумане нас не догонят. – нервно говорил первый.

– Хорошо. Режь веревку. – сказал второй.

Тэней занервничал, ведь понимал, что теперь у него есть шанс вырваться, но продолжал сохранять спокойствие.

Латы зашумели ещё сильнее. Кто-то подбирался к ним, Тэней отчётливо это слышал.

– Кажется, шорох сзади. – сказал первый.

С этими словами свистнул нож и порвалась верёвка, связывающая руки Тэнея. Он почувствовал, как руки его ослабли и попытался их дернуть, как нож у горла дал о себе напомнить.

– Нет. Ты тихо идешь с нами. Поднимайся. – утвердительно сказал второй, говор которого был хорошо известен Тэнею, но как таких называли он не помнил.

– В какую сторону нам идти? – шёпотом спросил первый.

– На север. Вот туда. Бери девку.

Тэней снова слышал птичий позыв, но уже где-то ближе. При этом звук доносился по несколько раз. Лязг кольчуг слышался уже ближе, а за ним отчётливо узнавался звон стали, как бы бьющейся друг о друга.

– Тихо. Не вздумай глупить. – второй шептал на ухо, при этом приподнимая Тэнея. – Идём. – он направил Тэнея, а первый решил что-то сказать, но тут же заткнулся, будто ему что-то помешало.

Треск сухого хвороста, а за ним мгновенный звук, похожий на свист, как бы что-то прорубило воздух. Резкая тяжесть и вздох первого, сопровождающаяся звуком прокола стальной плоти, а затем его пронзительный крик, дали понять Тэнею, что спаситель уже тут.

Второй злостно заговорил что-то на другом языке. Тэней чувствовал, что мужчина, закрывавший своей ладонью ему рот и держащий клинок у его горла, был весьма огромен, так как голос на другом языке звучал где-то сверху над ним.

– Отпусти его, животное. – послышался звонкий голос под шлемом.

– Нет. – отвечал второй, продолжая держать клинок у горла.

– Ты хочешь жить? – голос под шлемом звучал высокомерно. Тэнею казалось, что это Эйтель, но он все ещё сомневался. Страх наполнил Тэнею с ног до головы. Ему ещё не доводилось оказываться на волоске от смерти. Руки второго чуть содрогнулись и клинок немного впился в молодую кожу Тэнея. С неприятным ощущением от пореза прозвучал пронзительный стальной звук. Руки держащие Тэнея стали ослабевать, а после он почувствовал брызг крови сверху. Туша, что держала Тэнея, вдруг рухнула назад и теперь он смог снять повязку со своих глаз.

– Тэней! – звеня своими черно-золотыми доспехами, подбежал Эйтель и наклонился над какой-то девушкой. Все вокруг было в тумане, а страх, который окутывал Тэнея, не позволил сказать ни слова. Тэней увидел три густо растущих ствола деревьев, которые возвышались перед ним, у корней одного из которых, лежала девушка в бессознательном состоянии. Вокруг все было в тумане, настолько густом, что Тэней с трудом разглядел два трупа, лежащих позади него. Вероятно тот, что лежал ближе к нему, держал кинжал у горла. Вот только теперь кинжал был в его правом глазу.

– Ты как, в порядке? – Эйтель взбудоражено спросил под шлемом. – Что ты задумал, Тэней? Почему решил сбежать? – он резал путы связывающие руки девушки. – Мы сразу выехали за тобой, после того, как Иниса прибежала на пир вся в слезах. Отец был в ярости. Я никогда его таким не видел. – он говорил нервно и запыхавшись.

– Я не вернусь обратно. – утвердительно сказал Тэней и медленно отступал назад. Тут он почувствовал под ногой клинок и резко наклонился, чтобы его поднять.

– Малолетний идиот! – Эйтель грозно прокричал под своим черным шлемом, с вытянутым забралом и небольшим позолоченным гребнем сверху. Видимо, он даже не успел сменить доспехи. – Сбежал, попал в плен и снова решил сбежать?

– Я уже сделал выбор, Эйтель.

Тэней резко почувствовал боль у правого уха и судорожно схватился рукой за голову. Уже в третий раз страдала его голова и казалось бы, что этого достаточно, чтобы привести мысли в порядок, но Тэней продолжал шагать назад, задевая стволы деревьев, которые тяжело проглядывались в густом, как оказалось, утреннем тумане.

– Стой, Тэней. Мы же все равно тебя поймаем.

Но Тэней развернулся и помчался в глубь, спотыкаясь о корни и задевая мелкие деревья. В спину ему кричал Эйтель, который по всей видимости гнался за младшим братом.

– Вернись сейчас же! Тэней!

После этого, снова послышались лязги кольчуг и шум латных пластин. Где-то отдаленно кто-то издавал последний вздох, а где-то слышались мольбы о помощи. Тэней понял, что тут происходила бойня и вероятно, что многие рыцари с пира находились здесь и резали разбойников в тумане роши.

– Тэней! Болван, вернись! – отдаленно и яростно кричал Эйтель.

Тэней был определенно рад, что его спасли, но эта радость продолжалась лишь малую долю времени. Снова мысли Тэнея направляли его ближе к Тельтеру. К месту, где как ему казалось, он провел часть своего детства.

Все спотыкаясь и задевая стволы деревьев, в тумане он напоролся на косоного мужчину в обносках, который убегал с мечом в руках. Видимо украденным. Кинжал в руке Тэней самопроизвольно воткнулся, как он считал, в брюхо разбойнику. Тот отчаянно прохрипев от внезапной боли, резко покосился на бок и грохнул со стоном. Тэней испугался, а рука, державшая кинжал, содрогнулась. Он увидел на своей кисти алую кровь, которая тепло стекала с неё, немного замарав правый рукав его туники.

Тэней резко схватил лежавший на траве меч и понесся дальше сквозь рощу, в надежде, что он скоро выйдет к дороге. И тут он вспомнил, что его скакуна больше нет и найти его, в таком густом тумане практически невозможно, но в надежде Тэней просвистел несколько раз.

Он бежал слишком быстро и чувствовал, как его ноги постепенно ослабевают, но глаза увидели перед собой открытое пространство. Тэней пробежал дальше и увидел дорогу, похожую на ту, по которой он скакал не так давно. Он направился по дороге налево, а позади всё ещё доносились стальные звуки и лязги кольчуг.

Бежать было сложно, поэтому Тэней свистел всё сильнее, в надежде, что мерин его услышит. Он с трудом проглядывал очертания рощи по сторонам, пытаясь найти силуэт, хоть отдалённо похожий на лошадиный. Руки его тряслись вместе с мечом. Крепко обхватив кожаную рукоять, Тэней направлял клинок перед собой и был готов к любому движению в густом тумане. Тут он задумался о своём поступке. Неужели ему хватило смелости и совести покинуть тех людей, с которыми он провёл всю свою жизнь. Туман слишком грубо обволакивал деревья, траву и рощу, у которой стоял Тэней, прямо как мысли, которые туманно заполнили его голову.

– Может я все себе придумал? – взбудоражено проговорил он себе под нос.

– Может все это просто сны. – Тэней всё сомневался.

Он уже думал оступиться и прервать свой, пока ещё не начавшийся путь, но дал волю ногам, устремляясь вперед по ухабистой дороге. Он думал, что ему стоит бежать и не останавливаться, ведь именно только так можно чего-то добиться.

– Эйтель, Лантис, Иниса, отец, Элина. – он огорчено произносил их имена.

– Простите меня.

Тэней бежал сквозь густой туман. Вокруг уже не было ни звуков, ни шорохов, ни возгласов и криков о помощи. Только туман, холодный аромат свежести и мысли маленького принца, променявшего реальность на видения.

Высокий камень

Треск полен пробудил Глена Локрога. В воздухе он почувствовал аромат горящей древесины. Это был приятный запах, как бы напоминающий о тлении вокруг, но гарь и дым не чувствовались. Но в воздухе так же прослеживалась свежесть. На миг Глен подумал, что лежит где-то на земле, окруженный золой, пеплом и чем-то догоравшим. Он ощущал небольшое тепло, но под спиной оказалось что-то мягкое и нежное. Глен понял – это была не земля. В голове проскользнула мысль, что он все ещё под открытым небом, но руки его касались чего-то приятного и бархатистого. Вряд ли пепел обладал такими свойствами. Пепел обычно сухой, слегка мягкий – подумал Глен, но оставляет неприятные ощущения на руках. Понимая, что точно не может лежать окруженный пеплом, он начал двигать руками, ощупывая место вокруг. Тут же он расслышал чей-то мужской голос. – Глен! Спрячь кинжал! За ним последовал женский, но уже молящий голосок и плач. – Пожалуйста, не убивай! Прошу, пожалуйста! Мужской голос кричал громче.

– Глен! Отпусти ребёнка! – Глен! – Глен...

– Глен, ты очнулся?

Глен резко открыл глаза и боком увидел светлую хвостатую бороду, над которой виднелись завитые усы. На голове, проседью, высились редкие, короткие волосы, а лоб захватили морщины и складки. Голос его был звонким, низким, но приглушенным, даже немного старческим. Глен узнал его. Это был Эйвенд Вилейн, но он все ещё тяжело проглядывал его лицо. Глаза его были заплаканными от сна. Граф Арсмердских земель, наклонился над Гленом Локрогом, потряхивая его руку. – Ты слышишь меня!?! Вот это встреча! Не думал, что тебя бессознательного приволочёт мой сын.

Глен чуть приподнялся опираясь на локти. Мышцы его гудели, как бы напоминая о том затыжном бое. Тёмные волосы рассыпались до подбородка и немного пахли гарью, а густая, окладистая борода малость обуглилась. Все его тело казалось деревянным и неповоротливым. Глену давно не приходилось использовать меч по назначению. Боевые стойки, выбор позиции, гибкие и ловкие выпады – все это Глен не забывал, но от такого его тело отвыкло.

– Что, тяжело тебе пришлось, да? – Эйвенд скалился и взял кружку со стола. – Держи, выпей до дна. Это вода с травами. Помогает от болей. По крайней мере, так говорят мои цирюльники и монастырские сороки.

Глен протянул руку, чтобы взять кружку. Трясущейся ладонью он так ухватил её, что вода расплескалась на простыню. Глен неумело глотал воду, будто не пил целую вечность. Капли разлились по бороде, стекая на белую рубаху, за которой проглядывалось довольно мускулистое тело, но тощее.

– Аах...как ты сражался, Глен! Второй капитан гвардии и мой младший обо всем мне рассказали. Ты рубил и колот пылающий уголь. Искры! Огонь! Пепел! Ты так раскидывал этих тварей, что твоему мастерству позавидовал бы любой рыцарь! – граф взбудоражено вдохновлялся, но голос его звучал не так громко. – Ты был весь измазан золой, Глен! А пепел сыпался с тебя!

– Эх, хотел бы оказаться там и тоже принять участие, но я уже слишком стар. Никогда бы не подумал, что ты вот так заявишься. – Эйвенд все не останавливался и продолжал.

– Конечно, я был в полном смятении, когда мой младший пришёл ко мне посреди ночи, трясущийся и пропахший гарью! Весь подгоревший он с трудом мне все рассказал. Старый граф думал, что его сын теперь рыцарь дерьма в штанах! Но как бы не так. Таллард все мне поведал. Кстати, тебя он тоже волок. И я до сих пор не могу поверить, что все это снова происходит, как и шесть лет назад! – закончив, граф Эйвенд Вилейн сжал кулак и ударил по креслу.

– Двое моих гвардейцев погибло! Заведение у Лунной реки сожжено вместе с половиной постояльцев, а Виель оказывается был там и сам чуть не погиб! Я думал, что он все ещё на охоте и притащит какого-нибудь оленя, а он принёс мне Глена Локрога! Конверт он передавал видите ли! Он тащил тебя и налил мне в уши про какие-то молнии и призраков огня! – граф старался орать как не в себя. – Стражи мои... я думал, что все ещё сплю. – граф выдохнул и потянул вино из кубка.

Глен допил воду с травами, и тяжело прокашлялся.

– Эйвенд! – он вытер ладонью мокрую бороду и прислонил её к глазам, как бы умывая их. Теперь Локрог чётко видел графа, восседающего на бордовом кресле рядом с камином и опирающимся на серебряные подлокотники. Руки его покрывали, длинные, расписные красными нитями, рукава тёмно-зеленой бархатной котты. На пальцах блестели золотые кольца, с зелёными сапфирами и рубинами. При чем по паре на каждой руке. Позади него стояли сиры Виель и Отер, также одетые в цвета своего герба. Они стояли смиренно и молча слушали отца.

Глен осмотрел всех и продолжил.

– Нужно спешить в Нареграт, передать конверт! – он сказал чуть подрагивая и отставил кружку на тумбу, на которой лежал тот самый конверт.

– Этот? – Эйвенд протянул руку к конверту. – Ты проспал всего немного меньшим дня, выглядишь слабым и уставшим. Куда ты собрался в таком состоянии!? – граф попытался проорать, при этом нахмурил брови. – Только приехал и уже пытаешься сбежать! Нет нет, мой старый друг. Ты отдохнешь как следует и только тогда поедешь! – по гонору графа Глен понимал, что тот все ещё был закалён, но это был малость располневший, полуседой старик.

– Письмо! Прочти письмо в конверте. – Глен тяжело и нервно сказал, но почувствовал, что был действительно слишком слаб. Он продвинулся и расположил подушку под поясницей, опиравшись на изголовье кровати. Теперь Глен полностью смог рассмотреть комнату. Опочивальня была небольшой. Кровать, камин, небольшой стол со стулом справа от двери в углу и кресло. Видимо личное графское.

– Ты уверен? – Эйвенд достал из конверта письмо и заметил что-то ещё.

– Читай, а потом взглянешь на тот пергамент. – Глен теперь бросил глаза над собой и всматривался в каменный потолок. Стены были толстыми, но не грубыми и сложенными аккуратно, как и весь графский замок. За единственным окном снова наступала ночь, в которое теперь пристально всматривались братья Вилейны и о чем-то болтали. В опочивальне было не так темно. Два фонаря висели по боку от двери, третий стоял на тумбе, а свет от камина падал, освещая деревянный пол.

Граф разнервничался в кресле и забегал глазами, читая письмо.

– Учитывая то, что с вами произошло, в письме указаны достоверные сведения..., но как такое возможно, Глен? Фистфейр пишет, что все каратели пойманы, а гильдия и магистр в опасности. – голос Эйвенда теперь был тихим и задумчивым.

– Он указал, что допрашивал одного из заклинателей. – Глен поглядел на графа, сказав чуть хриповато. – Очевидно, что Фистфейр пытал его.

– Помню Фистфейра. Он всегда мне казался странным и чрезмерно жестоким. И ты думаешь, что он не смог сдержать пыток и выдал правду? – Эйвенд сложил письмо и спрятал в конверт, при этом попивая вино.

– Доля правды точно есть, но истинное положение дел только предстоит узнать. Поэтому мне срочно нужно в Нареграт! – Глен попытался встать, но Эйвенд толкнул его рукой. – Нет! А если они до сих пор где-то у города!? Снова хочешь напороться на магию!? Будь она не ладна! – Эйвенд так громко кричал, что слюни и вино разлетались в сторону Глена. – На дворе снова наступает ночь! Ты никуда не поедешь в такое время!

– Эйвенд, у нас мало времени! – Глен уже отчаялся, но все ещё пытался.

– Упрямец! Ты забыл какой у меня титул!? – Эйвенд резко встал с кресла и возвысился у кровати. Он все ещё был высок и грозен.

– Я Эйвенд Вилейн! Как граф Арсмерда приказываю тебе оставаться в замке до утра! – Эйвенд крикнул так громко, что его голос можно было услышать за милю.

Он сел обратно в кресло и теперь сказал тихо. – И как друг прошу тебя не противиться и послушать меня. Если все действительно так, как написал Фистфейр, то теперь ты единственный каратель в Ильдарии и только ты, Глен, ещё что-то можешь переломить! Поэтому тебя нужно беречь, чем собственно я и занимаюсь всю эту ночь!

Мной расставлено столько стражи, ты бы видел! Поднято ополчение, всадники объезжают город снаружи, патрули ходят по городу, а караулы стоят и охраняют все выходы и входы в город.

– Эта ночь будет самой тихой из всех и никто не посмеет сунуться сюда, а подпалить молниями целый город! Ох... сил им точно не хватит! – Эйвенд закончил и залпом допил оставшееся вино.

Глен Локрог склонил голову и выдохнул.

– Тогда нужно отправить голубей в Антельдарию и хотя бы на Эскультер.

– В Антельдарийскую гильдию я уже отправил голубя и запросил помощь, но на Эскультер... одного голубя будет мало, да и лететь они будут через море месяц! – Эйвенд потянулся за кувшином, который теперь стоял у кресла на полу. Братья Вилейны все ещё находились у окна, но теперь присели на стулья.

– Нам все равно нужно оповестить гильдии на Эскультере. Так они хотя бы будут в курсе дел. – Глен приходил в себя и говорил спокойно. Он вспоминал ту песню о призраках огня и битву с ними. Как он ловко уворачивался от атак, как чувствовал куда направлять клинок и как этим спас молодого сира Виеля.

– Хорошо, отправим в Дормовию. Там же теперь служат Вальхар и Тормерг? – Эйвенд с брызгами налил вина в кубок.

– На счёт Вальхара не знаю, а Тормерг, как помню, год назад ещё служил там. Все вспоминаешь старых друзей, Эйвенд? – Глен осмотрел тумбу в поисках своей трубки и граф это заметил.

– Что, ищешь эту дурь Арлинтерскую? О, точно! Еда! Как я мог забыть. – граф с удивлением обернулся. – Виель позови слуг! Пусть заносят еду и одежду! У моего друга Глена уже урчит в желудке! – Эйвенд немного расхохотался и продолжил смаковать вино. Виель распахнул дверь и окликнул трёх служанок, которые занесли в опочивальню поднос с едой, постиранную одежду и вещи Глена Локрога. Поднос с едой поставили прямо перед ним на кровать, а у края положили одежду, меч, кинжал, арбалет, кошель, трубку и мешочек с табаком.

– Ну куда ты кладёшь! Оружие положи на стол! – Эйвенд немного не довольствовался.

Глен качнул головой. – Нет! Оставьте! Благодарю вас. Те поклонились в ответ и ушли прочь. Глен тяжело потянулся за трубкой и мешочком.

– Ну куда ты! Сначала поешь! – Эйвенд проорал. Глен действительно сильно оголодал. Он положил трубку с табаком рядом, чтобы в следующий раз не тянуться и приступил к трапезе. На блюдах лежали поджаренные бедра перепелки под каким-то соусом и специями, гороховая похлебка, мясной бульон с травами и ломти пшеничного хлеба. На подносе также стояла кружка добротного эля, сваренного личными пивоварами Эйвенда. Когда-то Локрог часто гостил у графа, отведывая лучшую еду, питье и ночуя на мягких перинах.

Он жадно начал хлебать первое, закусывая хлебом и запивая элем.

– Чтобы все съел, Глен! Не хочу, чтобы ты помер с голоду. Так, о чем мы там? – Эйвенд бросил взгляд на пол и тут же воскликнул. – А, про старых друзей! Да, Глен, я все ещё вспоминаю те деньки. Ты, я, Тормерг, Вальхар и Фистфейр... – Эйвенд оборвал и чуть задумался. – Надеюсь и с ним всё в порядке, хоть он мне и не сильно нравился. – граф потянул немного

вина и продолжил. – Но, вы же шпионы! Вас не так просто поймать или заметить, хотя ты, Глен, как-то умудрился. Локрог слушал внимательно и уже приступил к похлебке, но не хотел вставлять слова с набитым ртом.

– С одной стороны погибли люди, а с другой...он себя выдал и потратил усилия, но ты жив, а конверт цел. Глен хотел сказать, что это была она, но решил сначала доест. Виель с Отером теперь внимательно прислушивались к разговору, продолжая наблюдать.

– Я все ещё помню тот день, Глен. Тот день мести. – Эйвенд склонил голову и заговорил тише. – Помню, как занёс свой меч и отрубил ему голову, а вы стояли и смотрели. Кругом всё горело! Пламя охватило всю деревню! Мы всех тогда сожгли, думая, что это последние крови Эльна, но они снова откуда-то вылезли! Эти твари, что убили... – Не стоит сейчас, Эйвенд. – прервал его с полным ртом Глен, доедая похлебку. Локрог решил, что тут вставить слово было необходимо.

– Да...Глен, ты прав. Им я расскажу позже. Всё-таки настал момент. – Эйвенд покрутил глазами из стороны в сторону и снова глотнул вина, а Глен, уже достаточно набил живот, но продолжал наедаться. Он сделал один большой глоток эля и выдохнул. – Эйвенд! Ты взглянул на тот пергамент? – сказав, Глен жадно ухватил ножку и вцепился в неё зубами. Он был настолько голоден, что даже забыл про нож и вилку.

– Старая моя голова! Конверт наверное упал, когда я вставал. – Эйвенд наклонился за конвертом, который лежал у кресла. – А я и забыл про него! – граф достал из конверта пергамент, сложенный пополам.

– Это то, о чем я думаю? – Эйвенд зажал бумагу между пальцами и уставился на Глена, который уже обглодал вторую ножку и доедал последний кусок хлеба. Он кивнул с набитым ртом и обхватил кружку эля, чтобы запить. – Но это всего лишь обрывок. Это не весь свиток! – граф осматривал грубые и кривые руны, расписанные на бумаге. Он спрятал обрывок в конверт и отложил на тумбу. Глен допил весь эль и оставил кружку.

– Этого достаточно, чтобы понять о чем песня. – он взял трубку и принялся забивать табак.

– Подобно той, что вы слышали там? – Эйвенд прищурился и повёл густыми бровями.

– Нужен перевод, чтобы прочесть. Поэтому добраться до гильдии необходимо. – Глен забил табак в трубку и посмотрел на Эйвенда. – Осталось только поджечь. Эйвенд нахмурился. – Эх...ну ладно. Сегодня можешь и покурить. – Эйвенд улыбаясь и скаля зубы, достал из ящичка тумбы свечу. – Даже встану ради тебя и подожгу её! – Эйвенд отошел к камину и возвратился с подожжённой свечой. Протягивая её он спросил. – Можешь подробнее рассказать про песню о тех призраках? Глен взял свечу и подпалил табак. – Призраки огня, Эйвенд. Этой песне больше сотни лет. – Глен потушил свечу и положил на тумбу. – Наверное, написанная первым огнеглазым, но на этот счёт ходят сомнения. – Глен раскуривал трубку и уселся поудобнее, так как поясница его уже чуть занемела. Он поджал левую руку под правой. – Мне уже приходилось столкнуться с этим заклинанием прежде, но я никак не могу понять, как оно у неё оказалось.

– Может таких песен было несколько? Ну как бы, они же могли его переписать? – Эйвенд отклонился на спинку кресла и потянулся за кувшином.

– Нет. Свиток, как и заклинание заложенное в нём, не будет действовать если его переписать. Дело в том, что когда заклинатели создавали свои заклинания, они обращались к природе, как бы подчиняя её и при этом закладывая в свиток свою жизненную энергию. Они всегда отдавали часть своей души. И эта часть, всегда живёт в свитке и расписанных рунах, а те кто его читает пробуждают её. Поэтому свиток должен быть подлинным. Ты разве забыл? Когда-то я тебе уже рассказывал про это. – Глен напустил дыма и закрыл глаза, наслаждаясь ароматом табака.

Эйвенд вслушивался так, как будто слышал это в первый раз. – Шесть лет, Глен! За такое время всё можно забыть! – он снова наполнил кубок вином, но кажется совсем не пьянел. – Ты сказал, что это была она!?

– Да, песню напевал женский голос. Я обязательно найду её, Эйвенд, и обрушу свою кару, а потом она сгорит в огне, которому сама же и поклоняется! – Глен сказал чуть грубовато.

– Вот! Теперь я действительно слышу Глена Локрога. – Эйвенд поднял кубок и выпил его залпом. – Так! Завтра утром, прикажу послать голубей в Дормовию, надеюсь хоть один долетит! – Эйвенд отставил кубок на пол и обернулся. – Отер! Виель! Подойдите! Братья Вилейны встали смиренно возле кресла.

– Аах... Глен, что стало с моими сыновьями? Разъезжают по графству и режут то разбойников, то призраков огня! Доставляют конверты! Вы что теперь посыльные и каратели!? – граф грозно сердился и отчитывал сразу обоих.

– Повзрослели, Эйвенд. – затягиваясь, Глен немного улыбался.

– Даа..., а когда-то ссались от любого шороха в замке. Думали, что призраки тут водятся и пугают их. Вот вам и призраки! Бойтесь теперь, Вилейны пришли мстить за детские страхи! – граф расхохотался и обернулся на сыновей, которые малость улыбались. Когда граф поглядел на них, улыбки разом спали.

– Что? Шутки отца уже не смешные!?! – граф закричал на них, при этом продолжая хохотать.

– Ну ладно, хорошо. Вы заслуживаете почестей. Виель ты сдержал обещание и все сделал правильно, а ты, Отер, хладнокровно порубил ту банду прихвостней. – Я горжусь вами! Воспитал настоящих рыцарей! – Эйвенд покраснел, наверное от радости и повернулся к Глену.

– Представляешь, Глен, завелись тут крысы и собрались в банду значит. Разграбили одну деревню и принялись за вторую, но Отер с всадниками их настиг! – Эйвенд резко замолчал и махнул рукой. – Ладно, Глен, не будем томить. Мы приготовили для тебя подарок, хотя я и сам не сразу это понял! – Отер! – граф посмотрел на старшего и отмахнул ему головой.

Глен удивился, ничего не понимая, а Отер распахнул двери и приказал страже завести пленного в опочивальню. Связанного человека, с порезанным от подбородка до лба лицом, стражники кинули на пол у двери. – Это Видгар Молт, главарь банды, и он хочет кое-что нам поведать. Да? Видгар? – Отер взял его за волосы и поднял на колени.

– Да... да, я все... все вам скажу! – пленный малость запинаясь от страха. – Только пожалуйста... не казните меня! У меня семья, дети, жен... – Ты зарезал не меньше пяти человек! Какая к черту семья!?! – Отер орал ему в лицо. – Быстро всё рассказывай про того человека! – он откинул его голову со злостью. – Да... да, это была девушка. Мы вышли... на неё в Лиртедском лесу... Ну, мы это... хотели её оприходовать и уже решились... схватить, но тут она достала бумагу... и стала запевать. Корни... деревьев, они... выдернулись из земли и будто... путы, окутали всех нас. – Пожалуйста, не казните... – Что дальше, мразь? – Отер наступил на его голову и стал давить. – Она... подошла и сказала, что поможет нам... если мы поможем ей. – Отер, ослабь и подними его! – Эйвенд крикнул.

Глен задумался и покусывал трубку.

– Что она от вас хотела? Отвечай! – Виель крикнул на пленного. – Ей были нужны... глаза, она хотела, чтобы... мы следили... – За кем? – Глен спросил спокойно, даже не шелохнувшись. – За гонцом... мы следили за гонцом... ещё в Лиртеде... потом она... приказала нам поймать его..., но мы смогли... лишь отрезать ему путь... в столицу... воды... можно воды? – Отер нагнулся и кулаком ударил ему под дых. – В темнице попьешь! С лужи на полу, которую ты там оставил! – Отер снова схватил его за волосы.

– Вы нагнали его на пути в Арсмерд? – спросил Виель, посматривая на Локрога.

Глен глубоко затянулся и продолжал думать.

– Да...да, мы пытались сбить его с седла, но он свернул в лес...мы нашли гонца только тогда, когда его тащили какие-то сиры. – Это были мы! – Виель громогласно заявил. – Он говорит про Когтя. – поддержал его Глен. – А дальше!? Что было дальше!? – Эйвенд сердито стучал кулаком и упивался вином. – Мы...остались у Арсмерда...и решили пограбить немного... после...мы больше её не видели... – Видгар замолчал.

– Пограбили на моей земле!? Ублюдки! – граф Эйвенд Вилейн уже хотел занести кулак и влепить пленному разбойнику, но его остановил Глен.

– Опиши её! Лицо, может волосы, голос. – Глен чуть крикнул на Видгара Молта.

– Она...была прекрасна...светловолосая...бледнолицая...её кожа, она казалась очень нежной... – пленный говорил с восхищением.

Отер влепил ему пощёчину. – Говори, точнее и без прикрас!

– Да...да сир, у неё были тёмные глаза..., а голос был обычный...ну, немного нежный и красивый...как и у любой девицы...

– Точнее! – Отер ещё раз ударил его ладонью. – Я не знаю! – Видгар Молт, главарь банды разбойников, начал ронять слезы. – Да откуда ему знать какими бывают голоса, Глен! – Эйвенд поднялся с кресла и выронил кубок. – Черт подери!

– Постой! – Глен посмотрел на Виеля. – Ты же помнишь в голосе некую странность?

Виель удивлённо бросил глаза на пол и задумался. – Ну, кажется...голос как будто постоянно менялся, что ли!?

– Именно! Голос был то низким и немного хриплым, то высоким и слабым. Эту особенность я точно расслышал. Ты помнишь что-нибудь подобное!? – теперь Глен смотрел на пленного.

– Нет...сир...я не знаю...помню имя...она сказала...да...имя

Глен замер и нахмурился. Он не поверил своим ушам и думал, что имя не настоящее, а скорее ложное.

– Имя!? Говори! – Эйвенд немного пошатнулся на месте.

– Она...назвалась...как-то...Арне...Арнес...Арнестра! – Видгар вскрикнул.

Глен откинул голову и выронил трубку. Он был в смятении, а Эйвенду, кажется, вино ударило в голову. – Кто!? С этим вопросом, графа стало заносить на бок и он попятился в сторону, грохнув со скрипом, но тут же начал вставать со словами: – Я сам!

Глен чуть ухмыльнулся и снова затянулся. Теперь он видел того самого Эйвенда Вилейна.

– Отец! – Виель помог графу подняться и усадить его в кресло.

– Нельзя было...вставать...ох. – Эйвенд схватился за левый бок.

Под всё это рыдал Видгар Молт и пытался выдавить последнее. – Пожалуйста, не казните меня сейчас...я хочу ещё малость пожить...

– Хорошо! – опьяненный Эйвенд, повертел рукой в воздухе и направил на пленного. – Казним тебя...утром! Палач же спит! Ночь на дворе! – Эйвенд с трудом выдал и теперь держался за голову. – Уведите мерзавца! И меня тоже! Только меня в уборную, а потом на перину, но не в темницу! – Эйвенд приподнялся с трудом.

– Тайный монарх, Глен! Мы должны и об этом поговорить.

– Утром, Эйвенд. – Глен поглядел как стражники уносят Видгара Молта.

– Ох...ну ты думай теперь, как ты там умеешь, а мне пора. Прошу прощения, что граф вот так вот надрался... На то, были причины!

– Волновался? – Глен улыбнулся смотря на него.

– Волновался! – Эйвенд серьёзно кивнул.

Граф встал подхваченный сыновьями и скрылся в проёме двери. В опочивальню забежали служанки забрать посуду и прибрать разлитое вино. Глен попросил их потушить фонари у двери, что они беспрекословно выполнили и тоже скрылись. Виель вернулся и показался в

проёме. – Вы уж простите отца, Глен. Такое иногда случается. – он кому-то махнул рукой. – Кресло! Отнесите его в комнату графа! – Виель приказал стражникам.

Вдвоём они взяли кресло и унесли, а Виель все молчал и лишь закрывая дверь сказал. – Надеюсь, эти вести для вас полезны. Доброй ночи, Глен Локрог.

Он что-то хотел сказать Виелю, но не успел. Дверь хлопнула, как и дверца приоткрытого окна. В комнату зашел свежий, ночной воздух, а в запахе все ещё чувствовался приятный аромат горящей древесины. Глен задумался о Виеле. Наверное, молодой рыцарь все боялся поблагодарить его и не нашёл удобного момента. Глен потушил фонарь, стоящий на тумбе и отложил трубку. Теперь он мог заснуть снова, но уже на теплой, мягкой перине. Глен смотрел в потолок и вспоминал имя девушки. – Арнестра? Он проговорил тихо и закрыл глаза.

Покоробленный истинной

Ночь выдалась не простой. Виель все не мог заснуть из-за мыслей посещавших его голову. Он то ворочался на перине, то вставал к окну и дышал свежим воздухом, всматриваясь в ночное небо, и на город, видневшийся где-то внизу. Его комната превратилась в подиум, по которому он теперь расхаживал то взад, то вперед. Он присел у камина и кочергой дёргал поленья, перетаскивая их из стороны в сторону, пытаясь хоть как-нибудь себя занять. Мыслей в голове было столько, что она в миг бы лопнула, если бы он попытался напрячься. Но Виель думал медленно и постепенно. Поочередно, вспоминая каждый момент и каждый свой шаг на пути от Высокого камня до постоянного двора у Лунной реки. Вспоминая каждое своё действие и звуки, которые тогда его окружали.

– Передай конверт малец...прошу тебя. – говорил тогда умирающий гонец умоляя и протягивая дрожащую, сочащейся кровью руку. Такой же рукой, но только не окровавленной, Виель тогда вынул конверт из его ладони. Он внимательно осматривал восковую печать, которой была запечатана бумага. На придавленном синем воске оставались видимые птички очертания. Птица стояла боком и гордо смотрела в сторону, прижав свои крылья. Виелю не часто приходилось рассматривать пролетающих где-то над ним птиц, поэтому он лишь знал, как выглядит воробей, курица, да перепелка и индюк. С этими мыслями он вспомнил свою первую стрельбу.

Тогда вместе с Отером они вышли во двор замка и принялись накладывать стрелы на тетиву, но Виель сразу же отказался и отбросил лук.

– Я не хочу это делать. Мы же просто убьём их. – Виель смотрел на старшего брата и ждал от него поддержку, но Отер молча взял его лук и всунул ему в руку.

– Ты должен научиться стрелять, Виель. Когда-то и мне было их жалко. – он присел на колени и положил руки ему на плечи. – Стоит только перебороть себя и ты больше не будешь их жалеть. Просто пойми, что это необходимо для рыцаря. Поэтому, чтобы стать им, ты должен научиться лишать кого-то жизни. Будь то враг или друг или маленькая птичка, восседающая на той ветке. Видишь? – он показал пальцем. Теперь накладывай стрелу, прицеливайся и отпускай. Виелю не сразу удалось попасть, но с третьего раза стрела поразила неподвижную цель. Отер же, стрелял в уже падающую и пораженную птицу стрелой Виеля. Так они сбили не менее десяти птиц и с каждым разом Виель стрелял все точнее.

Отер забавлялся над этим действием и восхищался своим мастерством владения луком. Как и восхищал свой клинок и прекрасное им пользование.

– Придурь. – он ворчливо сказал, но так, чтобы Отер не услышал.

Виель грустно смотрел на сбитых воробьёв и ругал брата. Он считал это бессмысленной забавой.

– Зачем мы это сделали? Есть же мишени.

Ему не нравилось причинять кому-то вред и тем более лишать кого-нибудь жизни. Он был слишком мягким. Даже жизнь маленьких птиц его волновала и роняя слезы, он медленно вынимал стрелы из брюшек, пытаясь не причинять ещё большего вреда уже мёртвым птицам.

– Мишени не двигаются. – говорил Отер, выкидывая мертвые тушки за каменные стены.

– Ты думаешь, что я научусь стрелять убивая невинных? – слезы лились рекой по щекам Виеля и он припадочно швырял стрелы в сторону.

– На счёт стрельбы не знаю, но ты станешь твёрже и не будешь всякий раз пускать соплю, когда увидишь дохлых щенков.

Отер подошёл ближе, поправляя свои тёмные волосы.

– Отец будет недоволен, если ты снова придёшь весь заплаканный. Что ты делаешь?

Кучкой Виель собрал оставшиеся мертвые тушки и уже готовился зачесть молитву, но Отер ему не позволил.

– Оставь их, братец. Для тебя они лишь мишени и не более.

– Я убил их и мне их хоронить. – припадочными действиями, он стал забирать тушки и поочерёдно прикладывать их к груди, прижимая рукой. Старший брат хотел остановить его, но немного подумав, отпустил Виеля, который теперь бегал по двору и выбирал место для могилы. Он сложил шесть тушек в небольшую, выкопанную ямку и присыпал их землёй. После, Виель зачитал молитву орошая землю своими слезами.

Он завершил отпевание, всунув маленькое перо в землю.

Вспоминая тот день, Виель посмотрел на гонца, после снова на печать и снова на гонца. В его спине торчало пять стрел, но он все ещё старался дышать и дух его не покидал. Выдавленная на красном воске птица, стрелы и умирающий гонец, который, наверное, несся на самом быстром скакуне. Виель тогда подумал, что это судьба и вот она лежит прямо перед ним, подобно тем сбитым тушкам воробьёв. Только жаль, что у гонца не было крыльев, так бы он смог улететь. Виель тогда приказал вынуть стрелы и похоронить гонца на том месте.

– Его путь кончился тут.

Раздумья прервал резкий треск горящего дерева в камине и Виель на миг очнулся, но тут же задался вопросом.

– Что бы произошло, если бы я не взял конверт? – Виель сказал под нос и кочергой грубо ткнул разгоравшееся полено. Ставни хлопнули от быстрого ветреного потока, который занёс в комнату ещё больше свежести. Эта мысль особенно не давала ему покоя. Он подумал, что бы сказал тогда ему отец и брат, если бы он не выполнил обещание. Он и так думал, что в глазах родни выглядел не больше, чем сопляком. На брата он был не похож, а на отца так и подавно. Вспоминая фамильное древо Вилейнов, он представлял отца грубым, крепким и обширным дубовым стволом, от которого росла крупная ветка, уже окрепшая и выпустившая другие, но поменьше. Виель же, был бы самой малой веткой. Тонкой, ещё совсем зелёной, слабой и еле распустившей почки. Тут он подумал, что пошёл в мать, но её Виель толком и не помнил. Она умерла, когда ему исполнилось семь и лишь оставила напоминание о себе в его волосах, глазах и бровях.

– Это ведь я подвёл тех людей. – он прикусывал губу и отложил кочергу. Теперь Виель сел приобняв ноги. Он сильно стучал лбом об колени. – За мной же следили. Меня же нашли. Почему я не подумал о хвосте? – он стукнул головой в последний раз, встал и подошёл к кровати.

– А если бы я не прочёл письмо? – он снова задался вопросом, но теперь лёг в кровать и укутался меховым одеялом. Эта ночь была холодной, как и тот последний день охоты. Он сломал синюю восковую печать, на которой была выдавлена птица; достал письмо и принялся читать рядом с могильной ямой, которую копали для Когтя. В тексте он подметил множество неизвестных для себя слов и понятий, но некоторые слова он уже слышал однажды. Заклинатель? Свиток заклинания? Что за сказочный бред? – опираясь на ствол дерева, Виель говорил тихим, еле слышимым голосом. Он сразу вспомнил сказку о тёмном заклинателе, который прятался и жил в городе среди людей, но однажды в ночи он вышел на городскую площадь Атмера и стал запевать песню. Весь в чёрном обличии, как будто смерть, он пел на неизвестном языке. Так зловеще и громко, что разбудил всех жителей городка. Впопыхах люди выходили на улицы и закрывали уши от пронзительного и ужасного пения. Неожиданно, вместе с голосом, по городу поползли языки пламени. Они стремились к площади, охватывая каждую улицу, каждый дом и каждого человека. К пронзительному пению прибавились истощенные крики охваченных в пламени людей. Город сгорел к утру вместе со всеми жителями, а тёмный заклинатель исчез, оставив после себя только пепел. Ходили легенды, что он всё ещё живёт среди людей.

И ждёт.

Ждёт, чтобы снова запеть и спалить все дотла.

Он сложил письмо в конверт и достал ещё одну бумагу. Развернув её, он увидел странные символы, то ли руны, то ли язык южных Арлинтерских народов. Кривые, прямые и не понятно, что обозначающие. Виель подумал, что это мог быть тайный шифр, но вдруг это тот самый язык, на котором поют заклинатели? Эту мысль он отбросил сразу. Неведение плохая черта, но для этого момента как раз подходящая. Он хотел скинуть конверт в могилу, куда уже положили гонца, но в миг передумал, вспоминая его просьбу. Доставить конверт ему не составит труда, думал Виель. Тем более, если это важное послание, то он определённо кому-то поможет. Да и сам будет собой доволен, так как это дело чести, с которой Виель был знаком. Виель никогда серьёзно не задумывался о сказках, мифах и слухах. Он не был впечатлительным, но все равно, где-то глубоко в душе он верил во все.

И он поверил тогда, а застреленный гонец дал ему понять о важности конверта.

Виель подумал, что все это чья-то злая шутка. Но разве кто-то убьёт человека за шутку? Возможно. Но письмо выглядело совсем не шуточным. После охоты Виель взял с собой трех гвардейцев и выехал с ними в постоянный двор. Графу отцу он тогда наврал и сказал, что снова едет на охоту, но только теперь в восточный лес у трёх пик.

Виель не заметил, как глаза его закрылись и мысли стали запутываться постоянно сменяясь. Сначала он увидел конюха, который менял подковы на его коне, а после стал прыгать и лягать. Потом он взглянул на второго капитана гвардии, Брафи Талларда, который насвистывал что-то очень знакомое восседая на лошади.

– Сир Виель, вы хотите рыбу? – Брафи прервался и протянул сырую, ещё живую рыбёху. Виель удивлённо смотрел на рыбу в своей руке. Она шевелила своим ртом и из него показалась белая птичья фигурка. Виель осмотрелся и теперь он был не в седле, а на скамье и уже в постоянном дворе. Он снова взглянул на руку, в которой покамест держал белую фигурку. За окном ударила молния и постояльцы, находившиеся в заведении хором стали гоготать. Схватившись за уши они просили прекратить гвардейца повторять шутку.

– Брафи, что за шутка!? – Виель растерянно поднялся.

– Шутка о дерьме в штанах, сир. – Брафи скалил зубы и заржал как конь.

Теперь постояльцы валялись на полу все также прикрывая уши, но уже кашляя от смеха. – Сир дерьма в штанах. Они припадочно повторяли. А Брафи снова сказал разбрасывая слюни. – Шутка о подгоревшем дерьме в ваших штанах, сир. Люди не выдерживали смеха и стали задыхаться. Хохот сменился громким удушливым кашлем.

– Огонь не тушит дерьмо... хотел сказать Виель, но посчитал, что лучше вытащить кинжал и воткнуть его в Брафи Талларда. Как вдруг стали испаряться бревна, столы, стулья и гогочущие люди. Заведение исчезло и показался пустой двор и дорога, окруженная опушками. Люди рассыпались и были теперь похожи на дым, который заполнял пространство спереди. Но в носу стояла свежесть и Виель понял, что это туман. Дымные, людские очертания медленно поднялись в воздух и закружились в нём. Воздух раскинулся на землю и в миг все покрылось туманом.

Виель стоял теперь окруженный серой пеленой и с кинжалом в руке.

Ему снилась та битва, но теперь он был один. В миг пламя охватило землю под ногами. Он стал нервно пятиться оглядываясь по сторонам. А где-то вдали завывал тот странный женский голос, от которого его резко бросило в пот. Виель всматривался в туман, как бы пытаясь разглядеть призраков. И он их увидел, когда огонь вспыхнул перед ним окружая его. Огонь медленно поджигал призраков и они встали кругом. И если к Глену Локрогу они подходили медленно, как бы выбирая позицию, то на Виеля они накинулись сразу и повалили его на землю. Огненные клинки стали втыкаться в его тело со звуками прижигания плоти. Дым поднялся над телом Виеля, а кровь струйками выплескивалась с каждым разом когда они внимали и

вынимали клинки, и тут же испарялась в воздухе. Кровь в его жилах медленно разжигалась и он чувствовал, как горит изнутри. Он смотрел на них и они не были похожи на людей. На них не было лиц, просто подобие головы, рук и ног. Просто уголь, зола и пепел, разгорающийся так, что даже находясь рядом с ними можно было поджечься.

Под эту странную и зловещую песню, призраки кололи и кололи тело Виеля, а он лишь смотрел на них и не мог теперь шевельнуться. Удары сопровождалась стуками. Клинки насквозь прорезали его тело, ударяясь с другой стороны об землю и сжигали изнутри его плоть. Он почувствовал жжение, которая сопровождалась непередаваемой болью. Над этим ужасным зрелищем кажется кто-то летел и наблюдал. Это были маленькие воробьи и их было много, словно туча. Чирикая, они пикировали прямо в огненных призраков. Стукались об них и падали тут же сгорая. Тушки воробьёв сыпались будто капли дождя и теперь запах горелых перьев наполнил нос Виеля.

Но призраки не отвлекались и продолжали колоть израненное тело Виеля, уже и так достаточно насквозь пробитое.

Огненные клинки теперь разом устремились в его голову и прокололи бы её...если бы не резкие и громкие стуки. Как будто забили барабаны и где-то вдаль послышался протяжный рог. Призраки стали пятиться и пугаться. Они вспыхнули и исчезли. Как и исчез туман, и зловещий женский голосок. Над Виелем показалось тёмное небо, усыпанное звездами. Выглянул месяц и осветил землю, которая была объята пламенем. Леса, закрайки и земля горели вокруг. Виель все ещё не мог шелохнуться. Барабаны стучали громче...и топот лошадей, он тоже теперь послышался. Виель все смотрел вверх на небо и его немного ослепило. Тонкий, длинный белый луч света разделил небо где-то на горизонте и стремился к месяцу, а за ним послышались взмахи крыльев и птичьи крики. Виель подумал, что это стрела молнии, но луч был ровным и слепил так сильно, что глаза его не выдержали и закрылись. Барабаны шумели уже ближе. И слева, и справа завывали роги. Зазвенела сталь и завизжали лошади. Он услышал, что к нему кто-то подходит и говорит.

– Виель, нам нужно убираться отсюда!

Он открыл глаза и свет от луча уже не слепил его, но освещал округу. Виель увидел Глена Локрога идущего к нему. Он был будто белый и в руках держал свой пламевидный клинок, руны которого зажглись огнем.

– Убирайся отсюда! Ты должен смотреть, Виель. Смотри не отводя глаз. Смотри...Виель.

Глен занёс над ним свой меч.

– Смотри...Виель. Смотри...

Глен успел бы рассечь Виеля, если бы не туча мелких воробьёв, снова появившихся из ниоткуда. Они окружили Виеля и закрыли своими тушками, будто щитом.

Воробьи сели на нем облепив тело и клювами впились в его плоть. Они вонзались в его кожу на лице, на руках, на груди и на ногах. Как бы приподнимая его, целая туча мелких птиц взлетела вместе с поколотым телом унося от белоснежного Глена Локрога.

– Смотри...Виель, ты должен смотреть... – звонко и грубо он сказал вслед.

А птицы теперь уносили его тело, но тут же обронили и улетели прочь. Он упал в пепел и теперь видел, как тысячи перьев сыпались с неба и горели в полете. Они спускались медленно и сгорая, распадались на мелкие куски пепла, который засыпался в его глубокие, обожжённые раны и заполнял их собой. Где-то поблизости он снова услышал протяжный звонкий голос: – Смотри...Виель. Смотри...

– Виель! Ты, что сдурел? Ты проспал завтрак и время уже к обеду. – Отер с яростью распахнул дверь. – Я стучал и орал... – он посмотрел на Виеля ошарашенным взглядом. – Что с тобой брат?

Виель вышел из сна и запыхавшийся сидел на кровати. Он чувствовал и холод, и жар одновременно. Виель услышал, как за окном летали птицы и хлопали крыльями. Виель скинул

с себя простыню и подбежал к окну. Он высунул голову и поглядел вниз во двор, где на тех самых деревьях сидели воробьи, чирикали и кучкой перелетали с ветки на ветку.

Отер отошёл к столу и поставил на него поднос с едой.

– Дурной сон, братец? – Отер тоже малость запыхался. Он стоял в темно-зелёном бархатном кафтане с белой окантовкой по краям. Золотыми нитями сверкали вышитые узоры.

На его груди и спине гордо расположились белые горные пики, а серые шоссы обтянули его ноги. На поясе висел бархатистый чёрный кисет из которого он достал два сребряника. На лицевой части монет находился отчеканенный портрет короля Урнера. Отер положил первую монету на большой палец правой руки и ударил короля.

– Ловите. – сказал Отер и также подкинул вторую монету стражникам.

– Стало быть, ты проиграл? – спросил ещё полусонный Виель. Он повернулся к брату и оперся у окна.

– Ты меня подвёл, брат. Я ставил на то, что ты проснёшься до утренних колоколов и...

– Отер лыбился и выставил левую ногу на каблук. – Что там тебе снилось? Жаркая ночь с Лаймой?

Виель ухмыльнулся бросив взгляд на пол, а Отер продолжил.

– Весь окруженный огнём и всюду пылающие призраки. Ты лежал на дороге, а они стали обступать тебя... – Отер медленно сближался с Виелем, гримасничая и размахивая руками.

– И смотреть... как на тебе сидит и стонет она. Кухарка стала запевать зловеще... – Виель слегка ударил Отера в брюхо, прервав его потеху, а стражники за дверью чуть фыркнули смехом. Отер немного согнулся и резко накинулся на Виеля.

– Ну ты и идиот, Вилли старший. – Виель сердился и пытался вырваться из захвата Отера, но старший брат был крепок и тяжёл, будто скала.

Он легко взъерошил Виелю волосы и отпустил его.

– Эх, братец. Ты же сам вчера говорил, что сильно страшишься того дня. Вот я и решил тебя подбодрить. – Отер отошёл к окну лыблясь.

Виель злостно оглядел взглядом стражников.

– Лучше позовите слуганок! Пусть принесут мне одежду.

Он поправил свои светлые волосы и встал у окна рядом с Отером, немного подтолкнув его.

– Жуткий был сон. Я даже не мог пошевелиться. – Виель чуть испугался вспоминая его, а мурашки резко пробежали по всему телу.

– Не даром говорят, что она весит целую тонну! – теперь Отер залился смехом и опрокинул голову.

Виель огорченно скорчился и молчал, смотря во двор.

– Да ладно тебе. – Отер тяжело приобнял Виеля. – В самом деле, братец... если бы не я, твоя жизнь уже давно бы стала серой и скучной. – он снова взъерошил волосы Виеля, как бы натирая макушку.

Виель уже хотел выпалить, что от такой жизни он бы не отказался, но не стал огорчать брата. Случай у Лунной реки и так привнес в его жизнь больше красок, страхов и сомнений. Виель даже боялся представить, что могло бы произойти в будущем, поэтому надеялся на Глена Локрога.

– Честно, до сих пор не понимаю, как ты выжил. – Отер огорчённо бросил взгляд. – Эта песнь, молнии, этот не тухнувший огонь и какие-то призраки, чьи тела не чувствуют обычную сталь. Огненные лошади и какой-то странник с востока со странным клинком. Такое только в сказках да балладах можно встретить. Как думаешь?

Виель пожал плечами.

– Кажется, что это просто был сон. Во всяком случае мне хочется так думать. – он задумчиво всматривался на кроны деревьев и следил за перелетавшими птицами.

– Ладно брат, обсудим это позже, а сейчас пора тебе позавтракать. – Отер пару раз похлопал его по плечу и стал уходить. – Я оставил его на столе.

Виель повернулся и удивлённо смотрел ему в спину.

– Ты же сказал, что время к обеду! – и сказал с нахмуренными бровями.

Отер гордо подошёл к стражникам, которые уже доставали свои монеты. Каждый скинул ему в руку по два сребряника.

– Никогда не знаешь, чем себя позабавить. – обернувшись, Отер скалил свою квадратную улыбку. – Я сделал две ставки. Первую на то, что смогу выбить дверь, а вторую – что ты проснёшься до звона. Как видишь, дверь я не выбил, но зато разбудил тебя. Ты же не хотел проспать отъезд странника с востока? – Отер засыпал монеты в свой кисет и позвенел им.

В этот момент в спальню забежали служанки, а где-то за замком послышался звон городских колоколов.

– Доброе утро, сир Виель. – служанки говорили мило и поклонившись они оставили вещи для молодого рыцаря.

– Благодарю. Прикройте дверь.

– Жду тебя у конюшни! – Отер крикнул, уже спускаясь вниз по лестнице.

– Придурь. – Виель буркнул под нос и принялся переодеваться. Он натянул хлопковую камизу, поверх которой надел белую котту с вышитыми тёмно-зелеными и золотыми узорами, а на ноги напялил тёмные шоссы.

Виель подошёл к столу, на котором стояло небольшое блюдо воды и поднос с едой. Он бегло насытился четырьмя варёными яйцами, ломтиками жареного бекона, салатом из различных трав и овощей, и запил все кубком вина. Остатками на дне кубка, он полил обрывок ткани, пропитанный измельчённой мятой и тархуном.

Натянув ткань на палец, он быстро почистил зубы и освежил дыхание.

После зачерпнул воды из блюда, умыл свое лицо и обтерся льняным полотенцем.

Виель очень спешил, так как хотел попрощаться с Гленом Локрогом.

Натянув поверх котты сюрко с гербом Вилейнов и сунув ноги в кожаные сапоги, Виель покинул комнату и устремился вниз по лестнице. По пути он нервно натягивал кожаный ремешок и смог застегнуть его только тогда, когда вышел в замковый двор.

– Они уже должны быть в голубятне. – Отер встретил Виеля и теперь они оба устремились к квадратной башне, в которой содержались и разводились голуби.

Высокий камень был весьма внушительным, роскошным белокаменным замком и располагался на краю города. Это была огромная, непреступная крепость с массивными стенами и укрепленными башнями. Их было четыре и они возвышались стремясь к небу. Высокие и остроконечные, напоминали белые, острые горные пики, у которых собственно и возвели город Арсмерд, названный в честь Арсмердского хребта. Замок был возведен ещё прадедом Виеля, Меркеном Вилейном, первым графом Арсмерда.

Мраморные статуи во дворе, расписные фасады, резаные каменные скульптуры, террасы и сады освещались ярким солнечным светом. Погода была довольно жаркой, как бы напоминая о конце весны и начале лета. Это заметил Виель и не очень обрадовался, так как уже весь горел от жары. Братья уже ступали по квадратной башне и дошли до двери в голубятню, откуда доносились крики их отца.

– Кажется, отец снова в ярости. – заметил Отер.

Стражники распахнули перед ними дверь и голос отца заорал ещё громче.

Голубятня находилась на вершине башни и была полуоткрытой. По бокам, довольно большого помещения стояли клетки с белоснежными птицами. Когда двери открылись, братьев охватил яркий солнечный свет, проходивший через прорези в стене, которые делились резными колоннами.

– Это слишком опасно! – граф орал на Глена Локрога, который завершил читать письма и передал бумаги голубятнику.

– Доброе утро. – Виель с Отером одновременно поприветствовали.

Граф стоял прямо, заведя левую руку за спину. В правой как обычно был кубок с вином, а на письменном столе стоял кувшин.

Отер размашистым шагом сблизился с отцом, который уже тянулся снова наполнить кубок.

– Может хватит? – старший брат грубо вякнул и отставил кувшин. Граф все стоял прямо и невозмутимо смотрел на горы и леса. Виелю показалось, что отец был немного расстроен.

Глен поблагодарил голубятника и направился к дверям.

Он был свеж, чист и был облачен в новую одежду. Простой, тёмный бархатный кафтан, еле доходивший до колен; ездовые штаны, и длинные кожаные сапоги. Позади Глена стояли двое слуг, держа остальные его вещи. Он сблизился с Виелем и протянул ему руку.

– Благодарю тебя за то, что передал конверт. Ты поступил правильно.

Виель лишь немного обрадовался и пожал Глену руку, который теперь обернулся и смотрел на графа.

– До встречи, Эйвенд. – Глен сказал спокойно.

Теперь он обратился ко всем. – Благодарю вас за тёплый приём. – и покинул голубятню.

Граф все молчал всматриваясь вдаль.

Виель хотел понять, что произошло между ними и окликнул Отера.

– Пойдём брат. Проводим странника. – Отер вышел за Гленом, хлопнув Виеля по плечу.

Виель бросил взгляд на отца и хотел бы что-то сказать, но слова застряли в его горле. Он посчитал, что лучше не стоит его тревожить. По крайней мере сейчас.

Вдвоём они вышли в замковый двор, где Глен Локрог складывал свои вещи в седельную суму. Служанки вынесли ему мешочек еды в дорогу, который Глен положил туда же. Он сел в седло и гордо в нем расположился, рассматривая замковые фасады. Глен покрутил коня и как будто прощался с этим местом, все бросая взгляд на скульптуры, башни и статуи.

Виель медленно подошёл держа руки за спиной.

– Знаете, Глен... – он взял коня за узды поглаживая его. – если бы не вы и ваш конь... – Виель промедлил. – лежал бы я пеплом на той земле. Благодарю вас...

– Не стоит благодарностей. Это был мой долг. Прощайте, Виельн. – прервав Виеля, Глен ударил шпоры и поскакал к воротам. Пока ворота открывали, Локрог ещё раз развернул коня и осмотрел замок.

Странник с востока, назвавшийся Гленом Локрогом, понёсся прочь, оставив после себя слой пыли.

А Виель стоял восхищенный и тоже теперь оглядывал замок. Он пытался найти в нём то, что находил Глен Локрог.

Черненный рыцарь

– Тэней! Вернись сейчас же! – Эйтель нервно и яростно пыхтел под шлемом, будто разъярённый бык, выпускавший из под забрала стустки пара. Голова черного всадника наливалась кровью. Он должен был найти и поймать младшего брата, но последнее у него не удалось. Эйтель совсем не понимал Тэнея и теперь думал, что он виновник всех его действий. «Неужели я его задел словом?», «Неужто теперь винить себя?». Вопросы наполняли его и так забитую голову, к тому же ещё и изрядно уставшую. Своими руками, облаченные в черненные латные перчатки, немного измаранные запекшейся кровью, он пытался привести в чувства девушку, лежавшую в бессознательном состоянии у моховых толстых корней. Шелковое, красное платье, подвязанное золотистым пояском, говорило о её знатном статусе. Подумав о девице, он тут же вспомнил то, что произошло несколькими часами ранее.

– Верните мне его! Он не должен сбежать! – судорожно кричал тогда его худой и седой отец, волнительно восседая на своем золотом троне. Крик старого короля, Бривека Клейвена, эхом разносился по всему залу. Знать, которая только что смеялась и хохотала за столом, теперь стала негодовать и не понимать того, что вдруг происходит.

– Мой король, пожалуйста. Я не виновата. Он решил сбежать по своим причинам. – ревела тогда Иниса у ног короля. Она держала трясущиеся руки на груди, судорожно всхлипывала и будто молилась.

Тяжело вспоминая это, Эйтель яростно встал с колен и услышал, что сзади кто-то бежал, гремя кольчугой под стальными доспехами. Обернувшись, Эйтель с трудом разглядел рыцаря с тремя белыми воронами на гербе, Рейвана Күлиата, грубо ступающего по мягкой земле в стальной блестящей шляпе. Оранжевое сюрко, вышитое белыми воронами, полностью покрывало его кирасу, а громадный клевец, на красном длинном древке, крепко лежал в его латных перчатках.

– Эйтель! Кто это? Ты нашел брата? – подбежал сморщенный Рейван.

– Он сбежал! – яростно выкрикнул Эйтель. – А это ещё одна девица попавшая в лапы банды Иварта. – он боком посмотрел на Рейвана и резко сорвался с места.

– Позаботься о девушке, Рейван! – Эйтель бежал в ту сторону, куда устремлялся Тэней, ступая звонкими составными поножами. Видимость из-за тумана была очень плохой и Эйтель видел только на расстоянии вытянутой руки, к тому же смотря через узкую прорезь забрала.

В руке он сжимал полуторный меч, украшенный черной гардой и золотым камнем на навершии, который в тумане отблескивал остротой, такой же, какую мог выдать его язык. Сейчас он думал о своих словах сказанных Тэнею когда-либо, но не находил чего-то такого, что могло бы задеть сердце четырнадцатилетнего братца.

– Тэней! – кричал Эйтель, но в ответ только услышал протяжный стон и звук клинка бьющегося о сталь. С того момента, как они вышли на след Тэнея, неподалеку от столицы королевства, проехав от Черного замка до тракта на Йорфен, прошло уже несколько часов и ночной мрак сменился утренним туманом. Короткая утренняя битва, между девятью рыцарями, во главе с наследным, двадцатипятилетним принцем, которым пришлось прервать королевский пир и стаей лесных, грязных псов, ходивших под известным преступником Ивартом, который до сих пор ускользал от рук правосудия, всё ещё продолжалась, но уже стихала. Большинство разбойников умерло сразу же, как рыцари ступили в рощу и вышли на небольшую кучку банды, ведущую буланого мерина за узды. Остальные либо бежали сломя голову, только увидев законченных в сталь рыцарей, либо безуспешно попытались сразиться. Отыскать путь Тэнея не составило особого труда, ведь за ним сразу погнались стражники, а после и братья, с некоторыми вызвавшимся рыцарями.

Самолечно Эйтель разрезал троих. Одному он снес половину лица, неважным взмахом сбоку, второму проткнул брюхо, а третьему, ловким выпадом, уколом вскрыл горло. Особой жесткостью отличился наследный принц Лантис Клейвен. Старший брат давно не давал волю рукам, поэтому изрядно превращал головы разбойников в кашу, раскалывая и прокалывая их своим позолоченным полэксом.

– Тэней! – Эйтель ещё раз выкрикнул, но вряд ли младший брат его слышал. Все переставляя свои тяжелые ноги, Эйтель, краем глаза заметил стонущее от боли тело, под которым медленно разливалась кровь и окрашивала зеленую траву. Он сделал пару широких шагов и оказался у умирающего разбойника, судорожно дергающего ногами.

– Кто тебя уколол? Отвечай! – запыхавшись, он спросил быстро и тяжело выдыхая воздух, но в ответ лишь услышал предсмертное кряхтение и хрипы.

Разочаровавшись ещё сильнее, он со всей дури ударил своей ногой по голове разбойника и побежал дальше. Впервые за долгое время, Эйтель был сам не свой. Ярость, что наполняла его изнутри была весьма необычна для него. Он всегда был сдержан, хладнокровен и невозмутим, но сегодня какие-то оковы точно спали и Эйтель испытывал весь спектр эмоций, заполонивший его разум.

– Тэней! – звук донесся справа. Кто-то тоже называл его имя, но в ответ получал лишь молчание. Эйтель точно знал, что братец рано или поздно должен оступиться и вернуться туда, где ему комфортно. Так было с фехтованием, которому Тэнея учили его братья и мастера фехтовальщики. Маленький принц с трудом понимал, как нужно владеть тем или иным оружием. Меч он держал неправильно, стойки не запоминал, что там уже говорить о выпадах, а глазами совсем не видел действий противника. Единственное, что хорошо получилось за время обучения у Тэнея, так как это удачно проколоть тренировочный мешок, набитый сухим сеном. Занятия фехтованием, которые продолжались не менее трёх лет, для Тэнея закончились и он оставил меч, так и не научившись практически ничему.

Эйтель не понимал, что не так с братом, ведь все в обществе мечтали облачиться в сталь, взять в руки что-то потяжелее и острее, и приняться сражаться. Все мальчики, юноши и мужи любили сражения, и мечтали оказаться на поле боя, показывая там свои умения и лишая в честном бою кого-то жизни. Но такая жизнь не подходила маленькому Тэнею. Предпочитая книги, рисование и письмо, он вечерами проводил время за писательским столом, складывая в стопку все новые прочитанные текста. Он все рассматривал различные книжные рисунки, картины, висевшие чуть ли не на всех стенах замка. Любил проводить время во дворе, наблюдая за перелётами птиц и жизнью других животных, к примеру лошадей. Скакать он определенно любил, как и любил красивых знатных дам. Возможно, только этому научили его братья. Любить жизнь, а не смерть.

Вспоминая моменты связанные с Тэнеем, Эйтель немного застыдился, что кто-нибудь может увидеть его лицо, ведь в данный момент, глаза Эйтеля наливались соленными каплями слез. Но он быстро собрался и снова подумал о том, что Тэней где-то рядом и не мог убежать далеко.

Как тогда, когда они зашли вглубь туманной рощи. Распределившись по двое, они шли не так быстро, чтобы свободно слышать присутствие других людей, скрывавшихся где-то подле деревьев. Заходя все глубже, Эйтель протяжно слышал свое имя. Тогда его переполнило чувство надежды и решительности. Гремя своими доспехами, вместе с сиром Рейваном Кулиатом, они пробирались уже вглубь показавшейся чащи леса, застланной густым туманом и часто расступившимися деревьями, как вдруг на их пути показались несколько разбойников.

Буквально в грязных обносах и серых тряпках, дешевых тканевых башмаках и шапках, с топорами и дубинами в руках, испуганно стояли замершие четверо мужей. Спустя мгновение, четверо мужей уже лежали уткнувшись носами в землю. Кто-то умер сразу же, а кто-то медленно и мучительно. Первому разбойнику Рейван клевцом раскроил череп, оставив на нём

кровавую дыру. Второй и третий попытались напасть на Эйтеля, который выглядел не так внушительно и грозно, но одним взмахом меча тут же были убиты. Ловко прорезав обоим глотки, Эйтель испугал четвертого, который уже сорвался удирать прочь, но споткнулся об древесный корень и был медленно добит клевцом Рейвана. Сначала он пробил разбойнику ногу, после руку, а после спину. Взмахивая он приговаривал: – Никто не убегает от страха! Страху смотрят в глаза и умирают достойно!

– Ты в прямом смысле потеряешь достоинство! – кричал под стальной шапкой, огромный Рейван, но уже где-то позади, потому что Эйтель бежал на голос, который подал его младший брат.

Пробежав ещё немного, Эйтель услышал чей-то шепот и ступал уже тихо, пытаясь найти в тумане того, кто издает звуки. Медленно подбираясь, он увидел как мужчина в обносках поднимает связанную девушку, пытаясь взгромоздить её на спину, а рядом сидит громила и держит нож у чьего-то горла. Эйтель, выхватив из ножен кинжал, метко бросил его в голову разбойника, поднимавшего девушку и быстрыми, размашистыми шагами, подбежал ко второму, который держал Тэнея. Эйтель увидел вышитый герб Клейвенов на бархатной, черной тунике, которая была надета на юного братца.

– Ты хочешь жить? – сказал тогда Эйтель, не отпуская кинжал от горла Тэнея, разбойнику. Тупая разбойная морда молчала и не увидела, как Эйтель рассек туманный воздух клинком своего меча и разрезал его горло. Громила рухнул, как и рухнул Эйтель, задев толстый древесный корень. Падение вернуло к нему осознание и мысли о прошлом ушли.

– Тэней! Ивлик чертов! – он разъярённо поднимался и увидел перед собой дорогу. Эйтель подумал, что Тэней, рано или поздно тоже вышел к ней. Он тяжело ступил на дорогу и повернул направо. Правая нога немного гудела после падения, но Эйтель продолжил свой бег.

– Тэней! Вернись! – он кричал настолько сильно, что теперь хрипел.

Ему становилось тяжело. Долгий бег в доспехах вымотал его и он звеня сталью упал на колени.

– Пожалуйста, Тэней! Братец мой! – в его голосе послышалась истерика. Эйтель уже и не думал стыдиться, поэтому дал свободу чувствам, резко окутавшим его невозмутимое, рыцарское сердце.

– Пожалуйста, вернись и мы снова поскачем с тобой на перегонки! Как ты и хотел... Всегда хотел меня обогнать... – слезы лились под тяжелым, черненым шлемом с позолоченным гребнем сверху. Эйтель, облаченный в грозные доспехи, от вида которых можно было не только восхититься, но и испугаться, превратился в плачущего рыцаря, но даже к такому побоялись бы подойти многие. Яростный, мужской плач только начинался.

– Я виноват, Тэней! Вернись и я прощусь перед тобой! – голос его начинал расщепляться и подавать дикие позывы.

– Вернись!

Как бы Эйтель не хотел увидеть Тэнея в густом и плывущем тумане вокруг, он видел только белую пелену, застилающую стальной мужской силуэт в черно-золотом доспехе. Он бил кулаком землю, звеня своими латными наручами и видимо очень сильно себя винил. За собственным плачем, Эйтель услышал, что кто-то бежал справа от него. А теперь спереди и слева. Все бегущие гремели кольчугой и стальными латными пластинами.

Дар морей

Зазвенели колокола. Улицы города заполнились людьми, которые везли обозы, несли различную еду и гнали скот. Люди, будто вода, стекались к главной площади Ренора, откуда слышался голос глашатая. Сегодня в Реноре был особенный день. Ярмарка, добрые вести и гости-нец прямиком с островов Итура, завезенный моряками на публичный показ перед толпами. Солнце было в зените и палило слишком ярко, что не очень радовало Длана. Он оделся не по погоде и ему становилось слишком жарко. Под нос себе ворчал высокий дядька с еле проступившей щетиной. Он был одет в тёмно-синюю тунику, за которой проглядывались белая рубаха и темные штаны. На плечах его висел каштановый плащ, который он принялся снимать, грубо шлепая по земле кожаным сапогом от явного раздражения.

– Ну сколько там ещё? – он ворчливо окрикнул сапожника, который медленно прибывал каблук к сапогу. Сам Длан восседал на табурете, полубоком опиравшись на стойку, при этом наматывая хлопковую ткань на стопу. Он щурил свои темные глаза от света падающих лучей. Закончив обмотку, Длан, поправил свои поседелые кудри, как бы убирая их за уши.

– Халлер! Закрой меня от этого палящего солнца. – Длан гаркнул и правой ладонью стал прикрывать глаза.

– Сегодня вам определённо не везет, магистр. – Халлер обнажил свою ехидную улыбку. Высокий, стройный и светловолосый, с кривым шрамом на брови мужчина, встал перед сидящим морщинистым Дланом. Густая, проседлая борода захватила лицо разрастаясь вокруг его рта.

– Не начинай. Лучше скажи мне, как скоро мы их нагоним? – Длан убрал ладонь и нервно, весьма по-старчески, захрипел. Он оглядывал каждого, кто проходил мимо лавки и устремлялся вверх по улице. Кто-то бежал и падал, кто-то с трудом проталкивал свой обоз, а кто-то разворачивался, ругался и шёл в противоположную сторону от площади. Длана немного сместила эта обстановка. Никогда ещё он не видел стольких людей, идущих сломя голову и готовых снести друг друга, ради того, чтобы посмотреть представление. С площади уже доносилась приятная музыка рёнорских музыкантов, а хохот и людской гомон стояли на улице.

– Видимо не скоро. Нам пробираться через толпу... – Халлер надменно посмотрел своими острыми и через чур хитрыми глазами на шагающих людей.

– Ну извините. Никто не подозревал, что я сломаю каблук. – ворчливо проговорил Длан.

– Вы слишком спешили, магистр. Но ничего, Эвард и Грег займут нам места у нашего зеленщика. – лениво ответил Халлер скрестив свои руки на груди.

Пока сапожник ремонтировал сапог магистра Длана Тормерга, глашатай на площади громко объявил:

– Дорогие граждане Ренора. Представление начнется через пятнадцать минут. – протяжно и басисто закончил глашатай.

– Сколько они берут за возможность посмотреть? – Длан беспокойно спросил, почесывая свою каштановую бородку.

– Один лавер[1]. – неудовлетворительно пробормотал Халлер.

– А сбегаются сюда все кто ни попадя... – Длан все ещё нервничал и ворчал, думая о сапожнике, который уже десять минут чинил его обувь.

– Даже бедняки хотят посмотреть. Хотя бы краем глаза. – презренно всматривался в толпу Халлер.

– Да... – на выдохе протянул Длан и спокойно продолжил. – Но только ты вижу не хочешь.

– А я и не бедняк. – Халлер все ещё задирал свой нос и думал, что он тут важнее всех.

Длан недовольно повертел головой, а Халлер язвительно ухмылялся, что вовсе не устраивало магистра Тормерга. Внезапно сапожник окликнул Длана и протянул сапог.

– Вот милорд. Ваш сапог. С вас двадцать четыре акрона. – крепкие руки отдавали починенную обувь.

– Благодарю вас. – обернувшись Длан забрал сапог и мгновенно нацепил его на ногу. Он достал из кисета лавер и скинул сапожнику в руку со словами:

– Сдачи не нужно.

Халлер лениво проследил за действиями магистра и с явным недовольством.

– Пройдемте, магистр. Нам же еще пробираться сквозь толпу простолюдин.

Длан возмущенно встряхнул плащ и накинул его на плечи, скрепив у горла серебряной застежкой. Теперь вместе с Халлером они зашагали, проходя мимо разного рода людей населявших столицу.

Вместе с палящим в зените солнцем, в лицо Длану подул теплый летний ветерок, легко развивающий черно-желтые гобелены, вышитые золотыми звездами и скрещенными к низу золотыми лентами. Геральдика Клейвенов бросалась в глаза сплошь и рядом. Её трудно было не заметить. Как и лица разного рода девиц, обильно проходящих в толпе.

– Вот скажи мне, Халлер, кто эта девушка? – Длан уставился на милую, светловолосую девицу, которая прижималась к стройному, размашистому мужчине.

– Чем она вас заинтересовала? – с прямой спиной, Халлер шёл вальяжно держась руками за кожаный пояс.

– Цвет её платья. Он светло-зеленый. – Длан оглядел людей вокруг себя. И тех, кто стоял и тех, кто шёл мимо.

– Видится мне, что она особенная. По крайней мере, других людей в таком цвете я не вижу. – Длан глянул на своего подчинённого и снова уставился на девицу в зелёном.

– Куртизанка, магистр. – Халлер сказал спокойно.

Тормерг повёл глазом.

– Не куртизанка, а падшая женщина. – и грубо фыркнул.

– Падшая или падкая? – Халлер ухмыльнулся.

– Я полагаю и то, и другое. – Длан поднял голову и не отводил глаз. Это заметила и девица в светло-зеленом. Она показала некий жест, от которого его чуть бросило в краску.

Длан отвернулся неуверенно.

– Когда вы последний раз выходили на улицы города? Тысячу лет назад? – улыбка с лица Халлера не спадала.

– Неделю... – он потрогал покрасневшую щеку. – Но как будто прошла целая вечность. – Длан не переставал оглядывать людей вокруг.

– Сегодня слишком знаменательный день и город кишит приезжими. – Халлер почесал подбородок и немного задумался. – Странно, что король не будет присутствовать.

– Уже все об этом говорят. Не слышал подробностей? – Длан спросил с удивлением.

– О том, что пропал его младший сын? – Халлер ответил холодно и недовольно.

Длан смутился.

– Ты недоволен, что король не попросил нашей помощи?

– Я не так падок к деньгам, как та девица в зелёном, но мои запасы стали пустеть и служебных выплат мне не хватает. – Халлер гордо возвысил свою голову и презренно смотрел на людей с высока.

– Это понятно. Как же вы все голову мне проели этим. – Длан ругнулся и сам был недоволен. – Пока король не даст отмашку, мы не можем...

– Пока король не даст отмашку... – Халлер прервал его тяжело вздыхая. – Не один раз уже это слышал. Почему мы не вылавливаем бандитов, воров и убийц? Они наносят такой же ущерб, как и нечистые. Даже существенно больший.

– Война с отбросами – это не наша война. – Длан разозлился не на шутку. – Забыл или тебе напомнить? Такой как ты стоит с десяток рыцарей или даже больше. Нас мало, Халлер и мы нужны лишь в определённый момент...

– Пока не грянет гром? – Халлер снова перебил.

– Пока не грянет гром... – тяжело подтвердил Длан. – Наша война в глубинах общества. Пока люди живут спокойно, вкушая все прелести жизни; мы будто смерть, ходим в поисках и вынюхиваем их, как гончие.

Халер подхватил его. – А они прячутся всё лучше и продуманней. Это наша горькая правда, магистр.

– Но согласен... – Длан стал чесать бороду. – Король мог бы уже дать нам указ; снова шерстить по королевству и попытаться выйти на хоть какой-нибудь след. – он глубоко набрал воздух. – Полгода безделья. Худшее и нельзя представить.

– Или хотя бы помочь ему в поисках родни. – холодно добавил Халлер. – Ведь розыск – наше ремесло. Кто с этим справится лучше нас?

– Поверь, там нашлись люди. Конечно не такие как мы, поэтому поиски уже затянулись. Так, что младшего сына все равно найдут. Рано или поздно.

Халлер пожал плечами.

– Вот бы они прибились к гильдии. Тогда Бривек осыпал бы нас эскулами[2].

Длан ухмыльнулся.

– Да на что тебе эскулы?

– Мне уже двадцать девять лет магистр. Я и так достаточно послужил этому миру. – Халлер стал бросать взгляд на девушек. – Поэтому, мои сундуки должны уже быть набиты золотом и драгоценными камнями.

– Хочешь титул, замок и знатную девицу в жены? – Длан чуть гоготнул.

– Всё так. Как только моя служба окончится, ищите меня где-нибудь в замке на побережье Дормовии. – Халлер закрутил воодушевленно.

– Ещё шесть лет, Халлер, придётся мне слышать твой высокомерный и надменный тон. – Длан ухмыльнулся.

Халлер промолчал, продолжая осматривать девиц и смущать их своей прекрасной улыбкой.

Тут же Длан вспомнил, как нашёл его избитого до полусмерти в одной из столичных канав. Он посчитал, что мальчишку нужно было отдать в монастырь, но как только Длан попытался помочь бедняге, тот скрывая под брюхом нож, незаметно блеснул им и чуть не вскрыл ему глотку. Мальчик корчился от боли, был весь в крови и ссадинах, но все выжидал момента и был готов сражаться. Такой закал ценили в гильдии.

Длан тогда вырубил его и решил завербовать мальчугана. Там он излечивался и пару раз попытался сбежать. Но если уже попал за порог гильдии, то покинуть её получится только став в одни ряды с сослуживцами.

– Сколько тебе лет? – Длан сел рядом с койкой.

– Тринадцать. – мальчуган отвечал тихо и чуть ли не плакал.

– Как тебя зовут? – Длан спрашивал грубо.

– Халлер Рондет... – "Тихий сокол".

Оказалось, что мальчишка был вором и состоял в одной из Ренорских банд. Такую кличку ему дали за превосходные, быстрые кражи и умелые, ловкие прыжки по крышам. Халлер был лучшим вором в своей банде и заметно выделялся. Поэтому его выловили ребята из другой банды и предложили ему вступить в неё. Он отказался, за что и был избит ими до смерти. По крайней мере они так тогда подумали. Повезло, что Халлер просто потерял сознание, и возможно, из-за этого он был ещё жив.

Длан вернулся в реальность, после вопроса Халлера.

– Вы слышите, магистр?

Они почти подошли к площади, от которой разносилась птичья трель. Пение было громким, звонким и журчащим, но необычным и не свойственным для этой округи. Людских голосов было много, но даже шум тысячи людей был слабее пения птицы.

– Она очнулась! Очнулась! – кто-то заорал в толпе и люди устремились быстрее.

Чем ближе они подходили, тем больше становилось людей. Их было слишком много и просто так протиснуться становилось тяжело. Люди взбудоражено ликовали, а шум и разговоры не прекращались.

– Как красиво поёт. – Длан удивился. – Никогда не думал, что увижу хотя бы одну.

– Соглашусь, но это скорее зов помощи. – высокий Халлер грубо расталкивал людей, расчищая проход для Длана.

– Козлы. – кто-то буркнул им в спину.

Зазвенели бубны, засвистели флейты и где-то перебирали струны менестрели. Длан с Халлером подошли ещё ближе и теперь для них открылся вид на площадь города. На довольно высокой сцене выступали ряженные артисты. За ними стояла огромная бревенчатая клетка, которую только закончили собирать. В клетке находилась крупная птица, связанная не одним толстым канатом. Она лежала на брюхе, совсем не могла пошевелиться и только пела.

Танцы, музыка, ликование и птичий зов помощи. Рядом со сценой возвышалась мраморная статуя великого стража, который с высока смотрел на представление. Статуя была двадцать шесть футов в высоту, с человеческим туловищем и четырьмя птичьими ликами, которые смотрели в разные стороны.

– Разве страж не видит, что происходит? – Халлер крикнул Длану, который шёл позади и пытался не потерять его в толпе.

– Птицу отпустят на сцене. – орал ему в спину Длан, но тот уже не слышал.

Людей было столько, что они будто плыли разгребая их как волны. Кто-то кричал и махал рукой стоя у лавки зеленщика.

– Это Грег. – выкрикнул Халлер.

Протискиваясь, Длан и Халлер с трудом вышли к лавке, у которой стояли остальные подопечные. Невысокий и складный Эвард, и Грег Говельд, угрюмый и здоровый. Длан всегда называл Грега быком, только с оленьими рогами. За лавкой, на которой находилось множество различной зелени, стоял зеленщик и его прислужница. Зеленщиком он был только по дням.

– Представление уже в разгаре. – сказал Вард, прикрываясь ладонью от солнечных лучей и все разглядывая сцену.

– Малость запоздали. – отвечал Халлер. – Так, что будет с птицей? – и спрашивал возмущённо.

– Отпустят. – Грег ответил спокойно, пожевывая какую-то траву.

Лицо Халлера озадачилось непониманием.

– Это издевательство над моряками. Они везли её месяц на корабле, чтобы птица улетела обратно?

– Им заплатили большую цену. Уши так говорят. – высоко и шипяще ответил Эвард.

Длан расположился на помосте, между Грегом и Халлером. Все четверо были выше толпы перед ними и отлично наблюдали за сценой.

Чуть запыхавшийся и уставший от жары Длан, поддержал разговор:

– Чтобы отловить такую птицу, нужно очень много людей и по крайней мере два корабля. Это королевская забава. Бривек все это организовал для знати, но семья для него важнее, поэтому тут его нет, а знатные люди есть. – Длан высказывался спокойно и тихо.

– Откуда эти уши, магистр? – удивлённо спросил Грег.

– Да какие уши! Посмотри по сторонам и сам подумай. – Длан взъелся на него.

– Здесь почти все графы, бароны и мелкая знать королевства. – Халлер тихо подсказал Грегу на ухо. Тот лишь ответил грубым кивком головы.

Танцы закончились и песни перестали звучать. На сцену вышел глашатай города и городской магистрат.

Глашатай объявил.

– Кхм... Горе случилось в столице...

– Это тот самый? – Эвард спросил у уха Длана.

– Да. – утвердительно ответил Длан. А глашатай продолжал.

– ...Король Бривек Клейвен, первый его имени, властитель нашей с вами Дормовии, не сможет присутствовать сегодня и видеть сие представление. Поэтому, от имени Короля Бривека, первого его имени, представление будет открывать магистр города Ренора.

Ликование сменилось овациями. Под слово магистрата застучали барабанщики. Они медленно отбивали в такт, а птица снова запела, но уже тихо. Связанная в клетке не меньше, чем двумя канатами. С того места, где стоял Длан, Халлер, Грег и Эвард, было хорошо видно огромную и величавую птицу. Оперение её было серо – голубым. Длинный красный клюв, белоснежные, серые и голубые перья на голове и шее, и красочный темно-синий хохолок.

– Халлер, что ты ещё узнал о птице? – спросил Длан.

– Неизвестно как называют птицу моряки, но мне чем-то напоминает зимородка. Её выловили у островов Итура, приманив на огромную кучу рыбы. – ответил Халлер.

Люди вышли на сцену с топорами и стали рубить клетку. Откинув порубленные балки, строители принялись за канаты.

– Неужели эта птица не опасна? – удивлённо спросил Эвард.

– Моряки хвалились, что эти птицы боятся их и поэтому не нападают. – спокойно ответил Халлер.

– Но мы же не моряки. – Длан хохотнул немного и призадумался. – Вот сейчас и увидим, что произойдёт.

Толстые канаты, шириной с крепкую мужскую руку, начали рваться под ударами топоров. Звук стали сменился пронзительной и протяжной трелью. Птица вздыбилась, почувствовав свободу, и встала на лапы.

Стуки барабанов прекратились вместе с ликованием. Все, кто ещё был на сцене, убрались с неё прочь. Птица была настолько огромной, что в свой полный рост, доставала хохолком до половины статуи.

– Сколько в ней футов? – кривляясь и удивляясь, спросил Грег.

– Может двенадцать или больше. – ответил Эвард, все плотнее прикрывая уши.

Звук, издаваемый птицей, был слишком громок, поэтому Длан с подопечными резко закрыли уши, как и все люди, которые стояли перед ними.

Длан Тормерг распознавал что-то прекрасное в птичьей трели. Если кругом весь люд, кривился от пронзающего звука, то для Длана он был просто громок, но в то же время по своему красив.

С птицы слетел последний обрубок каната и теперь, она расправила свои тёмные, слегка голубые с белым, крылья, размах которых, превысил ширину сцены.

Птица все пела и немного припрыгивала по сцене, со звуком прогибающихся досок.

Короткая шея крепко прилегала к толстому и обширному брюху, а слегка красный, короткий клюв, устремился ввысь.

Продолжая трелить, птица размахнула свои крылья, послав стремительные потоки воздуха во все стороны. Взмахи были нечеткими, но все же птица возвысилась над землёй и наслала ещё больше воздуха. Головные уборы, гербы, штандарты, девичьи юбки; все, что плохо закреплено, стало слетать.

Она взмахивала все чаще и перекрутившись в воздухе, расправилась теперь ближе к небесам. Птица поднималась все выше и улетала куда-то на север.

После недолгого молчания ликование снова вспыхнуло. Заиграла музыка, люди захохотали и стали хлопать.

На сцену снова вышел глашатай и объявил, что представление окончено, но праздник продолжится до заката.

Длан с подопечными стояли ошарашенные и все наблюдали за улетающей птицей.

– И ради этого её месяц везли сюда. – Грег ворчливо плюнул.

– Просто кому-то не жалко своих денег. – Халлер медленно pokrutil головой, почесывая свой подбородок.

– Радуйтесь, что хотя бы один раз в жизни, увидели что-то подобное. – Эвард воодушевленно воскликнул.

– А как вам пение? Понравилось? – Длан спросил удивлённо улыбаясь.

– Отвратительно, магистр. – холодно ответил Халлер.

После этого, представление на удивление закончилось и площадь люди стали спешно покидать. Гремя деревянными тележками уезжали продавцы, продав в толпах людей достаточно, чтобы прожить следующие недели. Вздрыбились лошади и повезли своих знатных хозяев подальше от площади, которая теперь опустела и показала изрядное количество разбросанного мусора и потерянных вещей на мощеной площади. Там, где уже не стояли лошади, остались кучи дерьма, характерно пахнущий аромат от которых, разносился легкими позывами ветра по всей площади и наполнял нос магистра Длана Тормерга, от которого, его слегка кривило. Ещё за не успевшими покинуть площадь людьми, спешно вышли убирать мусорщики, которые весьма ценились гражданами города и имели статус не хуже кормилиц, нанимаемых и тщательно отбираемых знатью. Длан глядел на них с восхищением, как и на шерифа города Ренора, который отчаянно боролся с преступностью, подобно тому, как мусорщики борются с людским дерьмом, все чаще загрязнявшим улицы любимого им города. Безусловно, Длан любил порядок и желал его видеть везде помимо гильдии, в которой безукоризненно руководил всеми процессами. Вербовкой, обучением и управлением королевскими шпионами, ныне когда-то прозванных в недрах зарождавшихся гильдий «карателями».

– Мой долг. Моя жизнь. Моя вечность. – Ты запомнил, Халлер? – строго говорил сопляку девиз Длан Тормерг.

Халлер Рондет, как и Грег Говельд, и Эвард Вентур и несколько других юношей, ставших в последствии карателями, прекрасно помнили эти слова о вечном жизненном долге, который величаво олицетворял их единственную роль в этом, как многие считают, спокойном мире. «Клинки королей», «Призраки в тени», «Чистильщики» – как только их не называли, краем уха услышавшие из слухов о них, впечатлительные люди. Они действительно были и чистильщиками, очищая мир от выживших отпрысков, и призраками, изрядно сливавшимися с толпами людей и клинками, которыми короли, почти всех королевств Мардолората, уничтожали остатки прежней династии, эпохи магов и волшебников. Каждый каратель обязывался выполнять свой долг и не боялся смерти. Для них она попусту не существовала, так как они сами были той смертью, искавшей все новые души для своего царства мертвых. Длан был лучшим в Ренорской гильдии, поэтому со временем его назначили магистром, беспрепятственно выполняющим свой долг. Его уважали все, даже бывший вор и преступник, Халлер Рондет, для которого Длан стал чуть ли не отцом.

Смотря на своих подчиненных, складного и лысого Грега, с окладистой рыжей бородой, высокого и сухого Халлера, стройного красавца со шрамом и Эварда, броского мужчину среднего роста, отличавшегося острым умом и находчивостью; Длан ещё раз утверждался в том, что воспитал их правильно.

Люди полностью покинули площадь, оставив только владельцев лавок, продавцов и купцов, а Длан с подчиненными, уже через мгновение очутился у дверей гильдии карателей, скрытой под ремесленным зданием.

Там их ждало совсем не радостное известие, принесенное голубем прямым с южных земель Тельгера – материка, который находился по ту сторону Дарского моря. Длан созвал совет, на который прибыло равным счетом трое карателей, кроме него самого, единственных оставшихся в Дормовии и охраняющих королевство от отпрысков династии Эльна. Зачитанное настолько испугало всех четверых, что даже жаждущий встречи Халлер ни на шутку поник. Известия были совсем странными и такого Длан никак не ожидал, поэтому написал письма и отправил их во все гильдии Эскультера. В королевство Оврию, что находилось на северо-востоке. Тарвию – северное королевство, где недавно взошёл на престол «Белый грифон». Лавердарию – самое торгующее королевство на юго-востоке и Атевмор, самое западное королевство Эскультера. Длан не сомневался в истинности написанного, так как знал того, кто его отправил и того, кто его написал. Этим людям он доверял, тем более тисненый штамп сокола, выданный на красном воске, что запечатывало прибывшее письмо – было знаком любой гильдии.

После прочтенного, Длан подавленно расселся в своем кресле магистра и вдумчиво раскуривал трубку, вспоминая свою последнюю встречу с заклинателем, пока Халлер, Эвард и Грег спорили между собой, обсуждая неожиданную весть. Два года назад каратели Ренора добыли известия о необычном человеке, который представлялся народу как фокусник и был разъезжим по городам Дормовии. Звали его Истерфелем из Вермира, прославившемся мастерским жонглированием любыми предметами и способностью овладевать огнем, пуская его из своего рта. Такие выступления были по душе людям, при том, что Истерфель совсем не брал денег. Сам же Истерфель хотел донести вести о себе до самого короля Бривека Клейвена, чтобы выступать при дворе для знати. Эти известия показались Длану и его подопечным странными, поэтому было решено проверить фокусника. Уши у карателей были везде и поэтому назывались золотыми, так как цену за вести они платили щедрую, но при этом и не выдавали себя, представляясь простому люду, то вольными рыцарями, то купцами, то моряками. Скрытность их была совершенной. Разумеется, Истерфель из Вермира был найден, так как совсем не скрывался. Длан следил за ним на одной из дорог, ведущих к Гра́терскому графству. Восседая на лошади породы Идэлион, Длан не спускал с кареты фокусника глаз. Все-таки он был богат, раз позволял себе иметь карету, запряженную двумя лошадьми. Та слежка шла целый день и к наступлению ночи карета остановилась у одной из деревень, куда Истерфель из Вермира стремительно направился, скорее всего показывать свои фокусы. Длан заметил, что из кареты вышел седой старик в бежевом плаще, с трудом передвигавшийся самостоятельно, поэтому тому помогал складный кучер и вел старого к небольшой деревушке. Длан слез с лошади и незаметно проследовал за ними. Доведя старика до деревни, кучер вернулся обратно к карете, а седой вошел в один из домов, перед этим что-то говоря хозяевам. Насвистывая и запевая какую-то мелодию, кучер помочился возле кареты и принялся что-то вкушать. Но доест он не успел, поскольку Длан уже стоял за его спиной. Свистнув, чтобы окликнуть кучера, Длан вмазал прямо в его широкую морду. Жующий, пухлый мужчина бессознательно упал на землю и теперь Длан принялся его оттаскивать за карету. Спрятавшись там же, Длан не сводил глаз с хижины, в которую вошел седой старик. В мгновение оттуда вышел длинноволосый мужчина в таком же бежевом плаще и вальяжно шагал к карете. Длинные седые волосы, теперь были темными, а лицо казалось радостным и свежим. Зрение Длана прекрасно позволяло ему разглядеть его, а резкое изменение внешности подтвердило опасения – фокусником он был не всегда.

– Эй, Нил. Куда ты подевался? – сказал фокусник, уже подходя к карете.

Длан оставался в тени и решил посвистеть подобно кучеру.

– Запрягай карету, Нил. Нам пора уезжать.

Фокусник подходил всё ближе и теперь резко остановился, как и перестал свистеть Длан. Он находился за каретой, а фокусник слева от неё.

– Нил? Что с тобой?

– А что с людьми, у которых ты отобрал жизнь?

Веревка накинута на шею фокусника и резко натянулась, под давлением рук Длана, который хотел повалить его на землю, но фокусник слишком долго держался, поэтому Длан таскал его из стороны в сторону и бил об карету головой. Поняв, что это не лучший способ, Длан мастерски повалил фокусника на землю кинув его через себя. Фокусник тяжело ударился, а его бежевый плащ теперь был полностью в пыли и сухой земле.

– Ты убил их?

Длан мощно засадил ему ногой прямо в голову, от чего поднимавшийся фокусник, снова оказался на земле.

– Прошу вас, пощадите! – выкрикнул он. – Я никого не убивал!

С этими словами, Длана огрели по голове чем-то тяжелым. В схватке с фокусником, старый Длан не заметил, как кучер уже пришёл в себя. Получив тяжелый удар, Длана повело в сторону, но упасть он не собирался. Вынув кинжал, он резко развернулся и блеснул им по пухлой, испуганной морде кучера. Схватившись за лицо, кучер заорал от боли и только собирал ладонями растекающуюся кровь. Бросив взгляд на фокусника, Длан возмутился от увиденного и услышанного. Фокусник был на коленях, а перед ним лежал сверток пергамента, который он придерживал руками и читал с него. Зловещий, глубокий голос стал распевать текст и будто возглашал. Длан, понимал, что есть только миг, чтобы прервать заклятие, которое уже начало действовать. Земля стала трещать по швам вокруг фокусника, а её куски мгновенно поднимались в воздухе и заслоняли его подобно щиту. Теперь все подозрения мигот испарились, а кинжал Длана молниеносно покинул его руку и понесся прямо в голову фокуснику, но плотно вонзился между двух частей земли.

Длан промедлил и теперь куски земли и камни моментально понеслись прямо в него. Если бы он не успел закрыться своим плащом, то камни, точно бы раздробили его голову, долго думающую о новых встречах с такими как Истерфель из Вермира. Вспоминая тот день, Длан все усерднее раскуривал трубку, набитую табаком, да так, что тление все чаще тухло и разгоралось. Дым, который стоял в комнате, расстился густой пеленой и монотонно расплывался, интересно завиваясь в воздухе. Такой же густой дым был и в голове магистра Длана Тормерга, долго думающего о письме Глена Локрога, написанного неделю назад.

[1] «Лавер» – единица серебряной монеты, равная 54 акронам

[2] «Эскуль» – единица золотой монеты, равная 20 лаверам

Судьбоносный момент

– Как ты думаешь, про кого он писал? – Эйвенд сонно спрашивал. Старый граф почесывал редкие бакенбарды на левой щеке, усыпанной коричневыми, еле видимыми пятнами и при этом тяжело задумывался. В его глазах смешивалось непонимание и нечто колкое, пронзающее его изнутри. Глен смотрел на него с сочувствием, но кажется недостаточным для человека такого пошива. Он безусловно понимал Эйвенда и чувствовал его терзания, но поддержать никак не мог, поэтому редко поглядывал в его сторону, показывая, что он его слышит.

Глен подписался в конце последнего письма: "Каратель первого ранга, Глен Локрог из Гарвельда". После, сложив все четыре письма, передал их голубеводу. – Одно письмо в гильдию Гарвельда, а остальные на Эскультер, в Ренор. – лениво, но с определённой строгостью, сказал Глен голубеводу, светлая роба которого, спускалась вниз до башмаков.

Он втирал в лоб свой большой палец, при этом преклоняя голову, задумывался подобно графу.

– Вероятнее всего про того, кто их собрал и теперь ими управляет. – Глен теперь посмотрел на Эйвенда и отчётливо видел, что граф нервничает.

– "Тайный монарх" – это лишь поверхностное обозначение и углубляться здесь нет смысла. Тоже самое говорили и про "тёмного заклинателя" двадцать лет назад. – Глен откинулся на спинке стула. Он поднял со стола трубку, забитую арлинтерским табаком и принялся поджигать её свечой.

– Если заклинатели объединились под началом какого-то там монарха, то чего нам теперь ожидать!?! – Эйвенд пытался возмущаться. Опрокидывая кубок, он судорожно заливал в рот вино, растекавшееся по его бороде и косо поглядывал на Глена. Граф ждал обнадеживающего ответа.

– Нам? – Глен удивлённо посмотрел на голубя, которого достал из клетки голубевод. – Эйвенд... – Помощь вассалов тут не потребуется.

Граф резко встал, раздражённо посмотрел в сторону Глена и сердито проскреб зубами. Он хотел что-то сказать, но молча убрал взгляд и отошёл к проёму в стене. Граф стал наливать вино себе в бокал и злостно хмурился, рассматривая бездонное синее небо и бесконечные, острые пики вдали. Только родные пейзажи могли успокоить графа. Глен отчётливо это помнил и посмотрел за тем, как голубевод привязывает письма к лапкам голубей. Он пускал их в полет, бросая в открытую часть стен. Белоснежные птицы стремительно пускались в полет, расправляя свои крылья надежды.

– Ты прав. – граф неожиданно заговорил, но тихо, хотя по его взгляду, можно было бы сказать, что уверенно.

– Это дело уже меня не касается, но ситуация говорит сама за себя. – Эйвенд прервался, сделал пару глотков и недовольно посмотрел на Глена.

– Сначала крупные пожары в городах Ильдарии, после письмо с важными сведениями, из-за которого погиб ваш же гонец, а теперь подряд два нападения на карателя... – граф гневно прервался, поболтал вином на дне бокала и запрокинул оставшееся в рот. Нервно глотая, он продолжал.

– А остальные каратели... – Эйвенд крепко сжал кубок от злости. – Если заклинатель сказал правду, то все они схвачены, а может и мертвы. – он выпалил яростно и утвердительно. Об этом чётко говорили его пунцовые щеки, окрасившиеся от злости, волнения и уже третьего кубка вина, которое Эйвенд судорожно себе наливал.

– Он мог и соврать. Фистфейр лишь записал все его слова, вымолвленные под пытками. – Глен не замечал злостную ауру, исходящую откуда-то слева и отвечал спокойно, при этом не переставая задумываться.

Локрог глубоко затянулся.

– Пытки? Какие к черту пытки!? – старый граф будто превращался в пса, гавкающего на любой шорох.

– Вы должны их лишать жизни... – Эйвенд резко прервался и закашлял от злости, пробравшей его от ног до ушей. Граф стал нервно дышать, а начавшаяся одышка заставила его схватиться за грудь. Слуги уже решились рвануть к графу, чтобы его усадить, но Эйвенд резко бросил на них свой яростный взгляд. Такой взгляд определённо дал понять, что графа трогать не стоит.

– Что-то определённо затевается, Глен. – граф протяжно выдохнул, а Глен слушал его без всякого энтузиазма. Будь он хоть чуточку с чувством юмора, Эйвенд послышал бы лёгкую хохму.

Расположившись на стуле поудобнее, Глен решил добавить.

– Всегда затевалось. – Глен был невозмутим.

– Вы, Вилейны, помогли гильдии достаточно, и я передам это магистру. – он сказал решительно и вставая, нехотя поклонился перед графом Вилейном, давним своим другом. Но сегодня же Эйвенд другом не казался, запрятав свое понимание он уже не слышал того, что говорил ему Глен. Настойчивость и презренность теперь звучали из уст седого, чуть располневшего, Арсмердского графа и кажется, с каждым выпитым кубком помутнение его разума становилось все сильнее. Тут Глен задумался о том, сколько бочек вина опустошил граф с последней их встречи.

Глен понимал, что граф был возмущён тем, что его семья, так или иначе снова вплетается в дела гильдии карателей.

С этими мыслями Глен глубоко затянулся, тоже поглядывая в открытый проем в стене. Бездонное небо сегодня было совсем безоблачным, как и голова старого графа, совсем безрассудной.

Мысленно ухмыляясь, Глен уже хотел бы попрощаться, подозвав к себе пажа держащего его вещи, но граф неожиданно решил заговорить.

– Тогда я окажу тебе последнюю услугу. – Эйвенд гневно улыбался и теперь пронзал нахмуренным взглядом.

– Убирайся, черт поberi и забирай с собой своих заклинателей. – ещё остававшиеся капли вина во рту Эйвенда, разлетались во все стороны, словно яд.

– Забирай свою надменность, свои конверты, письма, заклинания и чеши отсюда на все четыре стороны... – граф опешил, покраснев как летний спелый томат, развернулся и снова посмотрел на пейзаж открывавшийся с башни. По его лицу было заметно, что Эйвенд слегка застыдился, так как в голубятню вошли его сыновья, звонко распахнув двери, будто ударив её.

Так и ударил шпорами Глен, звук которых вернул его из потока мыслей. Он все ещё не понимал, почему Эйвенд так рвётся помочь ему и гильдии в целом. "Разве у графов нет других дел?" – недоумевая заметил Глен и поскакал быстрее, заговаривая свою лошадь. Глубоко выдохнув, он вспомнил как Эйвенд Вилейн впервые обратился за помощью к карателям и это его немного расстроило.

Рассеянный взгляд стал собираться вновь и теперь Глен, отчётливо осматривал деревушку справа за обширным полем.

Слева он увидел расписные цветочные луга. Спереди, где-то вдали мелькала редкая роща около дороги, а позади уже не виднелся величавый Арсмерд – город на краю двух королевств.

По неровному извилистому тракту, Резвая скакала не так быстро, как хотелось Глену. Лошадь он, конечно, берег и понимал, что она изрядно запыхалась, поэтому перевёл её на шаг, давая ей немного продохнуть.

Сам Глен заливался потом от нагревающих его голову солнечных лучей. Погода была резко отвратительной для Глена, так как теперь палящее солнце ему напоминало о той огненной, жаркой ночи.

Проезжая деревню, земля которой уже принадлежала к столичным землям, как и деревни после неё, Глен увидел горный свод, мелькающий где-то за оврагами, а это значило о том, что столица уже рядом. Как и гильдия. Как и магистр, наверное нервно ждущий своего конверта, уже успевшего забрать несколько невинных судеб.

Грубый, старческий голос графа, слышимый где-то в подсознании, все раздражал Глена. Он никогда не поддерживал панику и бездействие, которыми вдоволь пропитался старый граф Арсмерда.

Солнце было в зените и жара стояла такая, что волосы на его голове могли загореться. Солнечный свет пёк его, а по лбу все стекали капли пота. Погода также не радовала лошадь, которая уже малость устала. Даже небольшие передышки для неё уже мало, что значили.

– Ну и жара. – Глен устало вздыхал и вытирал ладонью лицо. Даже в Арлинтере, где Глен пробыл ни один год, не было настолько жарко. Он все негодовал и чтобы хоть как-то освежиться, нужно снова разгонять лошадь. Так Глен и сделал. Он ударил шпорами. Лошадь заржала и резко выдохнула.

Он перевел её с шага на рысь и после на галоп, снова устремившись и поднимая кучи пыли за собой.

– Ничего, Резвая. Скоро должна быть река, где мы с тобой остановимся. Потерпи немного.

Глен все успокаивал свою лошадь и понимал, что скакать полдня, лишь с небольшими остановками, весьма тяжело и для такой породы.

– Иделион. Лучшая порода лошадей во всем мире. Специально выведена для вас и только вы будете на них разъезжать. – Глен вспомнил Догрина. Своего первого учителя по фехтованию верховой езде, стрельбе, метанию ножей и копий, а также приёмам маскировки, подкупа, красноречия и манипулирования. Догрин учил рекрутов всему тому, что знал сам. Опытный каратель, уже закончивший свою службу, остался в гильдии, чтобы тренировать зелёных юнцов.

– Порода приветливая, мягкая, но признает только хозяина. Очень чуткие и понимают куда больше, чем другие лошадиные породы. – складный Догрин медленно и спокойно подходил к лошади.

– Самые быстрые, самые спокойные, не страшатся резких и неожиданных звуков. Даже если она ранена, то в любом случае продолжит служить хозяину. – Догрин взялся за уздечку и приглаживал морду.

– Не упадёт, не сломается и не испугается. Такая лошадь стоит в двадцать раз дороже обычной. Поэтому вы должны ценить её, ухаживать за ней и кормить лучше, чем себя.

Глен и в правду кормил её лучше, чем ел сам. Поэтому Резвая все быстрее разгонялась и медленно уставала.

– Если с лошадью что-то случится и она погибнет, издохнет и так далее, то вам придётся выплатить гильдии её полную стоимость.

Глену тогда, только стукнуло двенадцать, а у него уже была дорогущая лошадь. Радости его не было предела, пока лошадь не скинула его в двадцатый раз. Юный Глен день за днём, как и другие мальчишки, пытался приручать лошадь. Кормить, вычесывать, мыть, постоянно гладить и приучать к голосу. Лошади и жеребцы росли вместе с юными карателями, все сильнее привязываясь к своим новым хозяевам.

А дорога все выглядела нескончаемой. Жара все сильнее о себе напоминала и даже легкий, немного прохладный ветерок на скаку, с трудом спасал положение. С правой стороны показалась небольшая деревушка, расположенная около поля, на одной половине которого

пасса скот, а на другой люди что-то сеяли. Глен вспомнил и эту деревню, уже шестую на пути к столице. Скоро перепутье, а после мост через Лесную реку, подумал Глен.

От Арсмерда до Нареграта, на полном скаку и даже с несколькими остановками, путь занимает целый день. Глен все не обращал внимания и редко смотрел по сторонам. Ему было важно, что находится перед ним. Поэтому отвлекаться ему не следовало. Яркое солнце уже поднялось и остановилось высоко в небесах, оставляя на земле все больше солнечных лучей. Глен уже подумывал остановиться где-нибудь у реки, чтобы и лошадь напоить и окунуться, дабы освежиться в холодной воде. Внезапные мысли о хвосте предупреждали его и напоминали о глупости сира Виеля Вилейна, поэтому он иногда поглядывал назад. Осматривая пустые луга и поля, усеянные то цветами, то пшеницей, на мило и не нашлось бы человека, кроме крестьян в деревнях и самого Глена Локрога.

Позади не было никого, кто мог бы представлять хоть какую-то опасность для карателя гильдии. Но осматривая зелёные опушки на горизонте, густо заросшие высокими деревьями, Глен, чувствовал что-то иное и неизведанное.

Кого-то того, кто мог бы таиться в лесной глубине.

Крутой и резкий поворот заставил Глена взглянуть на дорогу, которая теперь раздвоилась возле деревянного, указательного знака, указывающего на тракт к Нареграту. К столице. Туда, откуда все началось тридцать четыре года назад. Глену было тяжело снова возвращаться в город, который напоминал ему о прошлом, а воспоминания об этом остро кололи его душу. Он никогда не пожелал бы снова оказаться там. Там, где совершил свой первый приговор.

Выросший в нищих кварталах Нареграта и позже оказавшийся в приюте. Отец его всю жизнь был подмастерьем у плотника и старался передать все свои знания накопленные им годами, но рано умер и оставил Глена на растерзание этому миру.

"Где же ты лежишь, отец?" – Глен снова задался вопросом, изрядно мучавшим его на протяжении жизни. Он крепко сжимал кожаные поводья в руках и грубо выдыхал, смотря на голубое, застланное облаками небо.

Он перевел Резвую на шаг. Тяжелые, темные лошадиные ноги, с выпуклыми вздувшимися мускулами, теперь успокоились и постукивали копытами по мощенной дороге, ведущей к сложенному из камня мосту.

Издали, Глен увидел, как у моста сидит какой-то незнакомец. Подъезжая все ближе, уши слышали брнчание и возвышавшийся голос, который сменился завыванием, когда Глен стоял уже подле него.

– Что менестрель, ограбили тебя? – Глен спрашивал из седла, прикрывая ладонью глаза от яркого солнечного света.

Музыкант злобно бросил взгляд на Глена и презрено проворчал.

– Это не ваше дело всадник.

Смотря на него, Глен разглядел свежие ссадины под глазами, разбитую губу и щеку. Короткие, темные волосы были растрепаны, а замаранная небольшими каплями крови рубаха, была слегка порвана.

– Развелось тут. Уже и проехать спокойно нельзя. И это столичные земли? – менестрель говорил холодно и возмущенно.

– Как давно тебя ограбили? – спросил Глен, слезая с лошади. Он вынул из седельной сумы бурдюк с водой.

– Вам какое дело? Хотите отобрать мою лютню? – спросил музыкант и тяжело харкнул в сторону Глена Локрога. – Вот! Забирайте.

Поднялся прохладный ветер, который задувал Глену под бордовый кафтан, слегка охлаждая его. Возле рек было всегда холоднее и свежее. Вероятнее из-за этого менестрель тут и задержался.

Глен размашисто подошел и резко наклонился над ним, схватив его за ворот рубахи.

– Значит слушай меня. Я тебе помогу и сопровожу до города, а ты взамен, расскажешь мне всё что видел и слышал. Тебе понятно? – сказал он грубовато. Любые сведения о разбойных бандах, ворах и всякой низшей дичи были Глену как раз кстати. Тем более после слов главаря банды Видгара Молта.

– Что именно вы хотите узнать? – испуганно спросил менестрель и дрожа попытаться.

Глен помог ему встать на ноги и всунул бурдюк в руки.

– Как и где на тебя напали. – серьезно буркнул Глен и подошел к седельной суме, чтобы достать ломти сушеного мяса.

– Хорошо, но кто вы? – неважно промолвил менестрель и вопросительно посмотрел на Глена.

– Просто всадник, а ты просто рассказываешь мне все и получаешь еду, сопровождение и защиту. Уговор? – дерзко ответил Локрог, протягивая музыканту ломти сушеного мяса.

Менестрель присел, поджав под собой ноги. Медленно разжевывая сухое мясо и запивая водой, он молвил.

– Я разъезжий музыкант, Магрин Желёт. Распевал почти по всей Ильдарии, при дворе, в замках графов, в постоянных дворах, тавернах... – он отглотнул немного из бурдюка и ещё откусил мяса.

– А потом меня занесло в столицу. Я пел на улицах, пел на крышах. Пел днем и ночью. Пел усерднее и больше, чем любой другой музыкант. Поэтому слухи обо мне быстро разлетелись по Нареграту, спасибо за это людям, которым я надоел. И дошли до самого короля Урнера... – менестрель завершил тяжело вздыхая и отпил ещё воды.

Глен стоял над ним и внимательно слушал, сложив руки накрест. Холодный ветер обдувал его нахмуренное лицо и немного успокаивал от стоящей жары.

– И что дальше?

– Король пригласил меня в замок сыграть для него. Я спел свою лучшую песню. – он снова отпил воды, дожевывая последний кусок мяса.

– И на удивление, королю понравилось, да так сильно, что он подарил мне белую лошадь и новую лютню. Сам король приказал мне разносить свою музыку по всему Тельтеру! – возгласил Магрин.

Я ещё какое-то время распевал на улицах Нареграта, но теперь уже восседая на лошади. – менестрель опустил глаза в землю.

– А после, я решил поехать в Антельдарию... – он сказал истерично, хлюпая носом.

– Но стоило мне покинуть столицу, как на меня сразу же напали, избили и обобрали до нитки. Лошадь, как видите, тоже увели. – досадно и огорчено говорил Магрин, при этом добавляя минорных мотивов, перебирая струны лютни.

– Все ясно. – резко оборвал Глен и выдернул бурдюк из рук менестреля. – Ты видел тех, кто на тебя напал?

– Я ехал ночью! Если что-то и видел, то только темные силуэты, которые неожиданно напали на меня у рощи. – возмущенно добавлял Магрин. – Ударили по голове, да так сильно, что очнулся только утром, без лошади, без верхней одежды, без колец и без кошель набитого эскулями!

Менестрель так негодовал, что буквально кричал. От резких высказываний его голова вспомнила удар, поэтому остро заболела, от чего музыкант судорожно схватился за неё.

– Тише. Тише. Не стоит так нервничать. – раздраженно сказал Глен. – Что потом? Очнувшись, двинулся по тракту на Арсмерд?

– Не знаю. – горестно ответил Магрин.

– Почему не вернулся в столицу? – недоуменно спросил Глен.

– Я не знал куда идти, поэтому шел прямо по дороге, пока не встретил некоторых купцов с парой обозов. Спросив у них где нахожусь, понял что иду не туда. После попросил у них еды, развернулся и шел за обозом, пока не дошел до моста, у которого и сижу. – устало подытожил Магрин, держась за затылок.

История показалась слишком странной и необычной для Глена, но избит музыкант был по настоящему.

– Вставай менестрель, времени мало. Можем не успеть до ночи попасть в столицу. – сказал Глен взбираясь в седло.

– Ещё чего. Сам доберусь. – недовольно вскрикнул Магрин и лег на траву.

– Дам тебе пару эскулей, а может и больше. Ты слышал что-нибудь о случае у Лунной реки? – удивленно спросил Глен.

– Нет, а что там случилось? Кто-то побранил Вельданов? – менестрель взволновано поднялся с травы и встал на ноги.

– Расскажу по дороге. Сведений тебе хватит, чтобы сложить новую, таинственную и местами пугающую песню. – лениво отвечал Глен и ударил шпорами.

– За пару эскулей готов послушать. – музыкант резво подбежал к лошади и теперь шел рядом. Резвая шагала не так быстро и ещё отдыхала, поэтому Магрин не отставал и все рассказывал о том, как на него напали. Нападавших он не видел и только немного помнил место – кленовую заросшую рощу. На вопросы Глена, почему музыкант ехал по дороге ночью, тот отвечал вскользь и уверял, что музыка должна звучать днем и ночью. Шел он устало и все время жаловался, то на погоду, то на пустой желудок и разбитую голову. Локрогу не по душе был такой спутник, но он старался его перетерпеть. Ведь теперь Глену нужно было точное место нападения, так как обычно банды действуют на определенном участке местности. Будь то роща, то перепутье. На полпути Магрин Желот старался запевать, наигрывая на своей дорогой лютне, украшенной позолотой и сделанной из красного дерева. Все попытки музыканта Глен пресекал.

– Что вам и эта песня не нравится? – спрашивал Магрин.

– Хреново поешь. – грубо отвечал Глен и думал, что лучше держать путь в тишине.

Прошло время, как и прошли достаточно Глен Локрог и избитый менестрель Магрин. Они пересекли приток Лунной реки и до столицы оставалось всего ничего. Сумерки рассеивались и зашедшее солнце на западе, открыло для убывающей луны возможность осветить землю. Глен понимал, что до закрытия ворот они никак не успевали, да и Резвая достаточно выдохлась. Какой бы ни была лошадь, отдых ей всё же полагался. Видимо и менестрелю тоже. Плутущийся где-то позади музыкант, еле поспевал за Гленом и все умолял не спешить. А лошадь то, была на шагу.

– Здесь, всадник! – резко крикнул Магрин. – Здесь на меня напали. – музыкант присел на колени, чтобы отдышаться и устало указывал рукой на рощу.

Глен натянул узды и слез с седла. Осмотревшись, он выстроил примерную картину нападения. Если музыкант поднимался по холмистой дороге вверх, где начиналась невысокая роща, то вряд ли бы он заметил людей подле от себя.

– Значит на тебя напали уже после того, как ты поднялся на холм? – звонко спросил Глен.

– Не помню, но они точно выбежали из этой рощи. – отрывисто ответил Магрин и устало развалился на траве.

– Да музыкант, это тебе не песни петь. – сказал Глен с ухмылкой и повел Резвую в рощу.

– Куда вы? – встревоженно спросил менестрель.

– Переночуем в этой роще, а по утру пойдем дальше к Нареграту. – насмешливо отвечал Глен.

– На меня напали в этой роще! – недовольно и испуганно выкрикнул Магрин. – Если снова нападут... – продолжил музыкант, но был прерван.

– Я на это надеюсь. Тогда бы мы вернули вам вашу лошадь. Если её конечно же не продали. – звеняще отвечал Глен, уже привязывая Резвую к кленовому стволу, которых в этой роще было достаточно, но росли они не густо. Пройдя чуть дальше, Глен скинул седло и седельную суму, из которой достал свой арбалет, размером с две ладони. Скрытое оружие, украшенное серебром, красиво переливалось на лунном свете в его грубой руке, но за красотой всегда что-то скрыто. Глен зацепил арбалет на своем поясе и запрягал его под своим синим плащом. После, он снял с Резвой ножны, в которых находилось его собственное «Пламя» – полторный меч с волнистым, пламенеющим клинком. Основное оружие всех карателей. Глен слегка обнажил меч, чтобы снова взглянуть на чужие руны, вырезанные на две трети длины от гарды.

– Всадник. – устало обращался Магрин. – Может вы поймаете какую-нибудь живность, а я разведу костер?

Глен молча кивнул головой и вернулся на поляну. Он положил меч у седельной сумы и принялся смутно осматриваться, захватывая глазами каждый мрачный куст, освещенные корни и стволы деревьев.

А в дали, где-то на горизонте, где виднелась небольшая часть горного хребта, Глен заметил мелкие огни вечернего города. Он не доверял всему вокруг с того момента, как встретил музыканта. Глен мысленно пыхтел. Ему не хватало только трубки набитой свежим табаком, чтобы как-то облегчить мысленный поток. Вероятно, что музыкант что-то скрывал или недоговаривал. На его лице Глен отчётливо видел подрагивающие скулы, нервно ищущие ответа руки, дергающиеся как у пьяницы и вдумчивый взгляд, напоминающий ему собственный. Либо Глен мог ошибаться. Столько лет искать в людях изъяны, смотреть им точно в душу, видеть их насквозь. Только по одному взгляду понимать о чем думает, чего боится или что собирается сделать любой человек, которому Глен смотрел в глаза. Безусловно ему не хватало практики. Каратели только и занимались тем, что искали во всех уголках света, прячущихся заклинателей, их выводов, остатки созданных ими существ и уничтожали, приговаривая к смерти. Но время шло и приговоры становилось все меньше, как и слухов о таинственных людях.

Последние два года бездействия давали о себе знать. Путешествия по всему Мардолорату, ради того, чтобы проверить сведения, которые к сожалению не подтверждались. Пока не наступил тот день, когда Виель Вилейн передал ему окровавленный конверт. И к этому Локрог был не готов.

Именно это подстрекало Глена не верить всему, что движется. Теперь он был начеку. Если избытый музыкант не лжец и ничего не скрывает, то Глен возможно впервые просчитается в своих мысленных догадках. Когда-то и Глен был таким же избитым, потеряннным и отчаянным, разочаровавшимся в собственных силах маленьким сорванцом. До определённого момента, пока к нему не пришла гильдия. Грязный, дерзкий и нахальный малец, стал тем, на кого испуганно смотрел менестрель Магрин, все крепче сжимая гриф своей лютни.

– Прошлой ночью, ты видел огни вечернего города? – спросил Глен,

Менестрель неважно потянулся и всем видом показывая, как болит его поясница, глубоко зазевал.

– Откуда мне знать? Зрение у меня не орлиное. – ответил Магрин и принялся устраивать себе место для ночлега.

– Их видно если обратить свой взор к горному хребту. – Глен пояснил и указал рукой между двух стволов, прямо на открывавшийся вид на величавые горы.

– Звёзды тоже видно, но только тогда, когда помотришь на ночное небо. – Магрин посмотрел ухмыляясь. – Вот и я не смотрел ни на звезды, ни на огни вечернего города, всадник.

– Куда же вы смотрели? – Глен на миг почувствовал себя дураком.

– Перед собой. Не оборачиваясь. – Магрин встал отряхиваясь и направился к деревьям.

– Не любите оборачиваться? – Глен спросил ехидно.

Ему вспомнилась история про страстно увлечённого человека. Эту притчу знали многие дети Ильдари, слишком известную, чтобы однажды забыть.

– Обернулся бы только по двум причинам. – Магрин вальяжно раскидывал траву под ногами. – Если меня окликнут монетой, я бы развернулся и посмотрел, сколько мне готовы заплатить и... – музыкант нагнулся, чтобы поднять сухую ветвь.

– Обернулся бы к своей любви – музыке. – сказал он утвердительно в конце и снова наклонился.

– Ты очень интересный человек, Магрин. Безусловно, твой труд ценен. Без песен и музыки люди бы давно уже сошли с ума. – хитро улыбаясь сказал Глен, опираясь на грубый и неприятный ствол дерева.

– Только музыка, песни, выпивка, власть, состояние и деньги сдерживают нас. Убери это все и мы станем похожими на животных. – менестрель тяжело добавил на выдохе.

– Ты забыл про дружбу, долг, честь... – Глен ухмыльнулся оскалив свои зубы.

Менестрель усерднее наклонился к траве. Его ноги немного потряхивало от вечернего холода.

– Всё это делает нас людьми. – Магрин вымолвил слегка дрожащим голосом и гоготнул, засовывая сухие щепы содранные со старого валежника, хорошо укрывшегося под свежей и молодой травой, себе под руку.

– И не только всё. – загадочно сказал Глен, оглядывая взглядом ярко белую луну.

Он глубоко задумался, рассматривая ночное небо, открывавшееся над западной части Ильдари; резкими движениями глаз перескакивал с одной звезды на другую, будто бы рисуя линии между точками. Так Глен делал постоянно, засыпая где-то под ночным небом или перед открытым окном, в котором можно было бы увидеть звезды. Этот ритуал был как и отвлечением, так и напоминанием о его детстве.

– Глен, а что это за звезда? – милый девичий голосок заворуженно спрашивал.

– Одна из звезд Тильяхиля. – Глен ответил ещё ломанным голосом девочке, указывающей на ночное полотно.

– Если провести линии между звездами, как бы мысленно представляя, то получится рисунок. – робко и стеснительно говорил Глен.

– А кто такой Тильяхиль? – спросила светловолосая девочка, сильнее прижимаясь к ещё не возмужавшему плечу Глена.

– Это остров. – ответил он смеясь. – Остров в центре нашего мира. Поэтому и говорят, что рога на небе можно увидеть только в центре мира. То есть на острове Тильяхиля. – Глен объяснял, показывая пальцем на звезды.

– Как интересно. – с удивлённым взглядом говорила она и заворуженно уставилась туда, куда показывал Глен.

– Так вот. – продолжил Глен. – Если провести взглядом от каждой звезды, то получится рисунок.

Глен обхватил её руку своей и начал вести по созвездию. Вот смотри, видишь ту яркую звезду, она немного золотистая. Под ней чисто белая, сверкающая звезда, немного поменьше. Проводи прямую линию влево от белой звезды и увидишь ярко-голубую, а от неё по диагонали, бело-золотую. Теперь веди поочередно взглядом от верхней до нижней звезды и ты увидишь остальные, и тебе откроется полная картина. Рога Тильяхиля.

– Ух ты. Ух ты. – воскликнула девочка. – Мама никогда не рассказывала мне про созвездия. Спасибо тебе, Глен. – она крепко обняла его и сразу же отпустила, видимо от стеснения.

– Теперь ты всегда можешь прийти сюда на холм и смотреть на это созвездие. – смущённо, но с некой восхищенностью отвечал ещё не повзрослевший Глен. Впервые он смог кого-то порадовать.

– А ты будешь приходить со мной? – просящий голосок жалобно спросил.

– Не знаю останусь ли я тут. – вдумчиво ответил покрасневший Глен.

– Ну если останешься, то давай будем ходить вместе. – девочка умоляла Глена.

Они сидели на цветочном холме близ деревушки в Арсмердском графстве. Довольно далеко от домов, чтобы находится там в одиночку, но только здесь открывался потрясающий вид на горные хребты и ночное, усыпанное звездами небо. Для Глена это был уже девятый вечер, когда он мог отлучиться от всех и насладиться ночными пейзажами Ильдарии. Здесь он размышлял о своем прошлом, о будущем и о своем долге, по причине которого находится здесь и сейчас. Тесная связь с людьми сильно давила на него, поэтому эти часы уединения давали ему необходимый покой.

– Вот вы где! Идите домой. – послышался усталый женский голос позади них.

Но сегодня Глен был потревожен, потому что девочке было интересно, куда же их гость ходит каждую ночь. Хотя он знал, что ему не стоит привязываться к ним, так как рано или поздно покинет это место, но что-то заиграло в сердце Глена. Девочка, как и её мать одарили его заботой и лаской, которую он отныне никогда не знал. Его приютили и дали кров, еду и самое главное – любовь, которая лилась от них будто сильнейшая аура, наполняющая их дом. Это место стало для него домом, которого у него никогда не было. И он не хотел их покидать.

– Нам пора, Глен. – девочка резко встала с травы и понеслась вниз по склону холма, напрямую к матери, которая звала её. Глен нехотя встал, обтряхнул свои домотканые штаны и серую рубаху, и побежал вниз за девочкой, которая на бегу кричала: – Догоняй, Глен!

– Всадник! – крикнул Магрин, от чего Глен резко тряхнул головой, будто очнулся.

– Вы слышите шорох в кустах? – менестрель уставился куда-то в глубь леса и испуганно стоял замерший, с кучей сухостоя в руках.

Обернувшись, Глен посмотрел в ту сторону, куда смотрел Магрин.

– Испугались шороха, которую издаёт живность?

– Я не боюсь признаться в своих страхах. После ограбления, мне стоило бы пристальней смотреть по сторонам. Тем более за вами. – Магрин ответил.

– С вас нечего даже взять. Если и что-то красть у музыканта, то лучше самого музыканта. Так он хотя бы будет петь. – уморительно говорил Глен.

– А стоит ли мне петь дальше? – досадно спросил менестрель. – После всего, что со мной произошло. Столько лет... и всего ради недели безудержной радости.

– А ты не радовался до этого, пока пел? – удивлённо спросил Глен.

– Даже если и так, то этого мало. – Магрин скинул хворост неподалёку от Глена и вернулся обратно.

– Я думаю, что путь к успеху важнее самого успеха. – Глен скалил зубы во весь рот, но вряд ли от насмешек, а скорее от приятного удивления. Музыкант казался ему весьма забавным.

– По мне так, лучше немного подержать сундук эскулей, чем вечно быть в тени и давиться грошами. – музыкант снова наклонялся у валежника, но уже не дрожал и делал это уверенней.

– Тогда чего ты так недоволен? – спросил Глен.

– Неделя славы окончилась. – тяжело выдохнул Магрин.

– Да, я неудачник. Не смог удержать то, к чему так долго стремился. – резко выпалил Магрин, собрав ещё горсть сушняка.

Глен смотрел на него и видел дурака. Неуклюжий, рассеянный, совсем не романтик, что присуще многим менестрелям и бардам в Тельтере. "И это музыкант?" – Глен задал себе вопрос, но так и не нашёл ответа. По его мнению, даже избытый, ободранный до нитки менестрель оставался в приятном расположении духа, если его инструмент оставался при нем. Тем более если он Дар, а не какой-то там Эрфиец или Дорм. Дары народ суровый. Не зря же поговаривают, что на каждого Дара приходилось шесть Ниарцев, поэтому и Тельтер они захватили, уничтожив почти всех хозяев скалистых степей.

Глен довольно долго опирался на грубый ствол дерева, кора которого жёстко вминалась в его кожу. Даже сквозь кафтан он почувствовал резкую боль. Это ему напомнило тот день, когда его впервые отчитали учителя каратели на задании.

– Что ты узнал? – грубо толкнул его каратель первого ранга, которого звали Дланом. – Не молчи мальчишка. Докладывай все, что узнал.

– Пока ничего. – досадно ответил Глен, прижатый у ствола дерева.

– Как это ничего? Ты уже с неделю здесь, а ещё ничего не узнал? – каратель был настойчив и звонко кричал над Гленом. За ним показался ещё один.

– Ты уверен, что малец вообще справится? – стройный, высокий, безбородый молодой мужчина, нагло и гордо прошёл мимо Глена, пристально посматривая на него.

– Ты сам то уверен, малец? – сказал отвратительный человек, как посчитал Глен. Он жевал какую-то траву и смотрел так, будто искал что-то в глазах молодого Глена.

– Я в нем полностью уверен. – резко высказался Длан, слегка тряхнув плечи Глена. Голос его был слишком груб и грозен, и казалось, что разносился по всему лесу, распугивая всех его жителей.

– Запомни Глен, ты сирота, ищущий кров в этой маленькой деревушке близ Арсмерда, а мы мимо проезжавшие купцы, решившие оглядеть лес.

– Твоя задача простая. – противно говорил безбородый молодой мужчина. – Ты должен узнать о них все и доложить нам. Спустя двадцать девять лун. Мы будем ждать тебе тут же. У поваленного дерева, помеченного рунной. – уверенно сказал молодой безбородый мужчина.

– Двадцать девять лун, Глен.

Повторил где-то в отголосках Длан Тормерг, бывший учитель Глена, о котором он редко вспоминал. Разговор с музыкантом навёл Глена на мысли и давно забытые воспоминания, которые приносили ему колкую боль внутри.

"Достаточно смотреть на небо" – ворчливо буркнул Глен в своей голове и перевел взгляд на Магрину, решив сделать задуманное.

– Костёр не понадобится. Можешь не надрываться. – стоя во мраке между деревьев, Глен высказался лениво, но настойчиво.

– Думаете кто-то нас заметит? – наклоняясь спросил менестрель.

– Ночь достаточно тёплая. – Глен медленно и спокойным шагом, полукругом подходил к менестрелю. – Огонь нас только привлечёт.

– Мне нечего бояться. Со мной всадник со здоровенным мечом в ножнах и боевым конём. – менестрель радостно ответил, продолжая искать хворост в полутемноте, не обращая внимания на Глена.

– А что же нам тогда зажарить? – возмущенно спросил Магрин.

– Что сейчас поют в трактирах? – Глен облокотился на ствол дерева, спрашивая на выдохе.

– В основном о любви, всадник. – дыхание музыканта перебивалось и он перестал наклоняться; шурша башмаками в траве, приближаясь всё ближе к Глену.

– А также о сражениях, турнирах, морях. О выпивке и конечно же женщинах... – добавил музыкант восхищенно заканчивая.

– А что же пел Магрин? – спросил Глен, поджимая руки в боках. Разбитое лицо менестреля слегка освещалось луной и недоуменно смотрело на Глена. Опустив глаза на землю, Магрин скинул хворост под собой и присел над ним. Полной грудью он набрал воздух и тихо проговорил:

– О чем я только не пел.

Глен смотрел на музыканта и видел некое отчаяние в его глазах, но все ещё не доверял. Он внимательно следил за шорохами в темноте и ждал посторонних звуков. Благо, Глен отчетливо знал и распознавал как разговаривает природа в ночи. Действия Магрин казались ему

странными и пристально всматриваясь, старался не упускать из виду его руки. Несомненно его смущала лютня.

– Твои песни были настолько известны, что воры решили пощадить тебя и оставили дорожную лютню? –

– Не пропадать же таланту. С инструментом ты всегда сможешь заработать. – ухмыляясь ответил Магрин.

– Но такой инструмент стоит больше сотни золотых, да и украшен позолотой. Разве они смогли бы оставить его и не поддаться искушению? – Глен вдумчиво вертел головой и не отводил глаз. Уши его были наострены.

– Грязный вор не отличит дорогую лютню от дешевой. Тем более ночью. Да и кто купит её у него? – Магрин отвечал язвительно, но даже не смотрел в сторону Глена. Музыкант водил глазами то на луну, то на хворост, у которого расселся поудобней.

– Нередко банды находят связи с городскими скупщиками. В этом нет особой проблемы. – Глен всучил руки за кожаный пояс, который обтягивал его бордовый кафтан.

Магрин немного занервничал.

– Неужто вы подозреваете меня в чем-то?

– Любой бы окинул вас подозрениями. – Глен ступал все ближе и завел правую руку под плащ, крепко обхватывая рукоять арбалета.

– Во всяком случае, это неважно. Мне нечего скрывать даже от незнакомца. – Магрин отвечал, смотря теперь на Глена.

Глен тем временем все сближался с менестрелем, переставляя ноги очень тихо и медленно. Он вышел из тени леса и озарился лунным светом, а резвая все бурчала привязанная к стволу дерева.

– Может даже вор способен пощадить неудачника? – тяжело выдыхая сказал Магрин и принялся складывать хворост шалашом.

– Тебя пощадил дважды? – Глен отвечал тихо и вдумчиво. Он уже не смотрел на музыканта и бросал свой взгляд на кусты во мраке, но все ещё чувствовал его нервозность.

– Что вы делаете? – Магрин резко перевел глаза на Глена.

– Крадусь к своей добыче. – Глен посмотрел в испуганные глаза менестреля и снова осмотрел куст позади него. Между двух темных, обширных стволов кто-то издавал шуршащий звук, очень знакомый Локрогу. Глен увидел страх в глазах музыканта, а его руки не отпускали лютню. Тут он понял, что Магрин еще бы немного и бросился в побег. Жизнь ему была важна, но инструмент был первостепенной важности. Любой другой бросил бы все, а значит менестрель был подлинный. Каких-то видимых знаков он не подавал, не брнчал и особых слов не говорил. Этот пугающийся молодой паренёк вряд ли заводил Глена в ловушку.

– Добыче? Неужто вы убийца музыкантов? – Магрин спросил с легкой дрожью в глотке и немного попятился ползком назад.

– Нет, но что если мне вынуть кинжал и стать им? – утвердительно сказал Глен и блеснул серебряным арбалетом. Яркий отблеск лунных лучей слегка ослепил побитого менестреля, а болт стремительно просвистел над его головой и вонзился где-то в кустах позади, куда смотрел Глен. Откуда неожиданно послышался животный писк.

– Умеете разделять кроля? – Глен ухмылялся и стройным шагом подошел к кустам, откуда достал болт вместе с мертвой тушкой, а Магрин все сидел на траве и испуганно смотрел на него.

– Умеете вы удивить, всадник. – безрадостно выдыхал Магрин и принялся собирать шалаш.

Глен в мгновение остановился, увидев боковым взглядом что-то очень знакомое. Что-то забытое, как он подумал. Отчётливо, среди тёмных стволов и мрачных кустов, едва освещаемых лунным светом, Глен разглядел поваленный ствол дерева, от которого Магрин отры-

вал сушняк. У точно такого же, тогда очень давно, ствола дерева стоял маленький Локрог. Глен стремительно понесся к валежнику, оглядывая взглядом его от основания, до поваленной части. Он искал тот знак, который оставил Длан Тормерг очень давно, но никак не мог найти. Недоуменное лицо Магина ничего не понимало и лишь смотрело с удивлением.

– Что вы там увидели? – менестрель снова занервничал. – Только не нужно снова фокусов.

Глен по кругу обошёл и осмотрел поросший мхом валежник, но никакого знака найти не смог. В его голове одновременно смешался гнев, отчаяние и досада. С неведомой злостью, держа зайца за уши в правой руке, Глен судорожно стал ломать сухой ствол ногами.

– Вот так, Магрин, нужно добывать хворост. – едко приговаривал он.

Щепы и сушняк, вместе со свежим мхом в миг разлетелись по сторонам. Глен резко нагнулся и подобрал отломанные куски сухого бревна, и вдруг вспомнил, что та деревня находилась на севере Арсмерда, за тремя острыми пиками. Совсем не тут и не в этой кленовой роще. И это был не тот поваленный ствол.

– Интересный вы человек, всадник. – глаза Магина смотрели с удивлением на злого Глена, держащего в правой руке мертвую тушку, а в левой кусок бревна.

Глен молча подошел к готовящемуся костру и кинул рядом с менестрелем сушняк, а после принялся разделять зайца.

– Никогда не видел, чтобы так добывали себе пропитание. И никогда прежде не видел таких арбалетов. Кто вы такой? – Магрин хмурился и одновременно дрожал.

– Глен Локрог. – отвечая, он кинул музыканту огниво, которое достал из кисета на поясе и продолжил разделять тушку.

– Яснее не стало. – устало ответил менестрель и теперь пытался поджечь огнем хворост. – Уже второй раз я был на грани от смерти. – неважно высказался Магрин.

– Ваша жизнь стала ещё интереснее. – грубо сказал Глен, постепенно снимая шкуру.

Магрин неудовлетворительно повертел головой и судорожно бросал искры на постепенно разгоравшийся костер, а после раздувал его. Лунный свет освещал поляну, на которой удобно расположились каратель и музыкант. Двое несовместимых мастера своего дела. Ночной, прохладный ветер разносил приятный запах поджаренного мяса, которое Глен насадил на подручный вертел, сделанный из сухих ветвей. Наполняя поляну и распространяясь по роще, такой аромат смог бы заманить многих. Но его подозрения и предостережения не подтвердились, а необходимых сведений он не получил, но это место вернуло его туда, где он не бывал очень давно. В своих воспоминаниях о детстве. С небывалым аппетитом, двое быстро умяли поджаренную тушку и уже обгладывали кости, забыв о том, что происходило ранее.

Глен достал из седельной сумы трубку, табак и бурдюк поменьше, с каким-то вином, которое пьет сам Эйвенд Вилейн. Видимо это совсем не пойло, как думал Глен.

– Под зажаренного зайца можно и выпить. – Глен кинул Магину бурдюк с вином через разгоравшийся костер, который освещал поляну теплым светом. По сравнению с прошлым, сегодняшний огонь был приятен и приносил некий уют, от которого Глену хотелось спать.

– Что ещё у вас там? Может спрятаны доспехи? – Магрин гоготнул и опрокинул бурдюк, чтобы сделать несколько неполных глотков.

– Никогда не знаешь, что может пригодиться в дороге. – устало отвечал Глен, забывая трубку остатками табака. Он вынул подгоревшую ветку и поджег табак. Медленно раскуривая под удивленный взгляд Магина, Глен расстелил себе плащ, а Магину протянул попону, которую ранее снял с лошади.

– Благодарю вас, но что вы делаете? – недоуменно смотрел менестрель.

– Курю траву прямиком из Арлинтера. – сказал Глен, раскуривая трубку и глубоко втягивая табачный дым. К запаху костра, добавился приятный заморский аромат, который так и

манил Глена. После нескольких затяжек ему уже становилось спокойнее. Не редко каратели курили этот Арлинтерский табак в причудливых, изогнутых трубках.

– Что только не найдешь за морями и океанами. – ухмыляясь сказал Магрин и откинулся на попону, которую постелил под собой.

– Как думаете, кто-нибудь перережет нам глотки пока мы спим? – резко выкинул Глен, ожидая удивленной реакции.

– Даже ночью многие побоялись бы вас потревожить. – воодушевлено говорил музыкант.

– Но враги всегда где-то во мраке и ждут своего часа. – Глен вдумчиво затягивался смотря на ночное небо и плывущие облака подсвечиваемые лунным светом.

– Врагов никогда не было, пока мы их сами себе не создали.

Под эту фразу Глен задумался ещё сильнее, но решил не отвечать. Он не хотел разговаривать, не хотел думать. Лишь затянуться ещё несколько раз и закрыть глаза, чтобы погрузиться в сон. Только там не было сомнений, страхов, воспоминаний и предостережений. Вечного долга людскому миру, чести, законов и опасений. Не было битв с призраками, которые горели ярким пламенем. Не было множества смертей, которые он видел. Там был только покой, но не вечный. Хотя рано или поздно, он определенно станет таковым. Возможно тогда Глен увидит сны и моменты, произошедшие с ним за всю его жизнь.

Под приятное потрескивание костра и пение сверчков, Магрин решил побренчать на своей лютне. Глен не любил ни музыку, ни песни, но эти несколько нот погрузили его в особенную атмосферу. Всего лишь три ноты, которых Глен и знать не знал, но и интересоваться желания не имел, произвели на него небывалое впечатление. Короткая мелодия Магриня веяла таинственностью, загадочностью и отчаянием. Глен снова вспомнил письмо, вести в котором, были слишком печальными и неудовлетворительными для него, и для всех карателей Ильдари в целом. Он стал бояться, как после прочтения письма, так и после рассказа разбойника Видгара Молта. Заклинатели пробудились и сняли маски, которые носили годами. Под носами карателей они задумывали некий план и похоже решили, что им всё это сойдет с рук. Но как бы не боялся Глен, он всё ещё оставался Локрогом, верным своему долгу и выбравшим путь возмездия, и правосудия. Таким был его отец, носившим эту фамилию. Необратимо связав свою жизнь, как думал Глен, с причудливым, сапожным ремеслом. Как бы то ни бывало, отец учил Глена быть верным долгу. Такому же учили и его учителя каратели. И на двадцать девятой луне Глен исполнил свой первый долг.

– Отпрыски династии Эльнов навечно уйдут под землю, как и руины их прежнего королевства. Эти твари никогда больше не запоют и вечно будут скрываться, пока ещё живы каратели священных гильдий Мардолората! – таким был конец клятвы, данной Гленом гильдии карателей и навечно связавшим с ними свою жизнь.

Теперь оставалось только одно – успеть доставить письмо магистру гильдии в Нареграте, поскольку «Тайный монарх» тоже не сидит без дела и что-то замышляет. Глен не мог поверить, что был последней надеждой, от действий которого, зависела судьба всего королевства. Он глубоко затянулся и выдохнул дым на луну, томно висевшей на небесном полотне. Дым проплыл за облаками и рассеялся в воздухе. Похоже Магрин совсем не играл, а просто лениво перебирал струны от скуки и усталости, ибо лютня его замолчала. Глен отложил трубку, обернулся и увидел, что Магрин уже спит немного посапывая. Он положил голову на седло и ещё раз посмотрел на луну, а после закрыл глаза и снова пожелал услышать давнюю фразу.

– Доброй ночи, Глен Локрог. – говорила тогда мама девочки, которая приютила его в своем скромном доме, в деревушке близ Арсмердского хребта. Глен недоумевал, как далеко не пытался бы ускакать, уплыть или уйти, все равно возвращался в родной край. Все судьбоносные моменты из жизни Глена, произошли на краю Илдарии. То в Нареграте, то в Арсмердском графстве. Хотя сам Глен жил в Гарвельде и там же служил в гильдии, единственной в Антельдарийском королевстве, тесно граничащим с Илдарией. «Почему мы всегда возвраща-

емя туда, где прежде родились, росли и жили?» – озадачился вопросом Глен и снова услышал её голосок.

– Доброй ночи, Глен Локрог. – ласково сказала тогда девочка, повторяя слова своей матери. Тоже самое сказал ему Виель Вилейн.

И только эти люди желали ему доброй ночи.

Тяжкий путь

– Ты почувствовал? Малец пошевелился.

В глазах Тэнея медленно расплывалось поле, заросшее довольно высокой, ярко-зеленой травой с проблесками каких-то цветочных оттенков. Во рту он почувствовал влажность и свежесть, резкую настолько, что дыхание его перебилося и заставило слегка задохнуться. Туловище его волоклось по мокрой траве, вперемешку с рыхлой, холодной землей, которую он внезапно ощутил на слегка оголенной пояснице. Руки его были будто натянуты и упруго висели над головой, которая теперь вяло запрокинулась назад. Нечеткий, заплывший вид стал собираться воедино и теперь, Тэней, разглядывал чьи-то лица, серые, темные и нечеткие.

– С добрым утром, господин. Выспались? – за ехидными голосами послышался надры-вистый, противный хохот нескольких людей. Голоса их были бедными, сиплыми и отвратительными для ушей ещё не повзрослевшего принца. Тэней почувствовал медленный испуг от звуков, издававшихся взрослыми и грубыми мужчинами, вероятно тянувших его под руки куда-то подальше. За испугом прибилося неожиданное недоумение. Тэней все не мог понять, откуда здесь взялись разбойники, спокойно разгуливавшие неподалеку от столицы королевства. Неужели его король-отец настолько затмил свой разум, что в упор не видел преступников, беспрепятственно орудовавших в окрестностях Ренора. Возможно, именно о тех связанных руках говорил Эйтель, все изрядно негодующий по поводу нечисти, обитавшей неподалеку.

– В Дормовии разрослось слишком много разбойных банд, безжалостно убивающих невинных людей, ворующих скот и продовольствие, и сжигающих деревни, а мы все равно не можем их истреблять.

– Неужели люди разлюбили короля? – тихонько спросил Рогер.

– Не любовь людей к королю угасла, а угасли их и до того мелкие карманы. – поправлял свои потрясающие кудри Эйтель, тогда, у замковой конюшни.

Это действительно стало проблемой для множества людей, обитающих в Дормовии и эти проблемы, тащили и без того проблемного Тэнея, чувствовавшего сдавливающую боль у щиколоток. Похоже его ноги были связаны слишком туговато, как и реформы короля-отца, туго связывали глотки простолюдин; руки солдат, ополченцев и рыцарей.

– Славный улов. Королевский герб на груди. – кто-то сказал справа, а Тэней ощутил что-то резко холодное на своей щеке, но в то же время чувствовал солнечные лучи, горячо пекшие остальную часть головы. Солнце слепило ему в глаза, от чего он медленно просыпался и щурился. «Снова проснулся не своей комнате» – подумал в голове Тэней, прочувствовав бег мурашек по спине. Здесь было холодно, неуютно и грязно. Мокрая трава заменяла шелковые простыни, одеяла и набитые гусиным пером мягкие подушки. Полностью продрал свои глаза, Тэней ясно увидел ярко-оранжевое солнце где-то на горизонте. Огненные лучи кажется поджигали его волосы и теперь они дымились, но к счастью это был рассеивающийся туман. Белая пелена, застилавшая все вокруг, стала иссекать и раскрыла луга, поля и величавые стволы деревьев. Ива, под которой лежал Тэней, почти доставала к нему своими удлиненными ветвями; серебристо-сизыми, легко развивающимися утренним ветерком. Сквозь них и проходили утренние лучи, пронзая отголоски того густого тумана. Немного подняв голову, Тэней внезапно почувствовал острую боль в затылке, темени и во лбу. Прикоснувшись к затылку ладонью, он нащупал запёкшуюся корку на ране, которая теперь заболела ещё сильнее. Грязные пальцы едва окрасились кровью и Тэней тяжело вдумался о том, что сделал неправильный выбор. Избитый, обваленный в грязи и малость мокрый.

– Старайся не получать в голову. Станешь дураком. – говорил Тэнею Лантис между тренировок. «Что же теперь я дурак или всегда им был?» – мысли мучали Тэнея, заставляя его

метаться из стороны в сторону. Выбор, который выпал на его счёт, был слишком тяжёл для четырнадцатилетнего юнца.

«Тут ли моё место?» – сказал он у себя в голове растирая пальцами кровь. Тэней даже не чувствовал какой-либо вины за содеянное, но страшно боялся того, что могло бы произойти с ним дальше. Теперь маленький принц остался совсем один на своем пути. Не было рядом заботливой Элины, которая согреет своей теплотой и добротой, нет Лантиса, строгого, но в то же время нравоучительного и правильного. Не было и Эйтеля – единственного человека, к которому Тэней хоть как-то прислушивался. С горестью Тэней подумал о отце, которого он по всей видимости сильно расстроил. Даже равнодушие прервётся, если вдруг сбежит родной человек, а значит Тэнея по прежнему будут искать. Просвечивающие сквозь тонкие лозы, поросшие молодыми листьями, лучи солнца напомнили ему, что пора вставать и продолжать свой путь, а зелень, которую он видел вокруг подсказывала о гербе неких Вилейнов.

– Я еще никогда не пропускал рассвет. – сонно и томно промычал он себе под нос.

Только он попытался встать, опиравшись правой рукой и медленно приподнимая туловище, как увидел свою окровавленную руку. Резкий страх, пронзающий внутри и испуг, за которым неожиданно перебилось его дыхание. Тэней вспомнил, что случайно проткнул разбойника, а мысли об убийстве заполнили его голову. Он никогда не думал, что сможет кого-то убить, что его руки окрасятся чей-то кровью, что он сможет причинить кому-то боль. Однако все, чего он так не хотел, неожиданно случилось за один день и все благодаря выбору, который Тэней совершил. Даже боль, хоть и не физическую, но моральную принес он всем, кто относился к нему с заботой, любовью и лаской. Неужели теперь Эитель и Лантис будут винить себя, за то, что допустили такую выходку, а Элина будет долго горевать, думая, что дала ему недостаточно заботы. В ярости будет король-отец, поскольку потерял своего сына. Даже библиотекарь Мисремар теперь определенно расстроен и больше не увидит Тэнея за прочтением книг в библиотеке. Кажется Тэней досадил даже слугам, которые несомненно любили маленького принца за его отношение к ним. А Иниса так и по-прежнему, получила самую сильную боль за свою жизнь и её горю нет предела. Понимая всё это, Тэней заворожённо смотрел на утренний рассвет, оперев свою голову на могучий, обширный ствол ивы. Лозы, которые спускались по его голове, напомнили ему темные волосы Элины, которые так же приятно расплывались на нем, когда он сидел у неё на руках. Тэней любил пропускать свою ладонь сквозь её красивейшие кудри. Он проводил рукой вниз по волосам, ощущая приятную щекотку. То же самое он делал с волосами Инисы, закручивая их между пальцев. И сидя тут совершенно один, окровавленный и с разбитой головой, уже убивший одного человека, пусть даже разбойника, Тэней задавался вопросом: «Сколько всего я потерял?». И всего лишь из-за каких-то сновидений, казавшимся ему воспоминаниями из далекого прошлого.

– Может я всё себе внушил? – говорил себе под нос Тэней и неважно пыхтел от боли в затылке.

– Нет, точно нет. Я уже сделал свой выбор и попаду в Тельтер. – Тэней медленно и тяжело поднялся на ноги. Он резко почувствовал пустоту в своем желудке и тянущую боль. Голод наступил не вовремя. Тэней невзначай вспомнил истории про моряков, месяцами пребывавшими в открытом плавании и принимающими внутрь только «дерьмовое пойло» – так обычно Эитель называл брагу и браванду. Напитки бедных и моряков. «Но ведь они как-то выживают, как-то справляются со всеми тягестями и невзгодами, что выпадают им на их морском пути» – подумал кряхтящий и скулящий, как щенок Тэней. Ему было больно ступать по земле, а голова дико раскалывалась и негодовала на полоумного хозяина, допустившего такую нелепость. Сначала споткнуться и разбить затылок, а после получить чем-то тяжелым по темени. Похоже это был камень, удачно попавший в его голову, после броска какого-то грязного и трусливого метателя. «Чтобы сейчас сказал Лантис или Эитель?» – ещё одна мысль доняла его и до того потрепанную головешку.

– Рано или поздно, щенок отбивается от своей суки и начинает самостоятельную жизнь. – так бы точно сказал Лантис, коротко, строго и по делу, а Эйтель точно проговорил бы что-то в таком духе – «Нечего ещё тебе оставаться одному. Ты слишком мал, слишком слаб и слишком рассеян, думая о своих сказочных существах, морях и легендах». Отец бы промолчал. Ему было достаточно всего лишь посмотреть на человека, чтобы полностью понять его. Поэтому взглянув на Тэнея, отцу не нужно было бы что-то говорить. Он и так знал, что Тэней бездарный глупец и ему стоило бы чему-то поучиться у своих старших братьев. Таким качеством не владел никто из Клейвенов. Теперь он озадачился, подумав о сестре. Элина всегда поддерживала его, постоянно одобряла его увлечения и даже во многом помогала. С одной стороны она была и учителем, а с другой – горячо любящей сестрой, заменяющей ему мать. Наверное это был бы единственный человек поддержавший его глупую затею. Безусловно она бы осуждала его, но понимала лучше любого и знала, чего маленький принц особенно хочет, чего так страстно желает и как безудержно мечтает о приключениях. Жаль, что её не было рядом уже очень давно. После помолвки женщины навсегда пропадают. Как и почти пропала Иниса, свято верующая, что выйдет замуж за Тэнея. Хотя, если бы она только подумала о том, чтобы поверить Тэнею, даже совсем слегка, то маленький принц не оказался бы у Йорфена и не смотрел тут с холма на бескрайнее Дарское море. Все-таки он её любил, но насколько сильно сам знать не знал. Сейчас это было неважно для него. Обида на Инису, которая повисла в его груди, была слишком досадной. Но также досадно было осознавать, что Тэней больше никогда не увидит её золотисто-медные кудри, пухлые, налитые губы и нежные руки, а ласковый голосок теперь будет слышаться ему только в воспоминаниях.

Теперь Тэней больше не щенок, не мал и не слаб. Он уже повзрослевший пёс и в праве сделать свой выбор самостоятельно. Пусть даже покажется всем бездарным глупцом и безудержным мечтателем, сказочно смотрящим на этот мир. Пусть ему никто не верил «Я докажу, что мои сны более чем реальны» – решительно подумал Тэней, но не так усердно, чтобы невзначай не напрячься и не потревожить изувеченную голову.

Теперь он гордо решился отправится в неизведанное, покинув своё родовое гнездо. Увидеть мир таким, каким он представлялся ему в книгах и расписных рисунках. О мире, про который ходили разные слухи. О магах. О таинственных и жестоких существах, населявших Мардолорат. Тэней неважно делал свои первые шаги к мечте, пожертвовав уютным кровом, защитой, заботой и любовью. Совершив свое первое убийство и получив несколько ранений. Потеряв любимую буланую лошадь, бросив всех своих близких людей и тяжело ранив сердце Инисы.

Будет обидно, если все его воспоминания окажутся собственной ложью. Но тогда он сможет вернуться обратно и покаяться в содеянном. Так думал Тэней. В любом случае он собирался вернуться назад, чтобы снова увидеть милое лицо Инисы и рассказать ей, что все его мысли сбылись. Горячо обнять Эйтеля и Лантиса. Погладить буланого мерина, которого Тэней просто называл «лошадкой» и доказать отцу, что он не бездарный глупец. В сущности, Тэней всем хотел доказать, что он не безумец и совсем не глуп. В прочем как и его сны, сначала кажущиеся для него странными и безумными. Всё началось со сна у тёмного, таинственного озера, окруженного плотными и обширными стволами. Тэнею оно показалось настолько мрачным и бездонным, что он в мгновение отступил от мелкого бережка малость испугавшись. Бросив свой взор с густой озерной глади на видневшиеся хребты, за кроны высоких и легко покачивающихся деревьев, Тэней заметил, что небо было таким же тёмным, но и синим слегка. Густо проплывавшие облака редко давали звездам светить и мерцать. Продолжая пятиться, Тэней уперся во что-то крупное и твердое настолько, что мелкая его голова почувствовала резкую боль от слабого удара. Обернувшись, Тэней ничего не увидел кроме густо растущих деревьев, которые напомнили ему леса близ Ренора. Такие же густые и непроходимые, но славные для охоты, которую его король-отец так сильно любил.

Кроме в упор показавшихся стволов и мрака в лесной глубине, Тэней слышал посвистывания ветра, стремительно поднявшегося и подувшего прямо ему в лицо. Холодный, ночной ветерок оказался сильным и настойчивым. Дух с такой силой, ветер медленно отталкивал Тэнея назад к темному озеру. Короткие и слабые ноги никак не могли противостоять, поэтому быстро ослабели и дали злему ветру унести Тэнея и окунуть прямо во мрак. Густая, черная жижа, совсем не похожая на воду, мигом охватила его тело с ног до головы. Одежда, в которой Тэней был во сне, совсем не походила на его собственную. Отчего ему стало совсем плохо. Окутывая, вода, которая и не казалась водой, приносила маленькому принцу жжение, зуд и сдавливание. Все попытки хоть как-нибудь пошевелиться были тщетными. Тело его медленно погружалось с этой непередаваемой болью в темное и мрачное озеро. Теперь и голова была укутана в этой жиже, отчего Тэней стал резко задыхаться. Он тонул и ничего не мог сделать. Казалось бы, пошевели только пальцем и сон мигом закончится, но даже движения были слишком тяжелыми. Будто Тэней поднимает какой-нибудь булыжник. Недоступность воздуха, мрак в глазах, невыносимая сдавливающая боль по всему телу маленького принца – все это указывало только на одно. На смерть во сне. «Это конец?» – подумал Тэней и уже не старался шевелиться, а мысли о мгновенном вдохе, который ему так был нужен, перестали заполнять его разум. Тяжелый, пугающий до того, что маленький принц и представить себе никогда не мог, сон, мог бы прерваться, если Тэней открыл бы глаза. Почувствовав, кроме неумолимой боли, какое-то прикосновение к своим плечам, Тэней на миг был ошеломлен. Бездна теперь не утягивала его, а только молила, чтобы он вернулся. Чтобы и дальше продолжал тонуть и отправляться ко дну. Но кто-то или что-то тащило его кверху, нарушая планы темного, таинственного озера, у которого Тэней никак не ожидал оказаться. Дыхание вновь возобновилось, когда легкое прикосновение сменилось резким рывком и Тэней, неожиданно оказался на берегу. Темная жижа стекала с его тела, а дыхание прерывалось коротким кашлем и истерикой. Вдохнув полной грудью, Тэней медленно открыл глаза и сначала увидел звездное небо, которое уже не закрывалось расстилавшейся облачной пеленой, а после... После он увидел мрачную голову в капюшоне, а мерцающая звезда, которую Тэней проглядывал за ним, закрылась каким-то огоньком, который то тух, то зажигался вновь. Этот огонёк находился на расстоянии от головы в капюшоне и как будто был неподвижен, находясь в чем-то.

Стремительный, холодный ветер обдувал промокшего Тэнея, от чего ему стало ещё холоднее, поэтому он внезапно очнулся ото сна. Увидев палящее утреннее солнце, лучи которого пробивались сквозь распахнутое окно, Тэней судорожно дышал, а по телу бегали мурашки. Волосы будто были вздыблены от того, что он пережил во сне, будучи скованным и беспомощным до того, что даже не смог пошевелиться. «И разве это Клейвен?» – сказал бы так его король-отец. Но Тэнею тогда было всего десять, поэтому он думал, что для такого, ещё не окрепшего юноши чувства бездействия и беспомощности были как раз подходящими. Хотя Лантис сделал бы что-то совсем невозможное, будучи оказавшимся в похожем сне. Он бы сразился с этой темной, чарующей гладью озера, а Эйтелю и вовсе не приснилось такое. Его мысли однозначно не позволили ему попасть в подобный сон и заставить его врасплох.

Это был первый сон, показавшийся Тэнею очень странным и одновременно пугающим.

Медленно перебирая ногами он прошел сквозь лозы и полностью разглядел рассветное солнце. В его лицо подул холодный утренний ветер. Настолько свежий и отдающий чем-то морским, что Тэней стал приходить в себя. «Неужели где-то рядом море?» – взбудоражено подумал он и стал прислушиваться к округе. Сначала он слышал движение ветра, колыхание травы и покачивание ветвей ивы. После слышал пение и чириканье птиц, за которыми прослеживалось постукивание, напоминающее удары молота о сталь. Тэней посмотрел направо и увидел дорогу пролегающую у холма. Его ноги болели, но он старательно их переставлял и теперь поднимался по вверх по холму. Голод всё напоминал о себе просящими урчаниями в животе, от чего Тэней зашагал быстрее. Только возвысившись он увидел внизу портовый

город, обнесенный высокими каменными стенами и застроенный постройками с вальмовыми крышами, покрытыми черными и красными черепицами. Пролетавших чаек, над далеко стоявшими и пришвартованными кораблями, с еле видимыми белыми, черными и желтоватыми парусами. Теперь Тэней увидел то, от чего его сердце забилось с небывалой частотой – лазурное море, блестящее и переливавшееся на солнце. Шум ремесленного города подбадривал Тэнея. Он даже не мог подумать, что доберется к Йорфену так быстро, но и не помнил сколько прошел пешком шагом. Похоже разбойники протащили Тэнея слишком далеко. Куда-то вглубь леса близ Ренора из которого он благополучно вышел и каким-то чудом добрался к портовому городку. Стоя на вершине холма, поросшего густой и длинной травой, Тэней чувствовал некий запах свободы и одновременно страх от того, что теперь его никто не защитит. Ветер стремительно развивал его бархатный черный плащ с трепещущим, характерным звуком, насквозь продувая его черную тунику и слегка взбадривая.

– Болван! Какого черта ты делаешь.

– Я поворачиваю влево, а ты вправо.

– Нет, это ты поворачиваешь вправо, а я влево.

– Идиот! Мы все равно делаем что-то не так.

Послышалось ворчание двоих где-то снизу, кажется у дороги. Голоса их были противными. Первый был с особенной хрипотой и грубоват, а второй гнусаво шипел. Тэней забоялся незнакомцев, голоса которых были бедны и выдавали в них простолюдин.

– Заткнитесь! Мало денег, которые я плачу вам? Или лучше оставить вас без языков? – добавил грубый и звонкий голос. По всей видимости это был какой-то торговец со своими слугами. Ещё раз окинув взглядом видневшийся как на ладони портовый городок, Тэней увидел ворота из которых на дорогу то выходили люди, то выезжали всадники и двигались обозы.

– Простите, господин. Не велите нас изувечивать. – снова послышался голос на дороге у холма, на котором находился Тэней и всё ниже опускался к траве. Тэней не выглядывал, пытаясь не попасть на глаза, но отчётливо слышал подкованный топот двух лошадей. В этом Тэней несомненно разбирался и даже знал каждый звук лошадиной экипировки. Если кольца удил позванивали, то поводья издавали треск при натягивании.

Тут Тэней понял, что свой кинжал он потерял, как и где-то выронил найденный меч. Он посмотрел на свой пояс и не смог найти кисет набитый золотыми, которые как кстати пригодились бы ему. Похоже золотые монеты достались разбойникам, в лапы которых Тэней глупо попался. Чёрный кафтан с гербом Клейвенов и чёрный плащ потребовалось бы снять, ибо такая одежда точно выдавала его. Чтобы не бросаться в глаза, ему стоило найти новую одежду в серых цветах, которую обычно носят простолюдины. Так он смог бы оставаться незамеченным. "Или вернуться домой?" – подумал Тэней. Оступиться прямо в начале своего пути, тогда и не нужно будет себя винить. Ведь путь то, толком не начинался. Там не нужно будет надевать маску простолюдина, не придётся врать и прятаться. Дома он был бы самим собой. Тэнеем Клейвеном – третьим сыном короля Бривека Клейвена и законным наследником на трон Дормовии, если конечно у Лантиса не появятся дети. Даже если и не появятся, дальше пришлось бы соперничать с Эйтелем и его наследниками, но братья пока их не имели. Первая жена Лантиса умерла при родах вместе с его первенцем, а от второго брака на свет появилась девочка, Селия Клейвен. Эйтель же жениться пока не думал. "А что если и сейчас быть самим собой?" – снова задался вопросом Тэней, все ниже пригибаясь и прижимаясь к траве. Тогда бы его сразу поймали и доставили обратно в замок на допрос к королю-отцу. Такой вариант Тэнею точно не подходил, поэтому он решил действовать. Ему нужна была одна единственная лошадь из тех, что были запряжены везти повозку.

Обуздать её без седла и стремян дело не простое, но на его сапогах все ещё были закреплены шпоры, как думал Тэней.

– Золото! – тихо промолвил Тэней себе под нос. Шпоры на его сапогах были отлиты из чистого золота. Он бросил взгляд себе под ноги, чтобы поглядеть на пятки сапог, но к сожалению, шпор он там не увидел. Огорчившись, Тэней снял свой бархатный плащ и сложил его в несколько частей. Если и что-то продавать, так это ткань. За бархат какой-нибудь купец отвалил бы с горсть эскулей. Глянув на сапоги, Тэней подумал, что за гладкую, мастерски отполированную кожу мог бы получить несколько эскулей. Денег на нем было достаточно, чтобы перестать переживать ещё зелёному, неизведанному сердцу. Осталось теперь придумать, кому и где продать свои вещи. Пойти в город и найти какого-нибудь скупщика, либо ремесленников, которые работают с тканями. Такие точно оторвут его плащ и тунику с руками.

– Герб! – Тэней сказал себе под нос, вспомнив про герб вышитый на плаще, который подвязывался кожаными ремнями на груди и теперь был сложен. Тэней развернул плащ, растегнул кожаный поясной ремень и снял шелковую тунику, такую же черную, как и его плащ. Он сложил одежду вместе и перевязал ремнем. Теперь Тэней стоял в льняной рубахе, спускавшейся до бордовых, свободных шюссах, подтянутых и укрепленных ремешками. «Дальше только оголяться» – подумал Тэней и решил, что теперь он достаточно не привлекает внимания. Сняв одежду, он почувствовал некую свободу, будто теперь он не Клейвен, потому что только Клейвены могли носить черные цвета и никто другой. Это был цвет королевской династии, поэтому в Дормовии никто не ходил в черном.

Звук топота уже слышался где-то позади и теперь Тэней, взяв подвязанную одежду стремительно побежал вниз к мощеной дороге. Стуча каблуками по каменным плитам он почувствовал рвения холодного ветра, изрядно продувавшего его. «Без верхней одежды слишком холодно» – подумал Тэней и резко остановился. Перед ним открывался вид на высокие ворота с небольшими острыми башнями, сложенные из могучих и тяжелых камней.

Слева вез обоз какой-то старик в коричневатом одеянии, которое Тэней прежде не видел. В обозе лежала зелень, кочаны капусты, морковь и стручки сельдерея. За ним проскакали всадники с копьями и в кольчуге, а за всадниками ехали две запряженные телеги, накрытые каким-то серым полотном. Лошади пронеслись, стуча подковами по мощеной дороге, а Тэней все ближе подходил к воротам портового городка Йорфена. Желудок снова проснулся и дал о себе напомнить. Урчание усиливалось, как и аппетит Тэнея. Сейчас он бы с радостью съел те овощи, которые лежали в обозе старика. Тэней шел размашисто и уверенно, но теперь ещё быстрее. Ему определено хотелось поскорее продать свои вещи, чтобы получить хотя бы горсть акронов и потратить их на любую еду, какая попалась ему на глаза. Подняв свою голову дабы посмотреть на безоблачное небо и рассветное солнце, Тэней снова почувствовал боль в затылке, а рана теперь слегка припекалась лучами солнца. Он побоялся, что может потерять сознание. Усталость, которая донимала его была весомой, но ноги продолжали идти и вести его уже за воротами портового городка. Он прошёл спокойно и без всяких подозрений. Даже ни один стражник не окинул его взглядом. Наверно думая, что Тэней не более чем деревенский мальчуган. Пройдя конюшни, Тэней вышел на главную улицу города. По обок от него стояли крупные бревенчатые здания, на первых этажах которых находились различные лавки мастеров и ремесленников. Пройдя чуть дальше по улице, Тэней не стал заворачивать и всё быстрее направлялся к лавке, откуда пахло едой и выпечкой. Он не обращал внимания на людей, которые толпами проходили мимо него и спешили по своим делам. «Какая сегодня луна?» – Тэней задумался и монотонно, изрядно уставши, подошел к лавке, где лежал только что испеченный, утренний хлеб; сдобы, посыпанные колотыми орехами и пироги, похоже заправленные заварными кремами. Слюна, которая собралась во рту Тэнея, волной вылилась, если бы Тэней только посмел открыть рот.

– Что вам, юноша? – улыбчивый пекарь огрел его приветственным взглядом, обратившись с особенной добротой. Позади него показалась милая, светловолосая девушка и вынесла

только что приготовленный хлеб. Тэней отвел глаза от круглого лица пекаря, который поглаживал свою плешь и забавно вертел длинными усами, чтобы полностью рассмотреть помощницу.

– Вы не знаете, где можно продать ткань? – устало ответил Тэней, не отводя глаз от милой девушки в песочном платье. Волосы её были подвязаны малиновой лентой сзади, а лицо немного окрасилось, когда их взгляды встретились. Почувствовав легкую смущенность, Тэней резко убрал взгляд и монотонно моргал глазами. Доброе лицо пекаря резко изменилось на испуганное и ошеломленное. «Только не падать!» – сказал в своей голове Тэней, но похоже силы в ногах окончательно закончились, чтобы продолжать удерживать слабое тело. В глазах его расплывалось лицо пекаря, свежее испеченный хлеб и милое лицо девушки.

– Только не падать! – тихо промолвил он и медленно стал опускаться на колени.

– Юноша! Что с вами? – спросил пекарь и попытался его схватить, протянув руку через деревянную лавку, но Тэней уже опустился на одно колено. Схватившись за свою рану, он почувствовал теплую кровь на своей ладони. Глянув на свою окровавленную ладонь расплывчатым взглядом, Тэней увидел встающее солнце над домами и зданиями, которое пересекали черные птицы и устремлялись ввысь. «Мне никогда не стать таким как ты, Эйтель» – с досадной грустью подумал Тэней и полностью завалился набок, бросив смотреть на солнце, которое каждое утро вставало для него.

– У него кровь? – удивленно воскликнула милая девушка.

– Юноша! Вы меня слышите? – спросил добрый пекарь, а Тэней почувствовал прикосновение его рук. Он все ещё устало моргал глазами и тяжело проглядывал его круглое, захватившее морщинами лицо.

– Помогите мне добраться...до...Тельтера. – еле промолвил Тэней, а в мыслях представлял, как стоит на берегу у Дарского моря, по которому плывут огромные корабли, с великолепными парусами разного цвета, порывисто развивающимися, как и его черный плащ с гербом Клейвенов. Золотые звезды Аэрдина, первого из королев династии Клейвенов и две скрещенные к низу, золотые ленты правосудия, на которых был вышит девиз их родового дома – «Власть – на чести рожденная». Но был ли честен Тэней, когда неожиданно покинул замок? Мысли Тэнея смешивались как перед сном и теперь, он снова увидел солнце и стаи птиц пролетающие мимо, и затмевавшие собой солнечные лучи. Желание посмотреть на закатное солнце, но только уже с другого берега, было последним перед тем, как он окончательно перестал моргать и больше не проглядывал доброе, но в то же время ошеломленное лицо пекаря.

Марш пламени

Взгляд Виеля всё не бросал из виду внутренние каменные стены замка. Он смотрел размеренно, вглядываясь в каждую деталь, то и крутя головой в разные стороны. Все, кто был в замковом дворе – сочли бы действия Виеля странными, но вряд ли через чур странными. Слухи о Вилейнах ходили разные. От странных и загадочных, до смешных и нелепых. Обсуждение правителей Арсмерда всегда были в порядке вещей у знати, горожан и крестьян. Все Вилейны так или иначе становились свидетелями чего-то необычного. Вмешивались в тайные дела. Попадали в ситуации, до того нелепые, что любой крестьян мог гоготнуть едва вспомнив веселый рассказ о Вилейнах. Слава о них ходила, шибко говоря, двойственная. Но их все равно боялись, поэтому если и говорили о них, то за спиной у себя в хижинах. Виель не понаслышке знал о всех тех слухах, что ходили о его семье, но в подробности никогда не вдавался. Все попытки расспросить отца давались тяжелыми, а иногда и тщетными. Теперь Виель думал, что и он попал в эту волну. Волну распространяющихся со скоростью ветра – слухов. «Сир дерьма в штанах» – кажется, теперь так его называли.

«Сир Виель Вилейн, с испуганными глазами, тащил некоего странника из Гарвельда. Они были мокрые, обугленные и от них пахло гарью и дерьмом. Они прошли через весь город к Высокому камню и были словно потасканы» – так кто-то говорил о них в тавернах. Простые городские людишки частенько обменивались вестями друг с другом. И если изначально весть была относительно правдивой, то к десятому рассказу от правды оставалось только лишь название. Виель не поддавался чувствам, если слышал такое в свой адрес. Ему было не понятно только одно: «Почему о нём столько говорят, а о страннике из Гарвельда – ничего». Тем более если он такой не один. Почему тогда о них никто не знает? Виель долго думал и всё рассматривал замок, ловя на себе хихикающие взгляды красивых служанок и молодых слуг. Даже щербатый, сморщившийся как засушенный лимон – конюх, едко ухмылялся. С светло-русыми кудрями, причесанными не один раз; в недавно выстиранной, шелковой ткани, отливающей зеленцой – Виель, стоял величаво и гордо. Пока не замечал на себе все взгляды, нервничал и неуверенно сбегал или отворачивался. От сира Виеля Вилейна, «до сира дерьма в штанах» – только один ехидный взгляд простолюдина. Виель рассержено покидал замковый двор и чувствовал, как в спину ему продолжают глазеть. А солнце не переставало светить. Паленными лучами подогревая нежную кожу служанок, под льняными, красными и коричневыми платьями. Сегодня пот стекал со всех стремительно, подобно Лунной реке спускающейся с высоких хребтов. «Наверное, странник уже где-то там – далеко за Арсмердом. Скачет мимо гор наравне с ветром, резво подгоняющим его». Виель не переставал думать о Глене Локроге, Когте и окровавленном конверте, внутри которого лежало письмо и обрывок старого пергамента. Текста, что были написаны на нём не давали покоя ещё молодой голове. Искривленные, ужасно не привлекающие и совсем не похожие ни на какой другой язык, который Виель видел когда-либо. Попытки добиться ответов, которых Виель уже так жаждал – были неумелыми и неуверенными. Виелю не хватало подкованности в разговоре с кем-либо. Допросить Глена не вышло. Коготь ничего не сказал, Отер ничего не знал, а отец только и заливал себя старым, выдержанным в бочках вином. Виель только вошёл в башню, ведущую к голубятне, как на встречу ему выбежали сорванцы Отера – Гёнель и Юэн. Шестилетние близнецы резко остановились и тут же набросились обнимать ноги Виеля.

– Дядя Виель, доброе утро! – сказали малыши и выбежали из башни.

Виель стоял ошарашенный и весь в мыслях, и только крикнул им вдогонку:

– Не бегайте так быстро!

Неважно выдохнув, потревоженный Виель обернулся и увидел двух служанок, спешно покидающих башню. Прекрасные, молодые лица быстро поклонились и пронеслись мимо него. Он только и успел осмотреть их немного смущенно.

– Куда сегодня все спешат? – проворчал им в спину Виель и продолжил свой путь к отцу. Похоже только Виель сегодня никуда не спешил и все медленно перебирал ногами, глубоко вдумываясь о своём. «Вот бы и мне стать таким, как Глен Локрог. Всем плевать кто он, откуда он и во что одет. Никому до него нет дела, а вот ему есть дело до всех» – последнее о чем подумал Виель, зайдя в голубятню, где отец продолжал потягивать вино и нахмурено смотреть на Арсмердские хребты. Дергающейся рукой он подносил кубок к своим губам и неважно выглядел. Виеля настораживал такой вид отца. До приезда Глена Локрога он так не выглядел.

– Отец, ты в порядке? – Виель подошел достаточно близко и встал за спиной.

– Зря я с ним так... – грустно сказал отец на выдохе после тяжелого глотка и опёр свою голову на ладонь.

Виель давно не видел отца таким подавленным и огорченным. Постоянно видел его одновременно и строгим, и насмешливым. Радостным по вечерам, когда они все вместе собирались ужинать и вдумчивым к ночи. Но таким, как сейчас – никогда. Виелю стало обидно за то, что старые друзья так и не поговорили по душам. Точнее обидно за отца, изрядно тоскующего по своему прошлому, о котором он никогда не рассказывал ни Отеру, ни ему.

– Отец? Ты тут или где-то очень далеко? – с ухмылкой спросил Виель и сел рядом с отцом. Звук похлопывания белоснежных голубиных крыльев заполнял помещение. Посмотрев, как голубь вылетел из рук голубевода и унесся, взмахивая крыльями, Виель подумал о Глене Локроге, стремительно направлявшемся к столице, чтобы передать конверт. Подобно голубю, который нёс куда-то значимую весть.

– Виель... я давно уже где-то не здесь. Я все ещё там, где почти разрушилась моя жизнь. – монотонно ответил граф-отец, поддерживая голову рукой.

– Может пора вернуться обратно? – Виель спрашивал улыбаясь, не придавая значения словам отца. Он часто упивался вином и нёс какую-то пургу, поэтому они с Отером не слушали его и лишь пытались побыстрее уложить в постель.

– Но там я оставил частичку её... и теперь всё думаю, как так смог допустить произошедшее. – отец продолжил говорить о своём немного с отдышкой.

– Ты переживаешь за Локрога? Брось это, с ним ничего не приключится. Тем более после сражения с огненными призраками... – радостно сказал Виель, но на последнем будто обомлел, снова вспомнив тот вечер. Пылающие ярким пламенем, облепленные углем, пеплом и золой; языки пламени, которые стекали с них будто вода и звук их появления – все это заставляло Виеля содрогаться. Никаких лиц и только безудержное пламя: бездушное, бесчувственное и безжалостное. Они будто были не из этого мира. Не из мира людей и птиц, а из мира страхов и сгоревших надежд. Обычно огонь приносит тепло и уют, но стоит представить его в таком виде – обволочет и сожжет дотла.

– Ты боялся, сын. – сказал отец, расположившись ближе. – Я тоже когда-то впервые увидел их и услышал то, что они напевают во мраке. Словно возглашают. Зывают природу и не только. Тогда мне тоже было страшно, Виель. Столкнуться с ними было нашей судьбой. Вилейны теперь вовлечены в тайну этого мира.

– В ту тайну, что находилась в конверте? – Виель занервничал и неуверенно встал, чтобы отойти к проёму. Чистое, голубое небо сегодня было застелено пышными облаками, плывущими медленно над острыми зубьями Арсмердского хребта. Эти зубья в народе были прозваны – пиками. Острыми и блестящими, как клинки алебард. Герб Вилейнов – три горные «пики». Самые высокие из всех гор и возвышенно стоящие перед всеми. Символ мужественности, стойкости и величия. Даже длинный Тельтерский хребет, у которого и возвели столицу Ильдарию, уступал в высоте и обширности Арсмердскому.

– Тайну? Нет, Виель. Это куда больше, чем тайна. А то, что ты прочёл – лишь малая часть нашей людской истории. – спокойно сказал Эйвенд и больше не выглядел раздраженно. Возможно, приход Виеля немного отвлек его.

– Почему тогда ты никогда не рассказывал, про «нашу людскую историю»? – Виель слегка возмутился и сложил руки за спиной.

– Я много тебе рассказывал, Виель. – граф вымолвил томно. – И легенды, и мифы... энциклопедии. – старую, седую свешивавшуюся до кадыка, бороду, Эйвенд стал почесывать.

– Ты все ещё помнишь, что читал мне по ночам? – Виель посмотрел полу-боком.

– Помню, Виель.

– Ты не хочешь рассказать откуда у тебя были эти книги?

– Книги? Книги... Да, Виель. Пришло время. Я уже стар, постоянно пьян и даже не способен держать меч. – спокойный голос графа погрубел. – Не способен сражаться как ты или Отер. Разум мой помутнел до того, что теперь с трудом различаю людей, их чувства и переживания. Мне пора передавать борозды правления вам с Отером.

– Сегодня после ужина, я всё вам расскажу. – отец склонил голову. После резко её поднял, чтобы ещё раз взглянуть на прекрасный, открывавшийся вид. Виель стоял подавленный и взбудораженный одновременно, но внутри его переполнял страх и чувство неизведанности. Непонимания той сути, которую отец держал в своей старой и тяжелой голове. Кладесь тайных знаний, что вот-вот выльется на них с Отером – наконец-то освободит его. Отец больше не будет в одиночестве обрамлять себя бременем сохранения. Это бремя он разделит со своими сыновьями, как и должно было быть. Виель жаждал правды, вглядываясь в медленно плывущие облака. Он обернулся посмотреть на отца, который вяло покидал голубятню и снова обернулся, уже вглядываясь в ночное небо, устеленное звездами и одинокой луной. День пролетел слишком быстро из-за мыслей не покидавших голову Виеля. Он то и ходил по замку, все обдумывая случившееся. То поговорил с Отером и посетил все башни, да террасы. Между раздумьями, приказал конюху привести в порядок лошадей, а оруженосцам подготовить его боевые доспехи и оружие. Рассмотрел все гобелены и картины прежних правителей Вилейнов, мысленно прощаясь с ними. Ещё раз вспомнил тот вечер у Лунной реки, те сгорающие и тлеющие невинные тела людей, которые позже стали пеплом. Те звуки ударов белых и ярких молний. Поникшее лицо Лысого уса, оставшегося без своего уютного и приносящего прибыль заведения. Сражающегося без сомнений, без страха и без чьей-либо помощи – Глена Локрога. В тот вечер все что-то потеряли. Виель лишился самообладания, став посмешищем в глазах собственных людей. Кто-то лишился приближенных и подданных, как Брафи Таллард. Кто-то лишился жизни, а кто-то потерял все мысли о защите и спокойной жизни. Таким определенно был его отец. Строгий и угрюмый Эйвенд Вилейн. «Но лишился ли чего-то Глен Локрог?» – подумал Виель и снова восхитился отважностью загадочного сероглазого бородача. Может он и стал таким, только после того, как лишился чего-то. Напоследок он успел донять Брафи Талларда, разыскав его после обеда и изрядно пожалившись.

– Зачем я взял тогда конверт, если мог не брать? Или почему взял, но доставил? Из-за долга и чести? Ты же был там Таллард. – Виель говорил так, будто пытался найти ответ.

– Вы сделали то, чего не смогли бы другие, господин. – Таллард то и делал, что закручивал свои густые усы. Складное тело выдавало в нём молодого и мужественного мужчину, но лицо выглядело уже малость постаревшим. Светло-зеленый плащ Талларда, с белыми окантованными линиями по краям, резво развивался ветром.

Они стояли на возвышении за стенами замка. На устеленным травой и цветами холме. Здесь также росли несколько крепких дубов, на один из которых, опирался Виель и вдумчиво вглядывался. Он продолжал строить из себя predetermined. Быть подготовленным – стало его негласным призывом к действиям. Теперь Виель хотел всегда готовиться, перед тем, чтобы что-

то сделать. Один только шаг стоит обдумать двадцать раз. Иначе, если уже шагнул, то времени думать нет. Так и было с конвертом.

– Передай конверт малец...прошу тебя. – снова вымолвил свои последние слова умирающий гонец под кличкой «Коготь». Только теперь в голове Виеля.

– Уже нет смысла думать о том, что мы могли бы исправить в прошлом. Нужно думать о том, что происходит сейчас. Так я говорю своему сыну, когда он вспоминая, плачет из-за своей потерянной игрушки. – Таллард стоял гордо, всучив свои руки за кожаный ремешок, туго опоясывавший его темный кафтан.

– Ты прав Таллард. Нет смысла оборачиваться. Выбор уже не изменишь. Вот если бы мне сказал что-то подобное отец...да только игрушек я никогда не терял. – ответил Виель.

– Столько игрушек, сколько было у вас – не было ни у кого. – утвердительно сказал Брафи, немного тряхнув своей головой. – Даже если вы что-то и потеряли, никто бы этого и не заметил.

– Нам нечего терять, когда мы имеем всё? – ухмыльнувшись, спросил Виель.

– Смотря чего вы не хотите потерять. – Брафи продолжил гордо стоять, а после отправился на обход.

Виель же снова вспомнил свой ужасающий сон. Там ему было одновременно страшно и горячо в прямом смысле. Его тело будто прожигалось изнутри от вонзающихся пламенных клинков бездушных созданий, порожденных огнем и пеплом. Пепла тогда было достаточно, чтобы его не заметить. И тысячи перьев: красных, голубых, зеленых, то серых, белых и черных. Медленно парящих над огненной землей и сгорающих в полете. Где-то позади послышались ляжки кольчуг и звон стали бьющейся о сталь; лошадиные визги и тяжелые взмахи крыльев. Слепляющий, белый луч на горизонте, разделивший небо на две части и Глен Локрог, который так же отливал сияющей беленой. «Смотри Виель...смотри» – говорил он тогда. Но куда нужно было смотреть, Виель не знал. Может на тот пепел, сыплющийся со сгорающих перьев? Вряд ли ответ нашелся бы в его глупой голове. Да и это – всего лишь сон. Станный и насыщенный бредом из воспоминаний, внутренних переживаний и заумных мыслей.

Облако медленно проплыло и открыло вид на одну из ярких звезд, на которую смотрел Виель из окна комнаты отца – обширной и пустой. Здесь не было ничего лишнего: красочные ковры, привезенные из-за морей, несколько тумб для свечей, кресла, картины развешенные на каменных стенах. Большой камин и высокое, арочное окно с выходом на балкон. Виель как раз стоял здесь и глазел то на вечерний город, прекрасно видневшийся из Высокого камня, то на ночное небо и окутанные мраком горные хребты. Он не заметил, как пронеслось время, будто мгновение. Ещё утром Виель с Отером провожали странника Глена Локрога, а уже вечером они ждали отца в его комнате раздумий и одинокого покоя. Отер сидел в кресле и время от времени вставал и расхаживал по комнате, видимо от некоторых волнений.

– Что он хочет нам сказать, Виель? – спросил Отер и подошёл к камину. Заведя руки за спину он стоял стройно и величаво, но словно не хотел здесь находиться. Отца Отер как-то ненавязчиво презирал за его вечерние винные приёмы. Отец бывало достаточно напивался, чтобы побранить неважным словом и Отера, и Виеля. Вряд ли отец делал это специально. Все-таки сыновей он любил. Виель же только и ждал прибытия отца, лоя уже сумеречный, холодный ветерок своим лицом. Он стоял в проеме, между распахнутыми дверцами окна, высотой в свой рост. Шелковые, белоснежные шторы легко развивались под натиском ветра и томно спускались к низу, как и кудри Виеля. Этим вечером всё затаивало дыхание и только ждало. Огонь в камине слабо разгорался и некогда толстые поленья, уже дотлевали мелкими огоньками. Слишком спокойно было здесь, как и тогда по дороге от постоянного двора к Арсмерду. Ничего не предвещало беды, пока не случилось что-то неожиданное. Что призвало тех бездушных порождений огня, появившихся из неоткуда. Так было и сегодня. Не хватало только туманной пелены, густо спустившейся к земле. Виель настаивался, но как заверил его Тал-

лард – стража прочесывает леса вокруг замка и города. Никто не будет сегодня потревожен, как и вчерашним вечером. Виель поправил свою бело-зеленную котту и повернулся к Отеру.

– Ты помнишь день, когда мы были у сторающей деревни?

– Сторающей деревни? Ты не пил случаем? – Отер недоуменно ухмыльнулся и уселся в кресло, запрокинув ногу на ногу.

– Тогда в постоялом дворе, смотря на разгорающееся дерево, что не тухло под стеной дождя – открыло мне одно воспоминание. Я видел дома и их было много. Возведенные на поляне скрытой величиим леса, а позади была гора. Эта деревня полыхала, Отер, и там было много людей. Кто-то держал меня за плечи и не отпускал, а в мысленной картине мне показался отец. Только стройный и не седой. У него была густая, окладистая борода, а сам он был в сюрко с нашим гербом, натянутым поверх кольчуги. – томно и долго говорил Виель.

– И что же там делал наш отец? – с ухмылкой спросил Отер. – Знаешь, Виель... тот день выбил тебя из колеи. Ты стал слишком вдумчивым после той охоты.

– Тебя там не было и ты даже не понимаешь с чем я столкнулся! – Виель раздраженно выкрикнул.

– Тише, брат. Я прекрасно знаю, что там произошло и понимаю твои чувства. Я к тому, что не стоит себя закапывать лишними мыслями. – Отер резко встал и взбудоражено стал объяснять. – Перестань думать о том, что случилось и ты будешь меньше видеть мысленных картин.

– Ты так говоришь, словно знаешь больше, чем я. – оскалился Виель и отвернулся к окну. Отер глубоко выдохнул за спиной Виеля и медленно приблизился.

– Помнишь тот день, брат? Когда мы провожали мать в поднебесье к великому стражу? Сколько слез мы там обронили... – Отер сказал спокойно и встал рядом с Виелем, немного возвысившись над ним.

– Трудно забыть тот день. – промолвил Виель.

– Мы его никогда не забудем, но и не вспоминаем попросту. Воспоминание это наводит на горечь и тоску. Поэтому не стоит и тебе вспоминать то, что приносит тебе боль, страх или переживания. Так ты сделаешь себе только хуже. – сказал Отер и легко провел рукой по шторам.

Будто вспоминал тот день, когда также легко проводил рукой по простыне, на которой лежала мать. Вместе с Отером, они тогда держали её руку и истерично прижимались к ней. Кровь, что была на ней, окрашивала всю простыню от живота до ног. Им дали лишь малость времени, чтобы попрощаться с матерью, а после отец приказал их увести. Виель никогда не забывал тот день и жалостливый взгляд матери. Своими необычными глазами она посмотрела на него в последний раз, а после её взгляд замер. Карие, с вкраплениями желтого, глаза – больше не находились в этом мире, а дух её улетал куда-то далеко. Туда, где находится великий, четырёхликий страж.

– Наша, только рожденная, сестра тоже тогда погибла вместе с матерью. – тоскливо выдал Виель.

– Или брат. Отец тогда так и не сказал, кто был рожден. – Отер развернулся и ехидно посмотрел на Виеля. – Ладно, брат. Достаточно на сегодня грусти и воспоминаний. – сказав это, он отошёл к креслу и снова уселся в него поудобней.

– О воспоминаниях отец нам хочет сказать. – сказал Виель, словно прикрикнул, продолжая смотреть в арочное окно. Огни города, что горели где-то внизу, ещё не собирались тухнуть и Виель внимательно осматривал каждый огонёк. Свежий воздух, что задувал в комнату, смешивался с тлеющими поленьями. Приятный аромат горения наполнял комнату. Небо сегодня было необычно темным. Даже лунный свет затерялся где-то в этой темноте.

– Помилуй меня страж... – недовольно выпалил Отер. – И ради этого я сижу тут целый час? Чтобы слушать ваши бредни?

– Я думаю ты сильно удивишься, раз ничего не знаешь. – за сказанным Виелем, послышался тихий звук отворявшейся двери. От чего Виель мигом взбудоражился, а тело прочувствовало резкую пробежку мурашек и холод. Дверь полностью отворилась и в проёме показался огонек от фонаря. Он медленно заходил в комнату и показал за собой нескольких слуг, которые занесли какие-то предметы и оставили их на небольшом деревянном столе, стоявшем у кресла, на котором сидел Отер и недовольно обводил их своим взглядом.

– Что это? Меч? – нахмуренный Отер провел рукой по лицу, как бы разглаживая натянутую кожу и завлекся интересом.

– И книги... – добавил Виель и недоуменно смотрел на эти странные предметы.

– И плащ Айрилла Вилейна – вашего покойного дяди и моего родного брата. – с этими словами тяжело вошел в комнату Эйвенд Вилейн. Одновременно и граф, и отец. Его ночной, бархатный халат спускался ниже колен и отливало темно-синим, с вышитыми золотистыми узорами на нём. Он неважно перебирал ногами и слегка похрипывал, будто с отдышкой. В руках отец держал такого же цвета плащ, сложенный в несколько раз и перемотанный ремешком. Слуги спешно покинули помещение и оставили семейство Вилейнов наедине. Комната была слабо освещена и отец, будто стоял во мраке у двери.

– Возьми его, Виель. – подозвал Виеля отец.

– Но что они значат? – вопросительно посмотрел Отер на отца.

Виель взял плащ растерянно. Лишь мысль о страннике Глене Локроге, теперь ошарашивала его с ног до головы.

– Неужели... – Виель сказал себе под нос, рассматривая плащ из грубой ткани. Теперь он точно всё понимал, а мысленная картина в его голове стала складываться.

– Да, Виель. Ваш дядя был карателем. Таким же как и Локрог. – с отдышкой утвердил граф и медленно направился к окну. – Таким же как и Фйст из рода Фёйров. Как и Вальхар «Полуночник». Длан Тормерг и Юндар, и много кто ещё... – томно говорил отец.

– Карателем? О чем ты, отец? – Отер также недоумевал, откинувшись в кресле. Виель теперь точно понимал, что старший брат тоже ничего не знал.

– Карателем священных гильдий Мардолората. Вынь меч из ножен, Отер. – сказал граф и встал в проёме арочного окна. Порывы ветра все ещё легко развивали длинные шторы. Сегодня вечером отец был без кубка и без кувшина с вином, хотя всё необходимое стояло на тумбе у окна, но даже туда он не смотрел. Взгляд его направлялся к сумеречным пейзажам, открывавшимся из окна. Руки его слегка дрожали и медленно спускались к карману халата, из которого отец достал что-то похожее на трубку, какая была у Локрога.

– Никогда не любил эту Арлентёрскую дурь... – тяжело сказал отец и взял свечу с тумбы, чтобы поджечь то, что находилось в трубке.

Виель все стоял в недоумении, а Отер вынул меч из ножен. Удивленные глаза старшего брата смотрели на изгибающийся, пламенеющий клинок. Освещенный светом от камина, фонарей и свечей в комнате, клинок отблескивал теплым светом и переливался. Руны выбитые на нём окрасились в цвет пламени и излучали подобно ему.

– «Пламя» – меч карателей. Именно этим мечом казнят заклинателей – всех тех, что принадлежат к крови династии Эльна. – воодушевленно говорил граф, поджигая траву в трубке. Он медленно поднёс её к губам и сделал тугую затяжку.

– А плащ? – удивленно спросил Виель, разворачивая длинный темно-синий плащ, на подкладке которого он разглядел такие же руны, как и на мече, что держал Отер.

– И плащ карателей. Способный укрывать их от ненужных взглядов и защищать от магии. – граф неторопливо выпустил дым из своего рта.

– Магии? – Отер резко поднялся из кресла и поднес меч ближе к огню, чтобы детальней его рассмотреть.

– Значит история о «темном заклинателе», что сжег дотла некий город, правдива? – с удивлением спрашивал Виель и вопросительно смотрел на отца. В его голове перемешалось всё и теперь он не пытался что-то понять. Лишь надеялся на то, что отец всё ему объяснит самостоятельно.

– Значит наш дядя нёс чью-то кару? Скольких он убил эти мечом? – Отер продолжал рассматривать клинок. Он то брался за него рукой, чтобы ощутить заточку, то проводил рукой по рунам.

– Когда-то, давным-давно, существовало могущественное королевство и называлось оно Эльндарией. Территории королевства разрастались от материка Эскультера, захватывая некоторые части Тельтера и Фартера. Населяли его тогда люди обычные и необычные. Необычных было меньше и называли они себя – магами, но в народе их прозвали – заклинателями. С помощью текстов, написанных Элькарскими рунами – языком магов, они заклинали природу. Призывали её выполнять то, о чем и сами же просили. И природа подчинялась им. Слухи и вести о магах ходили по всему миру. Ровно до того дня, пока королевство не пало под натиском простых людей. Объединившись, люди свергли магов, разрушили их столицу и выбрали путь уничтожения...

– Уничтожения? – удивился Отер. – Каковыми были причины приведшие к уничтожению?

– Месть за содеянное. – твердо сказал отец, выдув ещё немного дыма.

– Что же совершили маги? Убивали простых людей? – недоуменно повел глазом Виель и отошел к креслу, чтобы повесить на спинку плащ.

– Они правили слишком долго и не умирали! – грубо ответил граф, словно проснулся. – И причины были слишком весомыми, поэтому магов стали истреблять по всему миру. В каждом, вновь образовавшемся, королевстве людей были возведены гильдии. Обучали там карателей – призванных нести людскую кару на отпрысков крови Эльна. Уже целую сотню лет, а может и больше, простой люд совсем не знает о магах и их заклинаниях. Все благодаря карателям и изменённой истории этого мира. Все для того, чтобы полностью искоренить магию и тех, кто ею может владеть по праву рождения. Мой брат – Айрилл, вступил в гильдию, чтобы защищать этот мир, но погиб в битве с одним из заклинателей. Обычно мечи, плащи и остальные реликвии карателей, возвращаются обратно в гильдию, но тогдашний магистр оставил их мне. – граф снова выдохнул едкий дым, но уже над собой, послав его к высокому потолку. – В надежде, что кто-то из моих сыновей возьмет на себя бремя Айрилла...

– Потрясающе... Я никогда не видел таких мечей. – восхищался Отер, все рассматривая меч. – Ты или я, Виель? – с ухмылкой спросил Отер и вложил меч в ножны. – Кто же станет карателем священной гильдии? – продолжил растягивать свою острую улыбку Отер.

Виель стоял ошарашенный. В голове его был такой же едкий дым, который исходил от лица его отца. Он понимал совершенно – ничего. Рассказ отца, только добавил больше вопросов, нежели ответов.

– Смейся...смейся, сын. Но когда встретишься с ними и их порождениями – не моли о пощаде, вставая на колени. – грубо высказался граф.

– Дым тебя одурманил, отец. Зачем нам выбирать, кто возьмет бремя нашего покойного дядюшки? Если можно послать целую армию солдат и приказать прочесывать местность по всей Ильдари? – едко разговорился Отер и снова откинулся на кресле.

– Они не настолько глупы, в отличие от тебя. Тем более они ничем не отличаются от людей. Верно же, отец? – грубо сказал Виель.

– Всё так, Виель...

– Тогда объясни же, отец. Что это был за конверт, из-за которого на нас наслали град из молний. Что это были за пылающие всадники, которых Локрог прозвал "огненными призра-

ками"? – Виель разозлился не на шутку. Он всё ещё не получил ответов на свои вопросы и лишь краснел, смотря на меч, плащ и старые, запыленные книги.

– Это были заклинания, что читали заклинатели со своих текстов, написанных своим же языком! Языком безжалостным, разрушительным и нечистым. – отец грубо выкрикивал свое негодование. Похоже ему не шибко то и хотелось, доносить до родных сыновей какие-то тайны, окутанные под запретом распространения. Виель поник, рассматривая узорчатый халат отца, его волосы на затылке, выступавшие проседью и плащ его покойного дяди – Айрилла Вилейна.

– Получается, те сказки и легенды... Они правдивы? Основаны на реальных событиях?

– Да... – тяжело и на коротком выдохе сказал граф.

– Скажи мне, отец. Почему каратели до сих пор не покарали всех заклинателей? Или правильной магов? – Отер будто не верил в рассказ отца. Либо ему совсем не хотелось верить, поэтому он то и дело ехидничал. – Почему люди до сих пор страдают?

– На этот вопрос у меня нет ответа.

– Ты что не слышал? – выкрикнул Виель. – Наш дядя погиб в битве с одним из них. Может и другие так же гибли сражаясь с ними. – лицо Виеля побурело, а в глазах выступила невероятная ярость. Он и так был раздражен, а тупые вопросы Отера только добавляли ему внутренней злости.

– Пожалуйста, отец. Я нашёл тебе карателя. Уже закаленного и готового к сражениям. – оскалился Отер.

– Не был бы ты моим братом – уже давно пересчитывал кровавые зубы на полу. – Виель злостно оглядел Отера, его острую растянувшуюся улыбку и равнодушное лицо. Отец стоял стройно и продолжал выдувать едкий дым, не обращая внимания на словесную перепалку сыновей.

– Но я – твой брат. Усмири свой пыл, братец. Лучше подготовь его к сражениям с магами. – противно захихикал Отер. Виель уже решительно подходил к нему с неустойчивой яростью внутри, как тот резко удивился и стал недоуменно чувствовать что-то в воздухе.

– Что за странный запах? Вы чувствуете? Пахнет гарью...

– Бесчувственный кретин! – Виель резко сблизился и уже хотел замахнуться кулаком, как его неожиданно прервал отец.

– Молчать! – его голос загрубел и словно гром, пронесся раскатом по комнате. – Два глупца! И кого я вырастил!? Вы не можете совладать даже со своими словами! – граф был слишком зол и теперь обернулся.

– Ты ничего не рассказывал нам на протяжении стольких лет! Не посвящал в свои тайны и тайну нашей семьи, а теперь требуешь от нас выбора! Почему сам не взял этот меч и плащ? – Отер тоже был в ярости.

Виель же поник и слегка испугался от услышанного.

– Ты даже не представляешь с чем нам предстоит столкнуться! Эти твари объединились в Тельтере... Жгут города, вылавливают карателей, словно крыс и если Локрог не доставит конверт, все покроется огнем! – граф не переставал кричать, но Виель слышал их приглушенно, все всматриваясь на слишком темное небо и ощущая странный запах гари. Виель поглядел на камин, но поленья уже догорали углями и не могли так пахнуть. Аромат от камина всегда был приятным.

– Если вести настолько печальны, то ни я, и тем более Виель, ничего уже не сделаем скрывшись под плащом дядюшки Айрилла. Мы не каратели, отец, а рыцари и поэтому нам стоит созывать армию. – выпалил Отер.

– Безумец... – сказал себе под нос граф. – Безумец! – но теперь заорал.

– Это... дым... – тихо молвил Виель, но вряд ли его кто-то слышал.

– В моих словах нет и доли безумства. Мы должны действовать решительно и числом. Только так можно победить.

– Нельзя победить магию числом и решительностью, глупец! Даже несколько сотен закovaných в сталь рыцарей – падут без боя, только лишь повстречав заклинателя. Только эти мечи могут что-то изменить и только этот плащ сможет спасти. Руны! Ты видишь их? Это оружие врага. Они сами их создали и заклинали магией, чтобы люди смогли сражаться...

– Дым! – крикнул Виель, чтобы прервать их. – Это дым! Облако дыма! – Виель стал дрожать в голосе.

Отер спешно подбежал к окну, забыв о ярости и раздраженности, а отец только слегка дернулся и медленно повернулся. Сегодняшнее ночное небо было слишком темным и Виель это замечал не один раз. Звезд почти не было видно, а ветер теперь задувал запах гари и золы. Будто где-то что-то горело.

– Неужто что-то горит? – ошарашенное лицо Виеля, стало ещё сильнее ошарашенным. Его скулы подергивались от страха, который теперь пробирал его как тогда в постоялом дворе.

– Это точно дым. – утвердительно сказал Отер.

После его слов послышался звон колоколов и чьи-то завывания в городе. Глухой голос раздался за стенами комнаты, где-то на лестнице.

– Люди! Люди идут! – глухие выкрики слышались всё ближе и дверь стремительно была отворена стражником.

– Граф Вилейн! – стражник тяжело дышал и говорил с отдышкой.

– Там...люди! Люди идут... И их слишком много. Они тянутся длинной колонной. Везут обозы, тянут скот. Они идут по тракту из Лйртеда и несут за собой густой, черный дым.

– Какие люди? – недоуменно спросил Отер.

– Выжившие с юга, сир... Говорят, что юг Тельтера охватило пламя...

Виель вопросительно и ошарашенно посмотрел на отца, который затаил дыхание и стоял сам не свой. Трубка из его рук медленно падала, рассыпая тлеющую траву внутри себя. Искры мигом рассыпались на его рубахе, скрытой под бархатным халатом, а сам отец резко откинул голову, будто теряя сознание.

Всего лишь тень

– Локрог! Вы вернулись! – с выражением обрадовался Ивор, но глаза его дрожали и чего-то боялись. Гонец испуганно читал письмо в опустелой таверне: старой и малость покосившейся на бок. Здесь не было никого, кого мог бы ещё помнить Глен. Только гонец из гильдии Антельдари и престарелый хозяин таверны, становившейся иногда пристанищем для заезжих и проходивших мимо людей. Не самое привлекательное местечко для сборов карателей, но самое скрытное и безопасное. Улица, на которой располагалась эта таверна и ещё несколько старых домов, находилась на окраине Гарвельда. Такие улицы, подобной этой, были давно тут забыты. Беспомощные и оставленные, покинутые и почти безлюдные. Кроме стариков тут не было никого. Весь молодняк давно уехал и оставил старшее поколение в их ветхих домишках. Даже бедняки и бездомные тут не останавливались, а лишь проходили мимо, молились стражу и спешно уходили, стараясь позабыть мрачную картину. Да и взор редко падал на такие улицы. Страшились даже смотреть. Поэтому и слухи ходили оживленные о таких местах, но вряд ли доходили до магистра города и управляющих. Будто тут что-то нечистое жило, хотя старики и старухи в одночасье бы обиделись услышав такое. И тени тут ходили, словно призрачные, но темные и тяжело проглядываемые. Какой-нибудь местный чиновник лишь недовольно повел бы глазом и приговорил:

– Снова хотите денег? Денег не дам!

Оно и понятно, за слухи никто не платил. Даже медяка никто бы не дал, чего уж там говорить о лаверах. Поэтому ни городских управляющих, ни их помощников, ни сержантов и тем более городской стражи здесь не было. Только лишь слухи, да позабытые всеми предсмертные души. Проверять точно никто бы не стал. Никому до этого не было дела. Весь взор всегда был обращен к центру столицы, ведь только там росло беззаконие, мракобесие и воровство. Видимо, каратели всегда выбирали такие места для своих собраний. Места на улицах отчаяния, на окраинах городов, где медленно прошёл Локрог, ведя рядом с собой Резвую. И словно две медленные тени, они неожиданно оказались на пороге той самой таверны.

– Ты сегодня один, Ивор? – недоуменно повертел головой Глен и уставился на молодого гонца.

– Почему вы сразу не направились в гильдию?

– Надеялся, что хоть кого-нибудь здесь увижу. Но похоже, сегодня нет никого из старых знакомых, кроме тебя и твоего испуганного взгляда. Что, радостные вести? – улыбчиво спросил Глен и присел за покрытый трещинами, старый стол.

– Радостного в них мало, Локрог. Пишет некий Коготь и сообщает о...

– Коготь? – резко выхватил письмо из рук гонца Глен.

– Я забрал его этим вечером, вместе с другими письмами, с почтовой башни, что на севере. И только на этом письме была пометка автора. – судорожно вымолвил Ивор.

– «Вскрыть при получении» – томно прочел Глен, посмотрев на оборот письма. – И печать Ильдарийской гильдии...

– И зов о помощи. – страхась, добавил Ивор. – Я не успел заехать в город до закрытия ворот. Надеялся, что хоть кто-то будет в пункте сбора, но никто не приходил. Поэтому ждал...

– Значит, ты ещё не был в гильдии... – ошарашенно спросил Глен, не отвлекаясь от прочтения письма, написанного гонцом Когтем.

– Повезло, что вы решили сюда зайти... Насколько всё серьезно? – в голосе Ивора звучал страх.

– За Когтем следят. Его выискивают и нагоняют. Он хочет передать конверт в другом месте, карателю другой гильдии? – Глен тяжело призадумался, читая текст.

– Пока я читал, то тоже размышлял над этим. Он пишет, что отправился из Первельда и скакал по тракту в Лиртед, где за ним и начали погоню. – добавил Ивор.

– Значит он посчитал, что ему могут отрезать путь к Нареграту... – думая, молвил Глен и уткнулся в конец письма: «Прошу кого-нибудь из карателей Антельдарики быть в назначенном месте, в назначенное время и получить конверт от Фиста» – медленно он прочитал и уставился на Ивора.

– Двадцать пятая луна? – томно он проговорил.

– Сегодня уже конец двадцать четвертой... – последнее, что сказал тогда Ивор. Локрог без лишних раздумий решил действовать самостоятельно и уже на следующее утро направился в другое королевство. Свой путь Глен вспоминал каждый раз, с того самого момента, как случайно встретил гонца Ивора и прочел письмо. После двух лет службы на другой земле, на которой Глена не ждал особый успех. Любая весть о нечистых никак не подтверждалась, а проверка не оправдывалась. Лишь беспечный, двухлетний отдых в жарких странах южного материка Арлинтера. Но стоило Глену вернуться и ступить на свою родную землю, которая на протяжении нескольких лет считалась чистой, как тут же он прознал о чем-то, чего совсем не ожидал прознать. Тельтер делился тремя королевствами, Антельдарией на востоке, Ниаром на севере и Ильдарией на юго-западе. И только здесь всегда всё было спокойно, поэтому и карателей здесь оставалось меньше, чем хотелось сейчас Глену. Беспокойное место – идеал для развития вновь появившейся нечисти. Заклинательская кровь снова бродит среди людей и кажется, теперь дела куда хуже, чем можно было себе представить. Чистая случайность, тогда привела Локрога в ту таверну Гарвельда и такая же случайность произошла с ним в постоялом дворе у Арсмерда. Думая об этом в полудреме, Глен неожиданно проснулся, услышав звуки хлопающих крыльев и птичьих завывания. Открыв глаза он увидел пролетающих над кронами деревьев черных птиц под серым небом. Они летели беспорядочно и разрозненно, будто спасались от чего-то и стремились подальше убраться отсюда. Такое беспокойство было вызвано только одним происшествием и этим происшествием мог бы стать пожар.

Локрог прекрасно понимал, что ждет королевство в ближайшие дни и недели, но пока хоть один каратель стоит между людьми и отпрысками крови Эльна – надежда не будет потеряна. Птицы не переставали издавать ужасающие звуки паники и вот уже за одной стаей, пролетала следующая. Слишком много птиц улетало с южной стороны Ильдарики и направлялось ближе к северу, возможно куда-то к Ниару или Антельдарии на востоке. Глен снова вспомнил отрывки из того самого письма, что лежало у него под подкладкой кафтана и грубо прижималось к его сердцу. С того самого момента, Глен вложил конверт так, чтобы чувствовать его постоянно. Слишком важным был тот текст, отрывок которого, Глен вспоминал снова и снова:

«Пишу эту значимую и опасную весть напротив того, кого пытал несколько часов – заклинателя, что управлял бандами поджигателей в Первельде. Южный город горел не пламенем, как мы думали, призванным огнеглазым. Вероятно – нас загоняли в ловушку».

Уже прошло несколько недель со дня его написания, а конверт все ещё не добрался до столицы и рук магистра Юндара, но сегодняшний день станет роковым. До столицы оставалось пару часов и Глен, не успевши продрать усталые глаза, уже собирал все свои вещи и принялся готовить Резвую к стремительному заезду.

– Прости меня, музыкант. Надеюсь, ты летишь со стражем в небесах в далекий дальний путь. Туда, где свобода пересекается с мнимой частью нашего бытия. – тяжело проговорил Глен, осматривая место ночлега и потухший костер. Примятая трава была только в одном месте, там, где лежал Глен и придавливал её своим телом. Но места, где ночевал Магрин не было. Как и не было старого валежника, убитого зайца и самого музыканта. С того самого момента, как он доехал до моста через Лунную реку, у которого не играл убитый музыкант, Глен вспомнил похожую картину. Два года назад, Глен встретил менестреля Магрина, когда отправлялся в Нареграт. Избитый разбойниками и потерянный от случившегося. Но Глен тогда

ему не поверил, думая, что это грамотная западня. С отчаяния и грусти на его лице, Глен не смог прочесть истинны, не смог прочувствовать терзания музыканта и понять его. Поэтому тот болт был точно выпущен в его голову, а страха перед смертью, в его глазах стало ещё больше. Поэтому, каждый раз вспоминая тот день, Глен тщательно перестраивал его. Старался вспомнить и заметить детали, чтобы убедить себя самого в том, что музыкант говорил правду, а смерть его была глупой ошибкой карателя. Но прошлого не вернуть и не изменить. Можно лишь только вспомнить и в своей голове сделать все иначе. Глен как и перестраивал, так и достраивал тот день, стараясь добавить другие воспоминания и мысли. Старый, рыхлый валежник, помеченный руной, был для Глена символом его становления, как карателя.

– Слишком часто я стал вспоминать давно ушедшие времена. – промолвил Глен, поглаживая гриву Резвой. Его движения были медленными и монотонными. Руки спускались и легко прикасались к грубому волосу, а утренняя свежесть слабо разносилась ветром. В воздухе стоял запах свежей, выпавшей росы. Глен вдыхал все глубже и тяжело выдыхал, немного перебиваясь.

Он снова осмотрел место, очень похожее на то, где несколькими годами ранее погиб бродячий музыкант Магрин. Вина за содеянное преследовала Глена по сей день и в мыслях он старался избежать тех произошедших событий. Все заново прокручивая тот момент выстрела, Глен мечтал, чтобы всё закончилось иначе. Например, как прежним вечером. То, что он менял в своём разуме давало ему ту необходимую силу, которая продолжала двигать его вперёд. Только так он оставался карателем, свято клянувшись выполнять свой вечный жизненный долг. Взгляд Глена был отреченным и отчаянным, говорящим о всём содеянном за несколько лет проведенных под станом гильдии. Но тот случай с Магрином Желотом, был слишком особенным. Тогда Глен ошибся, направив арбалет на голову невинного музыканта. Избитого и истерзанного грустью, тоской и досадой. Потерявший своё достоинство, которого добивался годами играя то в постоялых дворах, то в тавернах, то при знатном дворе. Возможно именно тогда Глен подарил ему надежду, но и в миг её лишил, забрав уже целую жизнь.

«Как я так мог ошибиться» – Глен задавался этим вопросом слишком часто, будто вечность. Уже тогда каратель потерял хватку. Перестал различать и отличать чувства написанные жизненными красками на лицах людских. Неудивительно, ведь служба Глена уже подходила к концу, а слишком частое бездействие ослабило и до того достаточно раненную душу. Взрослый муж, не боящийся ничего и иногда безжалостный, с определенной невозмутимостью в мыслях и чувствах, с каждым годом терял веру в себя. Отнимать чужую жизнь – отдавать часть своей и этот закон применим только к людям.

Роца теперь была усыпана воспоминаниями и возможными версиями прошлого, которые Глен всё чаще менял в своем закутке разума, стараясь сделать другой выбор и найти лучший вариант развития тех злосчастных событий. Если бы не эти мысли, Глен бы уже давно себя изжил, постоянно коря за все свершенное и не свершенное. Только так ему становилось лучше. Каким бы карателем ни был Локрог, мастерски выполнявшим свой долг, он всё ещё хотел стать человеком. Чтобы душа больше не терзалась и чтобы погибшие от его руки, невинные души, не доносили его. Это было бы последним желанием Глена.

Глен ещё раз окинул взглядом роцу воспоминаний и принялся седлать Резвую, последнее живое существо любившее Глена и полностью ему доверявшее. Но когда-то доверявших ему лиц было больше. Теперь все его знакомые разговаривали с ним в его воспоминаниях.

– Глен, нельзя так. Вечно думать о тех убитых. Твои руки правосудия никогда не были в крови. Отпусти их и забудь. – Фист недовольно затанулся и на выдохе выдул дым.

– Как забыть тех, кто умер невинно от моих же рук? – свесив голову у костра, отвечал Глен. Тогда прошла неделя с убийства менестреля, а Локрог всё не мог в себя прийти.

– Отдохни, Глен. – спокойно ответил Фист, поглядывая куда-то в ночную гладь, усыпанную звездами.

– Считаешь, что мне нужен покой? Как быть спокойным, когда погубил столько душ?

– Что ты хочешь услышать? Никогда их не вернешь, Глен. Никогда. Запомни это и заруби на своём задранном носу. То, что умерло уже не воскресишь, если ты не потомок Эльна, а в кармане не припрятан свиток заклинания. Ты не один такой и был не одним таким. Все рано или поздно начинают страдать от содеянного. – Фист был не в себе, но говорил совершенно спокойно и теперь поглядывал по сторонам.

Глен промолчал и лишь словил сочувствующий взгляд Фиста. В тот день он снова ночевал под открытым небом.

– А про музыканта... Просто представь, что ты избавил его от страданий. Слабые, не находчивые, боящиеся люди, пропитанные глубинными страхами – никогда не выживут в этом прекрасном мире. Тьфу! Этот болт милосердия навсегда закончил его потуги. – теперь грубо высказался Фист. Тридцатилетний, угрюмый, но для своих всегда казавшийся весельчаком. Стройный, высокий и слегка худощавый, с собранным пучком грязных волос на голове, Фист, частенько выслушивал упадок духа Глена Локрога. Предприимчивый, хитрый и решительный – вот, что можно было сказать о Фисте, а несколько продольных шрамов на щеках показывали его безрассудность. Лезть на рожон – было для него обычным делом. Слишком удачлив он был, поэтому и отделялся лишь шрамами. Среди карателей Фист был лучшим и всегда выступал примером. А семь приговоров за десять лет над самолично пойманными заклинателями, только прибавляли его имени весу.

– Он рыдал как не в себя и сжимал свою лютню, подаренную ему королем. Ему было страшно, Фист. Я думал, что он проплаченный актеришка, но как же я ошибся. – томно проговорил Глен, уставившись на красочно извивающиеся языки пламени.

– Судьбу не обманешь. Поэтому, отправляйся в Эрфенскую гильдию и больше не думай, что ты великий хитрец.

– Судьбу не обманешь... – повторил Глен и задумался.

– Прошлое не изменишь, а в настоящем только и думаешь о том, как изменить прошлое и обмануть судьбу. – добавил Фист.

– Как ты справляешься со всем этим и остаешься таким?

– Не принимаю всё близко к сердцу... – Фист подавился дымом и грубо кашлянул. – И... только думаю о вечном жизненном долге. Мы были рождены, чтобы избавить этот мир от опасности. Если мы уйдем и закроемся в себе, постоянно думая о тех, кто погиб от наших рук, то кто, Глен? Кто придёт нам на смену? – Фист оглядел Глена своим невозмутимым взглядом.

– Убийц достаточно, поверь.

– Но таких как мы недостаточно. Любой другой сразу сошёл бы с этой тернистой дорожки, получив своё золото или скромное, уютное местечко. Как говорила моя мать: «Ты должен стать таким же как отец, иначе мы все умрём с голоду». Теперь я богат, Глен. Все мои близкие все равно мертвы, но я всё ещё должен. Иначе близкие других людей будут умирать, так и не став такими же, как их отцы и матери! – Фист пытался разозлиться, но в его голосе не было ни капли раздражения.

– Моя мать сильно болела и умерла слишком рано. Мне было пять, когда я увидел её неподвижное лицо, уже не молящее и ничего не просящее. Она лишь только хотела, чтобы я стал сапожником... Как и мой отец. – томно проговорил Глен, вспомнив.

– Сапожником? – Фист рассмеялся. – Сапоги то у тебя совсем простые.

– Да... Отец тоже рано умер, так и оставшись подмастерьем. Но я все ещё помню его слова: «Не будь занудой, Глен, и прибивай каблук к башмачку» – Глен радостно гоготнул.

– И сколько каблуков ты прибил к башмакам? – ехидно спросил Фист.

– Ни одного... Гвозди всегда загибались или ломались. Я бил с недостаточной силой, но когда отец сказал бить сильнее – я всегда промахивался.

– Судьба не хотела, чтобы Глен Локрог стал сапожником. – улыбочиво осмотрелся Фист.

– Но как этого хотел мой отец и моя мать...

– Подмастерьем сапожника ты не стал. Зато стал карателем священной гильдии... – уже хотел воодушевить Фист.

– Стал всего лишь тенью. – грубо прервал Глен.

– Ты сам выбрал этот путь, Глен. Как и я, как и сотни таких же как мы.

– У меня другого и не было.

– Представь... – Фист резко поднялся показывая недовольство и подошел ближе к костру. – Ты совершил приговор перед ликами стража, окруженный паладинами священного ордена. Стоящий перед нашим королем Урнером и судебными заседателями. С твоего меча ещё стекает заклинательская кровь, а в твоих глазах написано отчаяние, сочувствие, грусть и горесть по убитому. При этом никто точно не знает, был ли убитый заклинателем или простолюдином. Просто тот оказался не в том месте и не в то время. Но ты знаешь и веришь. Свято веришь осматривая лики стража, что убитый невиновен. Сказал бы ты им всем, что сожалешь о своем поступке? – Фист грубо посмотрел на Глена, выдувая перед собой дым.

– Нет. Иначе бы меня судили следующим. – Глен не отводил взгляда с костра.

– Вот и я о том же. Оставь свои внутренние переживания самому себе. Не показывай их никому и не выдавай себя. Будь на моем месте кто-то другой, даю пять эскулей – тебя бы уже везли судить. Подумай об этом, Глен. – подвел Фист и выдул еще дыма, точно такого же цвета, какого сегодня было небо. Темно-серое и облачное, без единых проблесков солнечного света. И эти облака, кажется были дымными, неся за собой легкий запах горелого.

Глен мигом оседлал Резвую и ударил шпорами, от чего она вздыбившись понеслась из рощи на овражистую дорогу и уже спускала своего хозяина вниз по склону. Впереди открывался незабываемый вид на столицу королевства, возведенную у горной реки, растекавшейся у окончания Тельтерского хребта. Сам же Нареграт стоял между двух могучих гор, величавых настолько, что своими остриями они прорезали небо и устремлялись ещё выше. Что слева, что справа, тоже виднелись горы, но уже поменьше. Спустившись со склона, Резвая уже скакала мимо полей и балок, от высохших русел равниной реки. На горизонте стали виднеться остроконечные башни Нареграта и высокие, каменные стены города. Резвая скакала слишком быстро и вот за одним мостом через реку, пересекался следующий. Показались возделанные поля плодородной земли и люди, которые с разных дорог либо покидали город, либо двигались к нему. Покидающих город было больше и теперь Глен уже проезжал мимо телег, обозов и спокойно идущих людей. Ворота столицы были все ближе и казались ещё выше, чем прежде. Нареграт стоял на возвышенности, иначе холме и чем ближе ты к нему, тем больше величия исходило от него. Резвая мчалась слишком быстро и Глен совсем не заметил проскаканный путь, но трудно было не заметить столицу Ильдарии, у которой Глен в конечном счете смог оказаться. Встретив Резвую сжатием ног и натянув поводья, Глен перевел её на шаг. Красные, высокие главные ворота столицы были открыты для него, оставалось только добраться до гильдии, хорошо скрытой от посторонних глаз под ремесленным цехом.

– Нам нельзя за стены! Отец отругает. – кричала маленькая девочка двум парнишкам, которые весело бежали от неё за ворота города и терялись в толпе выходивших людей. Глен радостно улыбнулся, смотря на эту милую картину.

– Мы лишь нарвем вам с мамой цветов! – кричали ребята ей в ответ.

Где-то загоготал разжирелый купец, достопочтенно встречая прибывшую карету, кажется с гостями. Справа хворал и кашлял сухой старик с брюквой в двухколесной телеге, а слева пронесся гонец. Встречали Глена стражники ворот, облаченные в стальные колпаки и кольчуги, поверх которых были натянуты лазурные накидки с червлёным соколом – гербом Вельданов. Маленькая девочка всё кричала вслед парнишкам и кажется, среди оживленного гула, её было едва слышно. Но Локрог слышал отчетливо и распознавал что-то знакомое в этой фразе.

– Не убегайте, прошу вас! – её пронзительный, ребяческий голосок вернул Глена к тем дням.

– Глен, не уходи, прошу тебя! Пожалуйста! Почему ты решил уйти!? – она была подавлена и рассержена одновременно. На зеленых глазах проступали слезы и медленно скатывались к щекам. В тот день луна была полной, но ещё не закрылась окончательно. Это был конец двадцать восьмой луны.

– Потому что я не должен был здесь оказаться! – кричал ей Глен и размахисто покидал хижину. Он сердито перебирал ногами высокую траву и полевые цветы, и устремлялся быстрее. За несколько недель проведенных с ними, Глен так и не смог узнать истину, но об одном он точно догадывался.

– Стой! Глен!

– Отстань от меня!

– Стой! Я не отпущу тебя, упрямый! – светловолосая девочка побежала в след за Гленом, слегка приподнимая руками платье сероватого цвета. Её милое, округлое лицо краснело от возмущенности, а тонкие, русые брови злостно хмурились. С того самого дня она не отпускала Глена, ухаживала за ним и бегала по пятам. Он отвечал ей взаимностью и однажды, в сердце Глена заиграла детская влюбленность. Невинная и лишенная предрассудков. Он смотрел на неё сияющими глазами и не мог оторвать взгляда, но понимал, что долго тут не задержится. Поэтому не желал привязываться к ней, но она, будучи уже привязанной, отпускать теперь его не хотела.

– Стой же! – она смогла добежать и резко схватить его руку. – Объясни... почему ты решил уйти? – томно, но всё ещё с особенным злостным взглядом, спросила она.

– Несса! Глен! – издали устало прокричала, вышедшая на крыльцо хижины, её мама. – Куда вы убежали?

– Мы на холм! Скоро вернемся! – прокричала в ответ Несса. Именно так её звали, но Глен все старался забыть это имя и никогда его не вспоминать.

– Только недолго, доченька! Чтобы я вас потом не искала по всей деревне! – кричала вслед Генела, хозяйка приютившая Глена Локрога. Несса не отпускала руку Глена и теперь крепко её сжимала.

– Всё! Теперь никуда не убежишь. – ещё слезливо, но утвердительно сказала она, не отводя нахмуренный взгляд от лица Глена.

– Ты не понимаешь, Несса. Я должен уйти! – отчаянно проговорил Глен.

– Нет!

– Ну хорошо! Я останусь, если ты расскажешь о той песне, после которой, люди перестают чувствовать боль. После которой заживают раны и останавливается кровь; мертвые цветы оживают и возвращается зрение. – твердо сказал Глен.

– Это наш с мамой секрет. – Несса отвела взгляд.

– Думаю со мной можно поделиться. Я и так знаю больше, чем остальные. Все думают о том, что твоя мама вылечивает их целебными отварами, но сама нашептывает над больными одну и ту же песню. А в твоих руках расцвел сухой цветок...

– Это особая песня и мы не просто её поем, но ещё и разговариваем с природой. Она нас слушается и помогает нам исполнить волю текста. – перебила его Несса. – Только никому не рассказывай, хорошо?

Глен молча кивнул головой и взял в свою руку её ладонь. Несса крепко сцепилась и прильнула к его плечу. Её светлые волосы сияющее переливались на лунном свете. У Глена также сияло в серых глазах, а взгляд теперь не отрывался от её лица. Её пухлые, ровные губы чуть подрагивали, а бледная, нежная кожа румянилась ещё сильнее.

– Эта песня досталась нам от бабушки целительницы. Она завещала маме помогать людям, но не отдаваться помощи полностью, иначе мы можем сами погибнуть. Понимаешь,

Глен, чтобы вылечить тебя, мама потратила много сил. – слегка смущенно рассказывала Несса, все сильнее сжимая руку Глена.

– Сил? – недоуменно спросил Глен.

– Чтобы читать этот текст, природа просит отдать ей что-то, словно часть души, иначе целебной силы. Поэтому, мама тогда сильно болела, переняв твою боль от раны. А когда лечила дедушку Бекора, то и сама ослепла ненадолго. – мило говорила Несса.

– Ослеп, всадник? – крикнул где-то внизу стражник. – Ты чего встал в воротах?

– Задумался. – крикнул Глен и помчался вверх по улице, уже очнувшись от своего душещипательного воспоминания. В воздухе всё стоял запах гари, но не настолько сильный, чтобы задохнуться от него. Резвая мчалась и всё звенела подковами по мощным дорогам между улиц и плотно застроенных домов. Из-за этого, Глен ловил на себе рассерженные взгляды людей, которые кричали ему вслед:

– Куда скачешь, болван!

Но Глен не думал останавливаться и всё проскакивал мимо людей, таверн, заведений, лавок и каменных домов. Не замечая ничего вокруг и только смотря вперед, решительно и без лишних мыслей, и воспоминаний. Дорожки стали ещё круче и теперь Резвая перескакивала высокие ступени, а аромат гари, будучи отдаленным, теперь был всё ближе и ближе. Где-то за домами виднелся малый столб дыма и выехав за них, Глен увидел двухэтажное, каменное здание, стоявшее на малой площади между кузницей и таверной. Взор его был направлен прямо на обугленные стены здания и провалившуюся, деревянную крышу, от которой шел легкий дымок. Обугленные балки крыши висели как на волоске. А на вывеске над дверями было написано: «Мастерская ткачей», но вряд ли бы там нашлись ткачи. Только пепел, уголь и несколько пожарных, все ещё тушащих здание. Глен понимал, что теперь конверт тяжелее будет передать, ведь гильдия была объята огнем.

Глен все не упускал из виду картину, которую совершенно не ожидал увидеть. Он словно замер на одном месте, думая о том, что тут могло произойти. Дым все стелился тонкой черной струей над крышей гильдии, умело скрытой от посторонних взглядов зевак и обывателей, которые все проходили мимо Глена и спешили куда-то. Вдали, над крышами домов и заведений, виднелся Облачный замок, издревле принадлежавший Вельданам – единственным правителям Ильдарии. Громадный, с остроконечными лазурными башнями устремленными ввысь, увешанный флагами Вельданов с червлёным соколом на лазурном небе, рассекавшими некогда проплывавшие чистые облака. Облачный замок властно возвышался над остальной частью города. Только теперь вместо чистых, белоснежных облаков, замок покрывался серым и грязным дымом. Запах всё сменялся, а аромат гари легко чувствовался в воздухе. Глен будто был потерян. Замерший в седле каратель не знал сколько времени у него осталось. Глен не позволял себе сдаваться и боролся внутри с сомнениями. Зачинщики были впереди на несколько шагов и это определенно не давало покоя Глену Локрогу.

– Сгорело пару дней назад... говорят все погибли в огне! – подошел кряхтящий, горбатый старик с простецкой тростью в руке. Он говорил медленно и тихо, но пытался негодовать в голосе. Руки его дрожали от старости, голову захватила плешь, а дряблая кожа давно свесилась и уже позабыла о упругости.

– Что вы ещё знаете о произошедшем? – Глен едва пригнулся к старику и только припустил капюшон.

– Больше и нечего сказать. Только, что огонь... – старик чуть прокашлялся. – Разгорался все сильнее и сильнее...

– Вы знаете людей, которые знают больше чем вы? – Глен погубел в голосе.

– Сдается мне... – старик почесал свою зыбину левой рукой, которую достал из под грубой льняной ткани и теперь направил палец на Локрога:

– Что вы знаете больше остальных. Я хоть и стар, но вижу ваш пронзительный, вдумчивый взгляд. Да и вряд ли вам кто-то скажет больше. -старик снова захворал и прокашлялся, но Глен мигом вздернул поводья и Резвая рысью промчалась. Старик лишь прокричал что-то в ответ, на что Глен совсем не обратил внимания.

Звезды Аэрдина

– Догоняй! Тэней! – кричал где-то впереди Эйтель, скачущий между разросшихся стволов деревьев. Кронами они почти тревожили облака, но так казалось только с земли. Чистое, слегка облачное небо своей голубизной радовало душу молодого принца, а утренний, едва теплый ветерок проносился стремительными порывами. Лесной аромат хвои бодрил Тэнея и придавал сил, чтобы сидеть в седле ещё уверенней. Тем временем Эйтель уже обогнул край леса и выехал к мелководу. Лошадь его пронеслась через реку стекающую с горных расщелин, расплескивая воду по сторонам. Его светло-русые, длинные кудри, гладко переливались под пламенными лучами утреннего солнца. Тэней не терял Эйтеля из виду. Хоть он был безусловно быстр и ловок в скачках, выделяло его высокое тело, стройное до того, что ни одна знатная девица не смогла бы оторвать взгляда. Тэней глаз с брата не спускал и словно дышал ему в спину, одновременно восхищаясь им и пытаясь нагнать. Потревожив копытами горную реку, Лошадка резво устремилась вниз по склону у русла реки, нагоняя кобылу Эйтеля. Деревья мелькали ещё быстрее, что несомненно замечал Тэней, стремительно несшийся за братцем, возмнившим себя лучшим конным всадником Дормовии. Погоню Тэнея сопровождал трепещущий шелест раскидистых крон деревьев, а верещание сокола где-то в небе стало негласным кличем.

– Догоняй, Тэней! Иначе снова проиграешь! – снова прокричал Эйтель и радостно захотал, пытаясь подбодрить брата. Тэней же совсем не замечал выкрики братца. Его слова совсем не радовали, а наоборот злили. Поэтому Тэней всё чаще заговаривал лошадь. Его карие глаза с вкраплениями желтых, еле заметных пятен грозно смотрели на хвост лошади Эйтеля, покрытой бледно-золотой попоной. Он уже спускался вниз по лесной тропе, которая вела к овражистому спуску и возвышавшимся луговым холмам. За ними едва виднелись остроконечные башни Темного замка и флаги Клейвеннов. Тэней, набравшись мнимой юношеской смелости, устремился вниз по тропе. Лошадка всё громче стучала копытами, а верещание сокола в небе становилось пронзительным и громким. Лошадь, скачущего впереди Эйтеля, резко остановилась и неожиданно ясный солнечный свет сменился на тусклый белый луч. Рассеивающийся во все стороны, едва освещающий небо над головой Тэнея, которое в миг потускнело. Мрак надвигался из-за гор. Закручивающиеся черные облака неслись быстрыми порывами ошеломленного ветра, словно надвигалась буря. Где-то прогремел гром и глубокие раскаты призвали сотни кривых стрел молний, сверкавших в облаках и ударявших в землю на горизонте.

– Что происходит?! Эйтель?! – кричал брату Тэней, но тот лишь замер на месте, всматриваясь сквозь лозы могучей ивы.

Подле и позади от неё пускали корни прохудившиеся деревья, то ольхи, то осины, которые едва раскинувшимися кронами словно замерли в ожидании чего-то. Даже не покачивались и не трещали, а просто выжидали и не замечали бушевание и затмивший округу мрак повсюду.

– Эйтель! – Тэней теперь точно нагнал брата, схватив его за рукав черной туники. Вышитые звезды Аэрдина будто стали светиться на ткани.

– Ты когда-нибудь хотел увидеть Лифида? Мрачную душу дерева, вечно тоскующую по погибшим, которых он был призван собирать? – Эйтель не отрывал взгляда и говорил размеренно. Даже через чур спокойно. Равнодушно не замечая происходящего вокруг них.

– О чем ты брат? Погляди! Ты видишь, что творится вокруг? Куда ты смотришь, Эйтель? – Тэней был пронизан страхом, бушующим подобно погоде предвещающей скорую гибель всего и несущую непредвиденный гнев.

– Лифид, Тэней... Ты видишь его? Посмотри на иву. Это его голова. Могучая и печальная. Свесившая свои лозы подобно волосам людским.

После слов Эйтеля, ива, которая росла перед ними, в миг почернела от корней. Мрак, обхватывая ствол, ветви и лозы, полностью покрыл дерево, некогда отливающее серебристым цветом. Раскидистая, изогнутая крона ивы стала медленно подниматься вверх. Тэней уже позабыл о том, что происходило вокруг, ведь теперь перед ним восставало могучее дерево. Но прискорбно, что от дерева было лишь название. Читая ещё в детстве сказки и легенды о существах Мардолората, Тэней никогда не подозревал, что однажды встретится с чем-то подобным. Громкий рык прозвучал от кроны, теперь поднимающейся ещё выше над Эйтелем и заставил замолчать разбушевавшуюся природу. Рык был глубоким и протяжным. Сменяясь сильными позывами, от кроны теперь слышался неизвестный Тэнею звук. Он был похож на мычание, плачущее и молящее на странном языке. Возможно это был совсем не язык, а звук печали и душевной боли. Глубокой, просящей и непредвиденно ужасной до того, что кожа Тэнея стала холодеть, словно находилась на морозе, а пробежавшая дрожь по спине, ринулась к голове, вздрагивая короткие волосы.

– Это его голова, Тэней! Голова Лифида! Ты же всегда хотел увидеть наяву подобное существо из мифов и легенд. Узри же, Тэней! Перед тобой восстала одна из страниц сказочных книг.

Под голос Эйтеля, мучительное своими завываниями существо, называвшееся Лифидом, полностью восстало и кажется поднялось на ноги. Вот только у него не было ни ног, ни рук. Даже тела у него не было. Он словно стал парить над землей. От кривой кроны, которая служила ему головой, протягивалась длинная, темная вуаль мрака. Почти прозрачная и отливавшая чем-то серебряным. Прежние лозы засветились ярким светом, чистым и белоснежным, и полностью покрыли его лицо, которое было едва заметно.

Мычание усилилось. Огромная сущность глухо о чем-то просила, обращаясь к Эйтелю и все завывала, мычала и снова завывала. Под его лозами было мрачно как в глубоком колодце, ночной темнице или на темной лестнице. Там несомненно была ночь. Обомлевший Тэней будто был окутан мраком. Он был везде. Позади и рядом, но не перед ним и не внутри.

Только звезды Аэрдина на тунике Эйтеля и лозы от головы ужасающего существа освещали нечто странное. Слишком страшное, чтобы осознать. Только просящее мычание: потустороннее, неведомое. И взгляд Эйтеля. Улыбающийся взгляд. По прежнему его лицо было спокойно и равнодушно. Словно он понимал того, кто стоит над ними и теперь раскрывает тонкую, прозрачную вуаль темноты.

– Попробуй догнать меня во мраке, Тэней. Лифид открывает ничто и мне суждено войти туда. Ты согласишься пойти со мной в ничто? В вечный мрак внутри Лифида? – Эйтель добродушно улыбнулся.

Тэней смотрел в глаза брата, но сжимал крепче его рукав, не собираясь отпустить.

– Нет! Нам нельзя во мрак, Эйтель! Бежим пока не поздно!

– Уже поздно бежать, Тэней. Мы уже во мраке. Лифид зовёт нас войти через него к ничему. Он тоскует по нам. Происходящее глубоко ранит его. Наши души уже потеряны, поэтому Лифид терзается и воспекает о боли. Но такова воля и Лифид ничего не может сделать, кроме как впустить нас. Ты готов, Тэней? Попасть в вечный мрак?

– Мы навечно улетим вместе с Дивной к незыблемому царству великого стража? Мы разве умерли, Эйтель? И это совсем не те врата...

– Нет, Тэней. Это не Дивна пришла по наши души. Лифид пропускает нас совсем к другому месту и там нет ничего. Но там есть такие как мы. Такие же души, окунувшиеся однажды во мрак и оказавшиеся там, где никогда ничего не было. Они потеряны Тэней и уже не пустятся в вечный полёт.

– Нет! Я не хочу туда, где вечно темно и страшно. Холодно, Эйтель... Мне холодно... – оцепеневший Тэней всё смотрел на ужас во плоти. Тонкая прозрачная вуаль теперь искрилась и переливалась мелкими огоньками. Увиденное сильно его заворозило, пока Лифид снова

протяжно не замычал. Волосы вздыбились, а рука его дрогнула, как и взгляд. Потерянными глазами Тэней взглянул на брата, но на его лица не было ничего. Никаких эмоций. Он будто был трупом, но уже совсем не теплым. Глаза его были холодны до того, что в них можно было разглядеть едва проступившую синеву.

– Решайся! Отпусти мою руку и оставь меня. Либо сожми крепче, чтобы не потерять меня во мраке. – без каких-либо эмоций проговорил Эйтель и бросил взгляд во мрак исходивший из открывавшихся врат завораживающего ужаса.

Тэней ещё раз взглянул на светящиеся лозы головы Лифида и увидел, как серебряная, прозрачная вуаль полностью открылась, словно врата в темноту. Там не было ничего, кроме черного, мрачного и издающего истерзанные звуки. Души, что были там кричали. Они завывали так громко и так ужасно, что Тэней испугался ещё сильнее и отпустил руку Эйтеля, пытаясь закрыть уши. На этот жест, Лифид замычал грозно, но в миг снова пришлось мольбы. Мычащие мольбы мрачного существа.

– Прощай, Тэней. – спокойно сказал Эйтель, раскинув руки по сторонам. Он был готов отправится к ничему. Во мрак к завывающим в нём потерянными и умершим душам.

Вместе с лошастью, мрак во вратах Лифида стал втягивать Эйтеля под истерзанное мычание, которое сменилось дикой болью и глухим плачем. Только плакал ни Тэней, ни Эйтель, а ужасающий, вселяющий ужас потусторонними звуками Лифид. Легендарное существо, часто появляющееся в сказках Мардолората. Призванное собирать с полей, лесов и земель давно умершие души, оставленные первым ликом великого стража – Дивной. Но страж будто был не здесь и вряд ли бы оказался тут когда-нибудь.

– Эйтель! – кричал Тэней брату, уходящему во врата Лифида.

– Отпусти его!

– Нет ничего прекраснее, чем увидеть мрак своими глазами. Окунуться в темноту, где нет ничего. Ни света, ни надежд, ни забот. Только вечное ничего. Ничто...

– Эйтель! Эйтель! Эйтель! – Тэней пытался орать, но мычащий, огромный Лифид перебил его, а лозы свисавшие с его кроны стали тухнуть. Как стали тухнуть звезды Аэрдина на плаще Эйтеля. Слезы проступили на глазах маленького принца и мгновенно стали замерзать на его щеках. Дрожащих от неведомого страха. Незыблемого и нескончаемого.

Когда последняя звезда на гербе Клейвенов потухла, Тэней и вовсе потерял из виду Эйтеля. Мрак полностью охватил его, а последним Тэней увидел испаряющиеся врата и искры. Белые и чистые. Рассыпавшиеся на тысячи ещё более мелких искр.

– Эйтель! – Тэней всё кричал, словно раздирал глотку внутри. Громко и чётко. Мрак полностью закрыл ему глаза и теперь кроме темноты не было ничего.

– Эйтель... – Тэнею послышался глухой голос.

– Он бредит уже несколько часов и только повторяет одно единственное имя. – кто-то тихо и спокойно говорил рядом. В мужском голосе слышалась горечь и он был знакомым.

– Что могло побудить такого юного мальчишку на воровство? Или кто? Может этот самый Эйтель? Неужто его подельник? – голос мужчины погрубел, но все ещё оставался тихим.

– Может он говорит о принце Эйтеле Клейвене, отец? – второй голос был женским. Нежным и томным. И он был ближе.

– Наверное это так, дочь. Имя Эйтель в Дормовии имеет только один человек и он из рода Клейвенов. Дождемся стражников и цирюльника. Они вот-вот придут и заберут вора. – слышалось, что мужской голос был раздражительным и будто потерянными.

– А вдруг это принц Тэней! – с особенной радостью в голосе воскликнула девушка. – Ты же помнишь про сбежавшего принца?

– Даже если и так, то нам нечего печься об этом. Ступай дочь, уже поздно. Я сам их встречу.

– Можно в последний раз? Обещаю, никому не расскажу... – голос девушки молил и становился ещё нежнее, словно теперь ласкал уши. Тэней отчетливо ощущал холодок на спине, руках и ногах, но приятный голосок заставлял его тело расслабляться. Будто теперь принц не чувствовал боли. Не зря поговаривают, что женский голос как и лечит, так и истощает, вытягивая все жизненные силы.

– Илида... – он сказал это на выдохе. – Ну разве можно отказать такой красоте? Только в последний раз, дочь. – мужчина явно радостно ухмылялся.

– Иниса... – в глазах Тэнея всё ещё было темно, но кажется он ощущал тусклый, бьющий по векам свет.

– Нет, меня зовут Илида. – после едва скрипнувших половиц, чувствовалось, что девушка села на кровать.

– Он так красив, отец. Так глуп, так юн, но беспредельно красив. Вот бы увидеть его глаза... – голос её чуть содрогнулся, а затем последовал трудный и прерывистый выдох.

Тэней снова почувствовал то, что ощущал после падения в библиотеке. Легкое и нежное касание рук, только теперь грубых и сухих. Он улавливал некую теплоту в своей ладони и расслаблялся ещё сильнее. Надежда была стойкой, но мимолетной, как и его любовь к Инисе. Но вряд ли теперь стоит говорить о надежде. Сердце Инисы разбито. Глупо и ошибочно.

– Прощайте принц Тэней... – дрожащее вымолвила она и половицы снова скрипнули, а в лицо Тэнею подул слабый ветерок.

– Спокойной ночи, Илида. – томно проговорил мужчина. Не было сомнений, что это пекарь. Добродушный и улыбчивый.

– Принц Тэней... Лишь бы не принц и не Тэней. – шепотом проговорил мужчина и кажется зашагал по скрипящему полу.

На мгновение голос пекаря замолчал и вокруг появилась тишина, которая редко развеивалась собственным дыханием Тэнея. Руками он ощущал грубую ткань, а в воздухе разбирал аромат тлеющего воска и нотки моря. Где-то было не затворено окно и ветер, такой, что легко и нежно развеивал тонкую ткань, заходил внутрь, чтобы напоминать Тэнею о его цели и зазывать на очередной подвиг. Тэней уже хотел открыть глаза, но даже мысль об этом была слишком болезненной. Он был где-то между мраком и реальностью. Все ещё там. Рядом с Эйтелем. Возможно все ещё рядом. У ворот, что были отворены Лифидом. Мрак был чарующим и окутывал подобно воде, но Тэней ощущал теплые лучи света, которые излучались от свечей и фонарей в помещении.

– Что-то долго никого нет. Тревожно мне, принц Тэней. Молюсь, что ты не принц. Иначе беда будет в моём доме... Страшно, мне великий страж. – неожиданно зашептал пекарь. Тэней снова четко улавливал его голос.

– Мудро ли поступил я? Подарив юноше кров, еду, питье и заботу? Спасён ли я теперь? – радостный голос сменился и стал подрагивать. Тэней хотел ответить мужчине, но слова застряли где-то глубоко внутри. Он все ещё видел мрак.

– Или слеп, как убийца? Продавая выпечку за своей лавкой, когда вокруг только и всучивают рыбу, раков да черепах. Косые взгляды всегда меня не радовали, но чего уже поделывать... Только и молю, чтобы Илида горя и страха не знала. А этот малец страшит и печалит меня сильнее прежнего. Но только не за его жизнь пекусь, а за её. Мудр ли я, великий?

Шепот пекаря только и звучал в ушах Тэнея. Он будто видел его во мраке сквозь теплоту от лучей, знатно тревожащих его закрытые от реальности глаза.

– Обманул её и себя тоже. Нужно было позвать стражу, а не верить его издыхающим глазам и молящему голоску. Старый болван! – тихо ругал он себя, но и не думал тревожить спящего Тэнея. Знал бы только, что принц все слышит, наверное и думал совсем иначе.

– Защити нас Долра, укрой нас Дивна, окутай нас Лонтара и забери нас Рилла... – шептал он под нос отрывки молитвы, словно содрогаясь.

– Спаси нас страж... Обрати величие своё, взгляни неравнодушным взглядом, убереги от страха смерти. Ты воздух, ты земля, ты вода и душ наших спутник. Пусть твой взор сегодня не пропустит нас, не затмится мраком и сомнениями. Мне страшно великий... – он говорил медленно перебиваясь воздухом. Пекарь молил и чего-то боялся.

Неожиданная, дикая боль в голове попыталась пробудить тело молодого принца. Вздутые вены и капилляры под коркой раны, которые пульсировали словно барабаны и все били, и били, чтобы Тэней ежеминутно пробудился.

– Защити нас великий страж. Прошу тебя... Я достаточно отдал этому миру, чтобы умолять о просьбе. Защити Илиду и этого мальчишку. Пусть его намерения сбудутся, а путь к южным землям будет спокойным. – продолжал содрогаться в голосе пекарь.

– Спи... Спи юноша. Обещаю тебе помочь, как только раны твои затянутся. Сжалился я над тобой неспроста. В долгу ты теперь у меня... – прошептал пекарь, но уже где-то совсем рядом. Стараясь выдать хоть что-то похожее на слова, Тэней же в ответ слегка промычал в густом мраке.

Повеяло свежестью, но совсем не утренней. Кажется, на дворе уже был вечер, а Тэней все не мог прийти в состояние достойное принцу. Ему становилось горестно за пекаря, но он не понимал почему тот невзначай стал молиться. Мысли тяжело доходили до Тэнея с пульсирующей болью внутри. Словно каждая мысль была сгустком крови, которая то и дело сочилась из его побитой головешки, и медленно стекала сквозь волос. Боль не давала Тэнею думать, поэтому он прислушивался к звукам. Морской, свежий воздух резко обдул лицо Тэнея, да так, что он почувствовал его каждой частью лица.

А после все снова затихло. Пекарь больше не шептал и не страшился где-то неподалеку. Легкий, морской ветерок стих, а свечи одна за другой стали тухнуть и теплота лучей, все ставшихся пронизать тяжелые веки Тэнея, стала медленно угасать где-то во мраке.

Нос все ещё ликовал от аромата моря, соли и морской пены, а уши неожиданно слышали новые голоса, но сколько времени прошло Тэней понять не мог. Он был не в состоянии что-то понимать и только слушал звуки движений, завываний ветра и трещащего скрипа половиц.

Дверь со скрипом отворилась и впустила насыщенный холодный воздух. Потом снова закрипела и кажется кто-то вышел, захлопнув её за собой. Но так только казалось. Во мраке было трудно различить звуки, но голоса слышались отчетливо. Появившиеся из неоткуда они были громкими и звонкими. Даже не старались соблюсти покой. И не сделали бы так и после.

– Кто вы такие? Почему не постучались?! – неожиданно воскликнул пекарь.

– Молишься? – возвысился громоподобный голос незнакомца. – Мы тоже помолимся за твою душу!

Половицы стали скрипеть чаще. Людей было несколько и они затоптали.

– Убирайтесь отсюда, живо! – возгласил пекарь.

– Эй, Шобо! Это же он?

– Да. Плешивый и с длинными усами. Это его лавка. Лавка пекаря! – проговорил уже сиплый голос.

– Что вам нужно?!

– Твоя дочь! – громоподобный голос твердо заявил.

– Где твоя сучка?

– За что, великий... За что... – прошептал пекарь.

– Ищите суку в доме! Хватайте все! Еду, питье. У тебя же есть питье, пекарь?

– Убирайтесь! Илида, беги сейчас же!

– Не бойся обоссанец. Она прибежит только в лапы нашей банды! Ох как мы развлечемся в море!

Половицы скрипели с невиданным напором. Ветер ещё сильнее пронесся у лица Тэнея. Внутри него поднялась тревога, такая же стремительная, как и морская свежесть ударившая в нос. Он чувствовал опасность и боязнь, но никак не смог бы помочь пекарю.

– Нет! Не троньте её! – тревожно воскликнул пекарь, а за его голосом проступило резкое издыхание и легкое мычание. Звук, похожий на вонзившуюся сталь в плоть был мгновенным и Тэнею стало ещё хуже. Он всё отчетливо разобрал в своем мрачном сне, но никак не мог открыть глаза. Шум, который теперь доносился от неведомых людей стал громче и будто не собирался выходить из ушей, а только давил и усиливался. Тэней словно горел внутри и снаружи. Ему было страшно и он решил, что нужно просыпаться. Нужно покидать бесконечный мрак и темноту внутри сознания, но как перешагнуть, как преступить барьер, за которым кончится темнота и вернется ясность со светом, Тэней не знал. Он лишь пытался, но кажется всё было без толку.

– Спасибо за доченьку. Мы славно позаботимся о ней! Как и о других невинных дочек. – ехидно и злостно проговорил некий человек. Но от человека был лишь облик. Остальное принадлежало зверю.

– Илида... Беги...

Тяжелый грохот на пол где-то слева. Половицы разом скрипнули. Протяжный женский крик где-то справа. Нежный голос залился горем и страхом.

– А это кто ещё? – сиплый голос спросил. – Дергается, как рыба на суше. Ещё и раненый. Что с ним будем делать?

– Пригодится на корабле. Будет отлавливать крыс в трюме и драить палубу. Морской воздух и соль быстро его излечат. – громоподобный голос заявил.

– Тащите и мальчика тоже!

Тэней не смог что-либо сказать. Не смог помочь. Даже не смог открыть глаза. Он был беспомощным, бессильным. Таким, каким видел его отец. И был безусловно прав. Как и Эйтель, который ясно говорил о людях за стенами замка. Тэнею теперь стало понятно только одно – все ему старались помочь, но он лишь знатно им насолил.

По воле великого

– Что у вас сегодня на ужин?

– Из горячего овсяная похлебка на мясном бульоне и цыплята с фенхелем, а ещё...

Глен махнул дряблой ладонью и даже не посмотрел на хозяина.

– И то, и другое. И две кружки эля. – сказал он утвердительно перебив, не отрывая глаз от толстого стола. Голова его была преклонена на левый бок. Лицо не проявляло эмоций и было недвижимым настолько, что вряд ли бы он обратил внимание на что-нибудь. Только и смотрел, вода глазами по узорам на дереве, как и мыслями в напряженной голове. Локрог совсем не подозревал, что могло бы произойти дальше. На его пути появилось ещё больше сомнений и темноты, и теперь любой неожиданный попутчик, случайно свернувший и попавший на тернистую тропу Глена, мог стать весомой опасностью.

– Хорошо, ожидайте. – худощавый хозяин, с бледной кожей и впалыми щеками, уже собрался отходить от стола за которым сидел Глен, как вдруг резко наклонился.

– Гонец приходил двумя днями ранее. Спрашивал у меня и вынюхивал. Вы наверное должны знать сколько эскулей мне пришлось потребовать, но плата слишком щедра для таких вестей.

Потерянный взгляд Глена стал понемногу собираться и на услышанное он ответил:

– Сколько?

– Двенадцать. – хозяин отклонился и обернулся на подозвавшего его посетителя.

– Заплачу двадцать, если в вестях будет больше деталей. – в голосе Глена появилась грубость. Взгляд же полностью собрался и будто теперь остро пронзал удивленные глаза сморщенного хозяина.

– В полночь. – кивнув головой, сказал хозяин таверны, находившейся в паре кварталов от сгоревшей гильдии, укрытой под ткацкой мастерской.

Время до полночи тянулось, словно затаившись в ожидании чего-то. Либо пыталось отсрочить то, что ожидало всех со дня на день. Глен понимал всю череду событий, но никак не мог за что-нибудь зацепиться. Дорога к королю опасна, как и к ордену паладинов, и теперь точно неизвестно, кто на чьей стороне. Раз гильдия сожжена, а каратели Ильдарии канули во мраке обернувшись тенями, то положение дел неисправимо. Только конверт и один единственный каратель, надеющийся, что ближайшие вести будут полезны.

Двери таверны были открыты и впускали уже не свежий воздух. Аромат гари и дыма легко разносился вечерним ветром. И люди стали обращать на это внимание. Сидевшие в таверне несколько простолоюдин разносили слухи достаточно громко и явно негодовали. Глен же внимательно их слушал. Видимо эти слухи уже ходили по всей столице.

– Говорят, что западные земли, во владении Гардмарского графа, полностью сожжены, а тысячи людей идут к столице из Амратских земель. – патлатый простолоюдин в каштановом кафтане был ошарашен. Глаза его бегали, в голосе слышалась тревога, а пот со лба стекал не от горячего блюда перед ним. Двое других, сидевших напротив него, внимательно вкушали его речь и только кивали головами.

– Нужно забирать семьи и уходить. Столько беженцев тут не поселить. – утверждал второй.

– Согласен. Принесут с собой голод и оставят нас без жилищ! Нельзя здесь оставаться. – третий погрубел в голосе и ударил кружкой по столу, от чего эль запенился и стал медленно вытекать.

Почти все столы были заняты. Людей в таверне было много и гул стоял ошеломленный. Словно за каждым столом обсуждалось будущее каждой семьи и каждого дома. С напором, негодованием и тревогой. Только Глену это было чуждо. Семьи давно нет, своего дома так и

подавно. Домом для Глена был любой участок земли Ильдарии, потому и волновала его судьба королевства. Эту землю он клялся защищать. Этим людям обязывался оберегать. Столько рабочих рук и славных умов. Тысячи ремесленников и тружеников. И еще больше матерей и подрастающих детей. Вокруг него были те люди, которые стали бояться и теперь только молились. В надежде, что времена переменятся, а невзгоды так и не затронут их семьи. Тысячи невинных людей разного пошива ожидала нелегкая судьба. Но надежда была среди них. Ходила словно тень и слушала их завывания, и просьбы. Чувствовала тревогу и беспокойство. Слышала всех и проговаривала у себя в голове: «Мой долг, моя жизнь, моя вечность».

– Безумство. Оставить все, что нажил непосильным трудом. Руки мои никогда не тряслись, как сегодня. Поглядите! Вы видите? Не готов я скитаться с женой и двумя детьми... – расстроено говорил первый.

– Послушай, Килин. Мы должны идти вместе. Нужно собирать людей! Всех неравнодушных и идти туда, где все ещё есть покой. – тот, что сидел рядом сказал не так громко.

– Но где же наш король? Почему Урнер все ещё молчит? – сидевший спиной к Глену заговорил ещё тише. Люди теперь стали шептаться и оглядываться по сторонам. Будто словно затаивались, как и погода за окном. Легкий ветер с дымом предрекал грозную бурю к ночи. Все-таки теперь в запахе появился аромат свежей, надвигавшейся где-то тучи, несшей в себе реки дождя.

– Почему Урнер молчит? – шепотом проговорил Глен, повторив вопрос знатно выпивавшего мужчины. Действительно, в этом была определенная странность. Король, даже находящийся под подозрением, обязан был выйти к столичному народу и объявить Нареграту о том, что происходит. Но такого не произошло. Иначе бы глашатаи твердили без умолку на площадях столицы, всё зазывая людей послушать особенно важные вести. Странностей становилось всё больше, но понятно было только одно – магистр Юндар не мог так просто придаться огню. Он точно где-то здесь и возможно уже в Облачном замке.

Размышления Глена прервал подошедший хозяин. С момента заказа прошло не менее получаса, но для Глена словно минута. Сначала он оставил на столе плошку с похлебкой, в которой плавал картофель, овсяная крупа и горсть различных трав. Запах мясного бульона и крупы наполнил нос Глена, от чего все мысли отошли на второй план, а живот радостно проурчал. На вид похлебка была весьма непривлекательна. Бледно-серая и вязкая, но как говорил каратель Пирнек: «если будешь с голоду – съешь всё, что видишь, но важно не забывать о рассудке». Оно и верно. Еда также дурманит, как и обнаженная, страстная женщина. Поэтому любой каратель всегда был на чеку и не предавался наслаждениям и соблазнам. Даже когда ел, испражнялся или возлежал с женщиной. Застать врасплох можно было кого угодно, но только не карателей священных гильдий.

После хозяин поднес широкое блюдо с небольшой тушкой цыпленка и две кружки эля. Настолько тяжелых, что его рука немного потряхивалась от напряжения.

Где-то позади неожиданно раздалось громкое восклицание:

– Чтоб дети грома не боялись!

А в ответ хором:

– И не срались!

– Сегодня особенный вечер, – улыбаясь, хозяин поставил блюдо и эль у плошки с похлебкой, а сам не отрывал взгляда от радующихся, пьяных постояльцев.

– Уже месяц меня так щедро не одаривали.

– Люди тревожатся, поэтому и пьют как не в себя. – не радостно заметил Глен. Он сидел ровно. Не дергался и не вертелся, а лишь слушал каждый пьяный звук. И позади раздался грохот. Что-то очень тяжелое упало на пол, а за падением раздался протяжный и громогласный хохот десятка людей.

– Вставай Дари! Не спать! – еле сдерживая смех, сказал один из постояльцев за столом позади.

– Вряд ли скажешь, что эти люди тревожны. – ухмыльнувшись, добавил хозяин.

– Наливайте им больше и они насовсем забудут о семьях, детях и о мыслях, посещавших их головы ранее. – без каких-либо эмоций проговорил Глен и принялся вкушать, а хозяин отклонился к пьяницам позади.

Еда была вкусной, но о вкусе Глен не думал. Только и старался быстрее всё прожевать и проглотить. Запив всё двумя кружками эля, Глен снова бросился догонять уже покинувшие его мысли. В этом, совсем не простом деле ему помогал Арлинтерский табак. Плотный набитый в трубку и по-особенному пахнувший ароматом изысканной, засушенной травы. Раскуривать табак на глазах простолюдин считалось грубым нарушением среди карателей. Поэтому курили только тогда, когда представлялись купцами или богачами, или совсем не на виду у людей. Иначе могли бы поползти слухи о курящем, так как табак стоил много не мало с десятков эскулей, а это уже грабеж в глазах народа. Такие слухи карателям были ни к чему. Дождавшись, пока последний в замаранных домотканых штанах постоялец не покинул таверну, Глен все-таки закурил, а к его курению присоединился хозяин. Закрыв заведение, которое имело забавное название «Дырявая кружка» и потушив почти все свечи, хозяин присел напротив. К их диалогу приближалась отстающая туча.

– Хольт. Помню тебя. – сухо сказал Глен.

– Локрог ведь? Твои серые глаза сложно забыть. Мне и не нужно было тебя проверять. Твой плащ мне знаком, поэтому я сразу подготовил свой кисет.

– Мне определенно повезло, что ты все ещё слушаешь для гильдии. Не зря пришел к тебе.

Суховатое, аккуратное лицо хозяина малость заросло выступившей щетиной. Лукавые глаза ехидно блестели от разыгравшейся радости внутри. Такой же хитрой, как и его улыбка показавшая желтоватые зубы.

– Представляешь, Глен. Мои карманы неожиданно опустели к твоему приходу. Отчетливо вижу, что ты здесь по зову сердца. Но я же – по звону монет.

Глен лишь фыркнул в ответ:

– Знаю. Ты точно слышал, как звенел мой кисет.

Хозяин был в здравом настроении. На нем была бледная рубаха опоясанная тонким кожаным ремешком, окаймленная на рукавах незамысловатыми узорами. Длинные и сальные волосы едва прикрывали полуоткрытый, острый рот. Он зажег свечу на столе и свет от неё осветил толстый, кривой нос и нахмуренный лоб.

– Так что же ты слышал, Хольт?

– Сначала деньги. Весть слишком ценна. – проговорил он тихо, но несколько зловеще.

– Ты же знаешь, Хольт. Если вместо вестей ты продашь ложь, то мне придется вернуть свои деньги обратно. Голова твоя, кстати, тоже пригодится. Буду пинать её по дороге, пока не пересчитаю все эскулы. – пригрозил Глен, но словно равнодушно.

– Чистильщики... – буркнул он под нос недовольно. – Только и умеете пугать.

Глен посмотрел в окно и ворчливым голосом грубо приказал:

– Рассказывай.

После раздавшегося раската грома, Глен несколькими затяжками выдул клубы табачного дыма над собой. В этот момент по окнам стали стучать капли ночного дождя, а свет молний на миг осветил двоих за столом.

– Двумя лунами ранее приходил гонец и показал печать. Это был Роза – ваш посыльный из гильдии. Раньше он здесь не появлялся, но печать дала мне понять, что он свой.

Хольт немного пригнулся над столом:

– Приземистый, на гнедой кобыле с золотистой гривой и у него была весть для меня.

– Весть? – Глен удивился и глубоко затянулся. – Разве ушам рассказывают вести?

– Вот и задумался. Показался он мне странным. Дерганным и несдержанным. Смотрел ещё по сторонам, оглядывался. А весть была ещё страннее. Сходу он представился: «Я посыльный из городка, что под ткацким домом. Колкая Роза должен передать вам послание»

– Ничего не понимаю. Это даже не удивительно, а глупо...

– Не спеши, Глен. Он продолжил: «Если нити вдруг загорятся, то передайте послание любому, кто захочет порыться в пепле. Там нет воды и нет камней, но только истинный знает, что там был вход». Он протянул руку и дал двенадцать эскулей, а после просто ускакал. Представляешь?

– Интересно... – Глен выдул дыма и неспешно поднял голову, в которой уже созрел правильный ответ на загадку. Хольт точно об этом не должен был знать, поэтому послание передали именно так. Значит в городе есть шпионы и к Хольту присмотрелись.

– Ты не замечал каких-нибудь странных людей после этого? Может кого-нибудь подозрительного? – освещенный после очередной вспышки молнии Хольт, бросил взгляд вниз и тяжело задумался. Губы его стали поджиматься то к левой, то к правой спайке.

– Нет. Точно нет. Ко мне заходят одни и те же лица. Не было тут кого-нибудь подозрительного.

– Кто приходил до пожара и что ты слышал о нем?

Дым повис в воздухе над головами, которые были изрядно напряжены. После ещё нескольких свечений Хольт заговорил:

– Половину. – сказал он твердо.

Глен молча достал из внутреннего кармана кафтана кисет с золотыми и кинул на стол перед Хольтом.

– Пересчитаешь сам. У нас мало времени.

– Да тут ровно двадцатка! – удивленно ответил Хольт, перебирая золотые монеты с отчеканенным королем Урнером Вельданом. – Ты отдаешь все?

– Мне они больше не пригодятся. Ни сегодня, ни завтра.

– Ясно. До пожара приходил Юндар и спрашивал про королевских гостей. С неделю назад наш король принимал некую свиту из состава Ниарской знати, но даже дураки бы поняли, что это не Ниарцы.

– Великанов среди них не было?

– Именно так, но об этом никто не знает. Кроме Хольта, разумеется. Потому что только Хольт знает все! – хрипловато воскликнул хозяин Дырявой кружки, пересчитав все монеты и засучив их за пояс.

– Ещё. Хольт. – Глен посмотрел на него пронзающим взглядом.

– Их принимал принц Арнис, но не король. И странно только одно. Сие тщательно укрывалось от любого взгляда, но мои глаза глядели сквозь стены.

– А что после?

– После было затишье. Слышимость пропала, пока ткацкая не загорелась алым пламенем. Его тушили слишком долго и потушили только вчера вечером. От трупов остался только пепел. А сегодня ко мне прибыл ты. Больше нечего сказать, даже если бы у тебя были ещё деньги. Разве, что стражу усилили по столице войсками и ополчением.

– К чему бы это?

– К тому, что уже завтра начнутся празднества шестьдесят седьмых именин Урнера и будут идти несколько лун.

Глен неважно выдохнул и снова затянулся:

– А свита все ещё не уехала.

Глаза Хольта забегали:

– Кажется, что-то назревает, Глен?

– Уже давно назрело. Не смотрел сегодня на небо? Не чувствовал запах дыма? Юг и запад уже сгорели. – слишком раздраженно выпалил Глен.

– За это я не беспокоюсь. Ты же сам знаешь, чем больше людей в городе, тем больше посетителей в моей таверне, а вернуться они всегда успеют. – с острой улыбкой на лице сказал Хольт.

Молнии снова сверкнули за окном, осветив подёргивающиеся руки Хольта. Глен это заметил. Раскаты грома сменились на глубокие, да такие, что окна таверны затряслись, а дождь полил ещё сильнее. Возможно слишком рано. Слишком.

«Там нет воды, там нет камней, но только каратели знают, что там был вход» – проговорил он у себя в голове. Глен знал, что это за место, но странно, что его не сменили в виду сложившейся обстановки. Магистр Катель Юндар всегда все продумывал наперёд, но в этот раз словно был слеп. Глену не оставалось ничего, как пойти и проверить одно из убежищ карателей. Теперь он имел стойкое понимание того, где стоит рыскать. Убежищ по Нареграту было несколько и каждое могло быть под надзором. Теперь в этом не было сомнений.

– У меня все, Локрог. Надеюсь, что твои карманы не продырявятся к следующему приходу в Дырявую кружку! – радостно прохрипел хозяин.

– Твой рот такой же дырявый, Хольт, как и название твоего заведения. – ехидно приснул Глен.

– Славной ночи тебе. И пусть наша щедрость позволит проснуться нам утром.

Равнодушно проговорив, Хольт встал из-за стола и нахмурено добавил:

– Только выходи в северную дверь.

Глен затыкнулся в последний раз и всучив трубку под поясок тоже встал, и не сказав ни слова ушёл к двери.

Хольт только и стоял снова освещенный светом, словно ждал ответа.

Глену следовало сказать, что столицу нужно спешно покидать, но Хольт совсем не внушал доверия. Он мог и лгать по принуждению. Хоть и был ушами гильдии довольно давно, беря весомую плату за сведения и только несколько человек могли эту цену перебить.

Затворив за собой двери «Дырявой кружки», вывеска которой поскрипывала на козырьке, Глен вышел под проливной дождь и его синий плащ мгновенно промок, а сапоги тут же набрали воду. Хлюпая, Глен отправился вниз по улице. Шаг его был быстрым, но размеренным. Под удары молний где-то над Облачным замком, который возвышался над остальной частью города, осветились его лазурные, остроконечные башни. Флаги, что развевались на тонких шестах, показали темную лазурь с трепещущим червлёным соколом.

Под стенами проливного дождя на улицах не было никого. От квартала к кварталу, от проулка к проулку Глен шагал слишком быстро во мраке. Только иногда попадались фонари, висевшие под навесами и освещающие крыльца, но для Глена попасть под свет было слишком опасно. Ночью столица спит, но только не тени во мраке. Там в темноте достаточно глаз, выслеживающих мелькавшего Глена и ему подобных. В этом не было сомнений. Даже вранье Хольта было предостережением, нежели ловушкой. Он точно хотел помочь и Глен это понимал.

Теперь он ступал осторожно, выглядывая за каждый угол, внимательно следя за хвостом и изредка поглядывая на крыши домов. Спускаясь дальше вниз, Глен все отдалялся от Резвой, которая могла пригодиться в любой момент.

Воды на нём было больше, чем в сточных канавах столицы. Сапоги, как и одежда ощущались тяжёлыми, громоздкими и плотно прилежавшими к телу, но Глен даже и не думал об этом. Шустро пробежав по лужам и прижавшись к стене с характерным, стальным звуком скользнувшего по камню наверх, каратель рискнул быть замеченным. Благо никого не было поблизости. В этом мраке, завешенным нескончаемыми стенами дождя, невозможно было что-либо услышать или разглядеть. Если только не попасть на освещенную улицу, которая как раз вела к тому месту. Света от фонарей было не так много, но достаточно, чтобы увидеть городскую

стражу. Пятеро в кольчугах и черепниках, а на грудинах трепещущие червленые соколы на лазурных сюрко. В руках по алебарде на красных древках и грозный вид. Они шли по улице в сторону выглядывавшего из-за угла Глена и проверяли закоулки. Звук разбивавшихся капель о стальные шлемы слышался уже совсем рядом, стражники развернулись и пошли на спуск по улице. Это была единственная дорога к тому самому месту. Там нет воды и нет камней, но там всегда был вход. Возможно сейчас воды там поднабралось, но войти туда не составило бы труда. Глен все ещё помнил улицы Нареграта, но даже в таком мраке их было сложно различать. Обогнуть эту улицу было бы слишком долго, поэтому он уверенно решил идти за ними.

Напор напряженных ног подходил к рукам пульсами, словно с ударами молотка о сталь. Руки наливались кровью неспешно, но были готовы. Глен всучил руку под плащ и обхватил рукоять арбалета. Его вряд ли можно было бы заметить, но вот меч... Теперь рукоять его торчала с другого бока и о скрытности можно было позабыть.

Глен быстро шагал и вот-вот был в нескольких метрах от стражников. Его они не заметили, но пройти дальше незамеченным было невозможно.

– Эй! Стража! – крикнул он им в спины.

– Эй! Не слышите! У Дырявой кружки напали на конюха и украли всех лошадей. Вам стоило бы сходить туда.

Неторопливо развернувшись, стражники уставились на мужчину в плаще. Правая нога его была выставлена так, будто он встречал гостей. Но видимо гостей они не ждали.

– Обозначься! – крикнул тот, что стоял горой, а с темной его бороды дождь стекал подобно пиву.

– Хольт! Хозяин заведения рядом с произошедшим, чудовищным событием! Понимаете, среди всех лошадей была и моя. Может вы ещё успеете поймать того, кто их украл? – уже не так мастерски играл Глен, стараясь хрипеть и явзвить как Хольт.

– Знаем кружку. Пили там! Это правда, Хольт? – один из стражников видимо повелся и подошел ближе. Глен только и успел убрать руку с рукояти, и резко припрятать выступивший меч.

– Не стал бы никогда врать своим посетителям. Слыхал несдержанные крики и проглядывал в окне нескольких людей тащащих бушевавших коней за уздцы. Поторопитесь! Даю слово щедро вас наградить бесплатным ужином и выпивкой. Да хоть и завтраком! – на последнем Глен слишком рискнул. Хольт хоть и мог расщедриться, но точно не до такой степени. Да и завтракали ли стражники, если были в карауле с ночи?

– Точно ты, Хольт! Побежали парни! Найдем засранцев! – приказал подошедший стражник и они побежали как рохли под тяжелыми каплями дождя. Никто и не подумал окинуть Глена подозрительным взглядом, да и улицу ведущую ко входу они не охраняли. Значит оказались тут по чистой случайности. Он так и стоял на месте замерший, поглядывая в спины на червленых соколов. И глубоко выдохнул только после того, как перестал слышать стальной стук капель.

Мошеная дорога была свободна. Хорошо сложенные камни почти полностью были покрыты водой, которая стекала вниз по улице к сточным канавам. Глен резво рванул вниз, да так быстро, что огоньки фонарей уже мелькали где-то позади на невысоких домах и заведениях. Над горами засверкало несколько молний и снова послышались раскаты грома. Снова и снова. Удар за ударом. Лужи расплескивались под бежавшим Гленом и вот он оказался здесь. Там, где когда-то текла река и был сложен каменный мост, но вход определенно ещё был. Дорога здесь кончилась, а перед Гленом было иссохшее русло, которое теперь являлось канавой. Мост всегда был знаком для карателей, но у моста никогда не было входа. Здесь улица разделялась на две, по дороге, что вела вправо и влево. Глен медленно и спокойно дошел к первому же дому на правой стороне улицы. Дома здесь уже были не такими приветливыми, как по улицам выше.

Зайдя под навес над крыльцом, сложенным из досок скрипевших под ногами, Глен взялся за дверной молоток и стукнул под начало пароля в первый раз:

– Там нет воды. – он проговорил, выждал и стукнул снова:

– Там нет камней.

– Но только истинный знает, что там был вход. – он снова прождал, договорил и стукнул в последний раз, но дверь никто не открыл. Даже звуков не было слышно за ней.

Глен попытался снова, но всё напрасно. Дверь не отворялась с обратной стороны и он принялся её срывать с щеколды. Хоть он уже и не был так силен, дверь под его напором всё-таки отворилась и показала беспросветный мрак. Но за спиной Глена на миг сверкнула молния и осветила что-то забившиеся в дальнем углу хижины. Что-то темное и издающее истерзанные звуки тревоги.

Плащи Ренора

Солнечный свет с трудом пробивал облака, но даже так было достаточно светло, чтобы разглядеть пришвартованные торговые корабли. Под флагами ниарцев, как считалось – очень холодных и жестоких людей, в порту стояли три парусника и выжидали северного ветра. Высоченные мачты, белесые паруса с гербом королевской династии Фиелитов, деленным снизу лазурной волной Дарского моря, ниарской саблей в середине и червлёным стропилом устремленным кверху. Многие находили в этом гербе самовластность и вычурную показушность, но для Фиелитов герб был целой историей. Великие мореплаватели, мастера кузнечных дел, до того сильные и яростные, что легко управлялись с натиском вод и ковали лучшую сталь во всем мире. Такие легко могли отстоять Тельтер сотнями годами ранее, но их было слишком мало, чтобы защитить свою землю.

Ещё никому неизвестный Тель, прибыв откуда-то с юга, высадил полчища даров на земли предков ниарцев – ноашей. Свою страну они звали Ноа, пока тогдашний король-великан не преклонил колена перед захватчиками. С тех пор море звалось Дарским, а великаны земли прозвали в честь Теля. Возможно первого короля даров. Как слагали легенды, Тель сжалился над остатками ноашей, подарив им малую часть земли на севере у Меринского архипелага и Орлутских островов, заполоненных гнездами великих птиц. С тех пор они благосклонно звались ниарцами в честь первого короля, определенного Телем. Земля же их стала зваться Ниаром.

Но на самом же деле Тель оставил ниарцев в живых для королевских целей. Они обязались ему служить и платить дань в обмен на свои жизни, а Тель получал их мастерство обращения с металлом, деревом и камнем. Гадать бы долго не пришлось, правда это или нет. Истинна открывалась при первой же встрече с великаном из Ниара. Крупные, мускулистые руки, складные тела, холодные глаза и невозмутимый взгляд. Ростом они были выше самого высокого дара или дорма. Примерно девять или десять футов. В байках же жили двадцатифутовые ниарцы и обычно так говорили не видевшие дальше кружки пьяницы. Длан однажды слышал бранную историю, в которой детородный орган ниарца заменил кораблю мачту. И чего только не придумает людской разум. Стоит применить его не в том русле и вот ты уже мочишься на бездомного, просящего хотя бы на ломоть черствого хлеба, приговаривая:

– Вот тебе жидкое золото!

Родилась эта идея в разуме нехорошего человека Шобо. Точнее человеком его назвать язык не повернется. Это была самая настоящая мразь. Воплощение бесчеловечности и извращенности. Падкий, слабый и чертовски изворотливый. Поймать его удавалось дважды, но он всё же сумел как-то избежать наказания. Страх в людских сердцах он поднял нешуточный. Такого не то что боялись встретить, о нем просто не говорили. Деяния его были ужасающими. Жертв он насиловал до и после смерти, а убивал изощренно, каждый раз придумывая особенную картину для покинувших душу тел. Жертвами чаще оказывались девушки, но иногда были и дети. Люди столицы бушевали, требуя найти и казнить таким же изощренным способом убийцу. Так вести дошли и до короля. Ополчение было усиленно, как и дневная, и ночная городская стража. Ночью никто не смог бы потревожить город, если речь не шла о искусном насильнике. Убийства затихали и снова оживлялись. Поговаривали, что в городе образовались целые сети разбойных банд, куда входили воры, похитители, насильники и убийцы. Определенно это были мастера коварства.

И таких людей, как Шобо, было полно в Реноре, и с ними боролись охотно. Отцы погибших, их родня и другие равнодушные люди, жаждущие отмщения брали в руки топоры и ножи, и ходили по ночам. Охраняли дома и несли что-то наподобие службы. Но убийц было сложно отыскать и посадить за решетку. Коварные, хитрые и падкие на издевательства, и извра-

щения. Лжецы, насильники, воры и прочая нечисть, такая же смрадная и скорбная, как и нечистоты в городских каналах. Такие изощрялись вывернуться в подходящий момент, откупиться золотым эскулом и броситься на самотёк. Правосудие определенно существовало в этих краях, но это было точно не вчера. Местные управленцы из магистрата Ренора лишь отмахивались на просьбы выделить больше стражи, сержантов и ополчения. Ссылаясь на то, что в казне денег нет и вряд ли прибавится. Оно и понятно. Король готовился к войне, а рты простолюдин все меньше вкушали, а тела их прохудились.

Беззаконие в Дормовии процветало и это несомненно волновало Длана. Дай волю таким, как Халлер и через неделю в городе все бы обратилось миролюбием и человечностью, но всего лишь на время. Пока существует жадность в головах и слабость в сердцах, люди будут питать себя страхами вплоть до самопоедания. Возможно такой же слабостью и жадностью питался Тель. Впрочем, его пристрастия на славу послужили в будущем. Лучшие корабли и моряки были перед Дланом, в порту Йорфена, быстро загружая в трюмы провизию на долгий путь по морю. Возможно такой же слабостью питаются подчиненные Длана, прозвав себя коварными борцами за справедливость. Никакой выдержки и самоконтроля, и с этим определенно нужно было что-то решать.

Он стоял стройно и невозмутимо на пирсе, продавливая тяжелыми ногами доски и не давая порывистому ветру даже сместить себя. Лицо его казалось камнем во время раздумий и думал он частенько. Обычно Длан носил каштановый плащ, но сегодня на нем был серый из грубой и рыхлой байки. Достаточно теплой и идеально подходящей для морского путешествия. Подпоясанный темный кафтан сидел свободно и спускался ниже колен с прямым вырезом для ног. Аккуратный вид и темные, с едва проступившей сединой кудри, подбритое лицо – сегодня магистр явно выглядел торговцем. Любой бы протак так сказал, только увидев серебряные и позолоченные кольца с разноцветными камнями на его пальцах.

Позади кто-то окликнул:

– Торговец перьями!

Это был Халлер, с особенной ехидностью в голосе. Обернувшись, Длан встретил его в белом плаще, скрепленном серебряной булавкой. Под его плащом красовалась узорчатая, каштановая рубаха, заправленная в темные, домотканые штаны и подпоясанная алым ремешком. Русые, длинные патлы с трудом прикрывали шрам на брови и остро блеснувшую улыбку.

– Не ожидал вас сегодня увидеть. Одинокое стоящего на пирсе, – он сблизился слева и приподнял рубцовую бровь. – Провожаете корабли в дальнейшее плавание?

Длан фыркнул:

– Твой сарказм бодрит, но попрошу его оставить для моряков.

Халлер поравнялся с Дланом, продолжающим смотреть на паруса и стоять невозмутимо. Кажется, ему было совсем плевать на всё, что происходит вокруг него.

– Доброе утро, магистр. – улыбка с его лица спала. – Грег и Эвард придут с минуты на минуту.

– Почему опаздывают? Впрочем... спрошу у них сам.

– Не спешите их отчитывать. Они кое-что выясняют у наемщика.

Неторопливо набрав воздуха и так же его выдув, Длан ощутил некое раздражение. Своих подчиненных он принимал за детей и все их действия признавал баловством. После последней встречи с бежавшим заклинателем, которого так и не удалось найти, Грег, Эвард и Халлер почуяли расслабленность в умах. Покорность же их сменилась вседозволенностью, а приказы грамотно пропускались мимо ушей. Ухищрённость карателей была на высоте и тщательно укрывалась, но только не от глаз и ушей прожженного магистра. Поэтому Длан знал о их деяниях по ночам. О том, как они пытались очистить столицу от убийц, воров, насильников и прочей дряни, прилипшей сухой грязью к дорогам Ренора. Не редко карателей звали чистильщиками, только никто не знал, что они каратели.

После ужасных слухов о маньяке Шобо, Халлер будто сорвался с цепи. Это было пару лет назад, когда о убийце уже знавали в столице. Тогда Халлер, равнодушным тоном умолял Длана помочь людям и вычистить улицы от убийц, воров и насильников. Похоже он питал слабость к страшным деяниям и проникся сочувствием, так как знал, что такое любовь и потеря родного человека. Единственным близким для него была родная сестра, ради которой он жил. Оберегать её было его смыслом даже после вступления в гильдию. Поэтому он умолял об отпущении и наказании, ведь погибали такие же чьи-то сестры. Но Длан был строг и знал, что такое контроль и самообладание, поэтому грубо отказал. Халлер же вернулся с небезучастными Грегом и Эвардом, и теперь они молили вместе, но всё было тщетно. Длан не позволял раздуриться последним карателям Дормовии, поскольку берег их как собственных детей и место им только рядом с отцом, в одной из священных гильдий Мардолората. Вечный жизненный долг прозвучал тогда не более не мало сотню раз и дети отступили, а напор их спал. Ровно до того момента, пока слухи снова не поползли по столице. Кровь невинных продолжала окроплять столичные земли, а завывания скорби по убитым напрочь раздробили сердца последних карателей Дормовии. Тогда и начался ночной парад мести. Надев плащи карателей, они не оставляли и шанса преступникам. Выискивали они их через уши гильдии и мастерски укрывали свою месть от магистра. Но не прошло и месяца, как Длан обо всем прознал. В наказание он понизил их жалование и пригрозил священным судом. Потому что каратель несет кару только на отпрысков династии Эльнов и никак иначе. Но покорность не смогла устоять перед мягкими, изувеченными сердцами. Им хотелось и дальше играть в героев, убивая насильников, воров и душегубов. И время от времени снова ступали на тропу мести, ради того, чтобы каждый неверно думающий забивался по углам от страха. Люди на таких надеялись и веровали, что в городе появились истинные творцы трактатов. Теперь чистильщиков боялся любой преступник, думая, что они и есть тень, шагающая позади них. Тьма же, спускавшаяся по вечерам, возрождала естественный страх в их больных головах. Пока городские стражники и ополчение получали в лицо едкое возмущение, Халлер, Эвард и Грег воодушевлялись возторженными речами в свою сторону. Правда, никто так и не узнал, кто эти самые чистильщики. Впрочем, никогда не узнают.

Последние свои вылазки они укрывали ещё тщательней и в течении года ловили преступников. Воров они связывали, после выкидывали на улицы с повешенными на их головы табличками, с надписями «Тот, кто воровал». С убийцами же не церемонились. Кончали их на месте. Будь то в доме, во дворе или оживленной улице. Длан обо всем догадывался, но более не встречал и делал вид, что совершенно не знал причастных к отпущениям. Дети играли мастерски и за них он уже не беспокоился. К тому же, им это шло только на пользу. Преступников было поймано и казнено не так много. Около тридцати за год. Но насильника Шобо поймать не удалось, как и вскрыть преступные ячейки столицы. Слишком мало было людей для этого и ещё меньше – золота.

– Неужели что-то связанное с письмом из Тельтера? – грубо спросил Длан.

Халлер чуть преклонил голову, словно ожидая наказания.

– Нет, магистр.

Длан проскрипел зубами и недовольно цыкнул, неспешно повертев головой. После закрыв глаза и снова их открыв, неторопливо повернулся к Халлеру лицом. Тот всё еще опустив голову, смотрел боком испод рубцовой брови. Длан посмотрел по сторонам и среди оживленных трудяг, не увидел тех, кто смотрел бы на них. Глаза Халлера мигмом смутились и не ожидали, что Длан всадит кулаком ему в брюхо. Он лишь прохрипел, схватился и встал стройно с прямой спиной.

– Тогда запомните, что теперь вы выполняете только обозначенные мной задачи!

Длан был ниже на голову, но это не помешало вернуть Халлера к покорности и священному долгу. Теперь он молчал и внимательно внимал речь магистра.

– Там, куда мы плывем есть дела поважнее, чем ваши теневые игры.

Халлер снова смутился.

– О чем вы, магистр? Грег и Эвард только хотели узнать, сколько стоит сейчас наемник. – пытался отбиться сарказмом Халлер.

– Вы уже наняты мной. И это случилось десятки лет назад.

После серьезности в голосе, Длан утешился, разглядев среди оживленного люда Грега и Эварда. Шли они размашисто и вразвалку, словно несли радостную весть, и малость побранивались на ходу. Грег был гладко выбрит. Его складное, мускулистое тело с трудом укрывалось за каштановой, подпоясанной туникой, а на плечах грозно сидел лазурный плащ, порывисто развевающийся за ним. Обычно взгляд Грега был холодным и отблескивал некой жесткостью, но точно не сегодня. Идущий рядом Эвард казался его младшим братом, хохотавшим и задорно улыбавшимся. Приземленный, с короткими ногами, сухой в лице и бородатый. Покрывал его темно-зеленый плащ, за которым проглядывалась антрацитового цвета рубаха, а ноги облеплялись темными шоссами. Вступив на пирс и прогремев шатающимися досками, они зашагали стройно, а лица их сменились серьезностью. Взгляд Длана был разъяренным.

Подойдя ближе, Грег тихо заговорил:

– Мы добыли вести и их несколько, – его короткие волосы на голове словно вздыбились. – Первая – самая странная. Некоторые матросы делятся слухами о плаще со звездами Аэрдина, но говорят об этом без огласки. Держатель плаща находится на одном из трёх кораблей, но кто он – не знает никто.

Грубый голос Грега прервал Эвард и звеняще продолжил.

– А вторая... – Эвард окинул взглядом всех поочередно и снова посмотрел на Длана, – Корабли Ильдариин уже месяц не заходили ни в один порт Эскультера. Их даже не было видно на горизонте. Даже не было писем о их отплытии... – с некой загадочностью закончил Эвард.

Последняя новость пробрала Длана, но он решительно думал, что дело здесь в случайности.

Халлер решил разбавить кислые мины и, приподняв рубцовую бровь, спросил:

– А наемщика вы зачем расспрашивали?

Грег кажется не мог найти ответа. Скривив рот, он почесал затылок и только протяжно выдул воздух толстыми губами.

Куцый Эвард неспешно промолвил, положив руку на плечо Халлера:

– Нет никаких сведений о том, кого ты ищешь. И в следующий раз не бей так сильно. Бедолага ведь мог и помереть.

– Следующего раза не будет! – разъяренно проговорил отвернувшийся Длан, но не торопясь, – И прошлого тоже не будет, как и нынешнего, если вы и дальше будете упиваться мстостью.

Халлер недовольно отвел взгляд и снова припустил голову выслушивая наказание. Впрочем Грег и Эвард тоже внимательно слушали, словно принимая отчет недовольного господина.

Глаза Длана налились кровью. Нутро его закипело, но пыл спал мгновенно. Здесь – на виду у людей, нельзя было показывать эмоции.

– Думайте о письме утром, днем и ночью. И не позволяйте себе отвлекаться на обыденность. Написанное не может быть ложью и это та истинна, с которой нам предстоит столкнуться. И мы ближе всех к тому, чтобы все предотвратить.

Отчитав детей, Длан вспомнил как учил и наказывал автора письма. Это было слишком давно, но он всё ещё помнил каждого своего ученика.

Мальчишку звали Гленелем. Точнее, он сам так себя называл. Был таким же сироткой, как и Халлер. Один в жестоком мире. Без отца и матери. Братьями и сестрами для него были такие же сиротки в приюте, но он на корню отказывался их принимать. После смерти родителей, Гленель был обижен на всех и вся. Упивавшись жестокостью и яростью, он в кровь разби-

вал кулаки о лица негодяев, и невинных. Ему было все равно. Он хотел выместить свою злобу на других мальчишках, словно винил их в своем страшном горе.

Такой пыл по нраву запомнился магистру Ильдариийской гильдии – Кателю Юндару. Поэтому мальчишка был взят под крыло и вскоре вступил за порог священной гильдии. Познав свою судьбу и цели, пройдя годы обучения, Гленель наконец оказался на первом своем задании. Длан отмечал тот месяц судьбоносным и всё благодаря новому ученику. Никто и не думал, что юнец выживет. Тем более никто даже не предрекал, что Гленелю посчастливится узнать правду.

– Моё имя Гленель, а не Глен. – выдал он тогда ещё ломающимся голосом.

Каратель Пирнек, с сияющей и переливавшейся плешью ответил на это громким хохотом, от которого кажется все лесные птицы вздрогнули и бросились в полет.

– Ты больше не Гленель. Твое прошлое осталось там, где было грудное молоко, обмоченное исподнее и писклявые визги негодования. А теперь ты Глен и почти состоявшийся каратель, позабывший о том, что такое детство. – сурово и строго излагал Длан.

– Ты понял, что сказал каратель первого ранга? – шипяще и по-змеиному спросил Пирнек со злобной улыбкой на лице. Пирнек всегда всех раздражал своими ядовитыми высказываниями, потешным нравом и злобными ухмылками. Но Глену он не нравился больше всего, потому что вечно над ним измывался и бранил словом. Поэтому Глен всегда смотрел на него исподлобья разгневанными глазами и равнодушно отвечал.

– Понял.

– Теперь запоминай. Ты поломанный и избитый попросишь помощи в этой горной деревушке. Видишь ту хижину слева? – Длан показал рукой.

– Та, с курящимся дымком? – растерянно спросил Глен.

– Именно. Там живет женщина с дочерью, и она староста этой деревни. Этот надел принадлежит знатному рыцарю, поэтому будь аккуратен и не забывай свою легенду. – снова строго повторил Длан.

Глен смотрел испуганными глазами.

– А кем избитый? – и спросил со страхом.

– Не переживай. Я лишь подкрашу твое лицо и сломаю тебе руку. – противно зашипел Пирнек и влепил юнцу несколько раз по лицу.

– Терпи, Глен. Это твой долг. – под избиение приговаривал Длан.

Пирнек бил не сильно, но точно и в любом случае больно. Он навешивал ему по груди, животу и плечам, но юнец не сопротивлялся. Со рта его уже лилась кровь, а губы лопнули под ударами. Напоследок Пирнек по суставу выломал руку Глену и тот истерично закричал во весь голос в глухом лесу. Длан со стыдом вспоминал те дни и корил себя за то, что мальчишке пришлось испытать. Впрочем, он стал чертовски мастерским карателем и был на слуху во многих гильдиях. Этим определенно стоило бы гордиться, но только не Длану.

Товаром, который они везли, были пух и перья. Сорок набитых доверху мешков уже лежали в трюме. Там же были и их лошади. По сходням каратели поднялись на палубу и с этого начался их путь. Расположились они в каюте, в которой было достаточно места: четыре койки для каждого по отдельности, стол для письма и приема пищи, четыре стула и тумбы с ящиками. Освещенности хватало: масляные фонари, подвешенные на крючках и отвратно пахнущие свечи на жиру. Грег открыл бочонок эля и стал разливать по кружкам, у которых уже стояли блюдца с запеченным мясом, похлебками из полбы с морковью, кусок сыра и свежие овощи. Каждый теперь присел за стол и внимал речь магистра.

Длан сурово начал:

– Мы вступили на сложный путь. До нашего прибытия все может измениться как в лучшую и прискорбно, если в худшую сторону. Если вдруг случится что-то, что сможет разъединить наш кулак, то запомните – каждый из вас должен созвать совет. Как известно из письма –

заклинателей в Ильдарии много. Тем более они объединены под началом безумца. Каждый из вас должен вспомнить зачем он здесь и как тут оказался. Снова зачту письмо своего бывшего ученика, но теперь полностью:

«Пишу в спешке. Мной был получен конверт с письмом от карателя первого ранга – Фиста Фейра, где он задокументировал допрос человека, как он полагал – принадлежавшего к крови Эльна. Месяц назад Ильдарию придали огню на юге. Города горели один за другим, но в этот раз огонь смогли потушить. В связи с этим, король Ильдарии – Урнер Вельдан, выдал приказ магистру гильдии отправить карателей в города, чтобы проверить наличие заклинательского следа. В конверте также находится часть свитка заклинания, как я считаю – относящегося к целительному. Пометок на бумаге нет, так как она порвана. О второй части ничего не известно. Из письма ясно, что допытываемый бредил о «тайном монархе», который смог собрать скрывавшихся и обратить их общие силы против нас. Заклинатель вымолвил достаточно, чтобы понять о сложной обстановке связанной с короной и гильдией Ильдарии. И Фист предполагал, что король имеет некие секреты. Он пишет дословно: «Этот тайный монарх, как излагает тот, кто лишился пальцев рук, имеет стойкие связи с короной и только поэтому ему удалось отыскать их всех». Фист также пишет, что тайный монарх покажется только тогда, когда соберется весь народ Ильдарии. Имеются не подтвержденные вести о гибели всех карателей гильдии, но это мне только предстоит проверить. Конверт получил от сира Виеля Вилейна, который в свою очередь получил его от погибшего гонца гильдии Когтя. На передаче в постоялом дворе на нас напал заклинатель обрушив град молний. Заклинание стойкое к воде. Разгоравшееся пламя от попаданий молний не тухло под стеной дождя и такое мне видится впервые. После случилось ещё одно нападение. Уже по дороге к Арсмерду, в компании сира Виеля Вилейна, его людей и выживших постояльцев на нас снова напали. В этот раз были посланы призванные существа – огненные призраки. И нет сомнений, что заклинатель был огнеглазым. Призывал их женский голос: скрипящий и глубокий. Мне удалось их обратить и остаться в живых. Пишу из Арсмерда, в доме своего давнего друга – графа Эйвенда Вилейна. Отсюда спешу в Нареграт и передаю письма магистрам гильдий в Дормовии, Антельдарии, Тарвии, Атверии, Оврии и Лаверии. Снова отправлю голубей, как встречу магистра Юндара и передам ему конверт.

Глен Локрог, 27.05.106 от Р.Э.»

Дату магистр прочитал ещё раз, но уже тише и словно погрубев:

– Двадцать седьмая луна месяца провожаний, сто шестого года от руин Эльндара...

– С момента написания прошла неделя... – вздохнул Эвард, поднесший эль ко рту.

Халлер гоготнул:

– Даже если и так – мы все равно не успеем помочь. Нам плыть месяц и ещё несколько дней скакать из Ниара.

Грег треснул по руке Эварда и нахмурено на него взглянул.

– Даже если и так, то пожелаем Глену Локрогу разузнать правду и выпьем за надежду...

– он неспешно встал и поднял кружку.

За ним встали все и Длан прискорбно проговорил:

– И за жизнь.

После этого, магистр всё время находился в раздумьях, пока его подчиненные то и дело травили байки с моряками, играли в «Кто о чем подумал?», кости и карты; ловили рыбу, пока парусник на якоре и купались в море по солнечным дням; Эвард каждый вечер играл на лютне и пел, а Грег с Халлером громогласно подпевали. С дня отплытия прошла неделя. Длан почти все время пребывал в каюте для четверых, которую он вежливо купил за баснословную цену в двадцать четыре эскуля. Например, мастер кузнечных дел за такую цену мог купить двадцать четыре наковальни. Впрочем, даже ездовая лошадь стоила почти в два раза меньше – всего десять эскулей. Цена была высокой для Длана, но слишком низкой для покоя. Редко он выходил

на палубу и обычно к вечеру. То и дело рассказывая по ней к носу парусника и обратно, наворачивая круги раздумья. Вечером его особенно радовало поскрипывание деревянной основы корабля и звук рассекающихся об киль морских волн. С трепетом он вдыхал свежий воздух, вспоминая прошлые плавания. В Тельтере Длан не был давно, около двенадцати лет, и последнее его путешествие оттуда сдалось опасным. Все потому, что у него был припасен особенный подарок для короля Бривека и любой прознавший об этом мог стать помехой на его пути. Но в Эскультере его приняли с теплотой, поставив на место магистра гильдии. Этот пост был лично одобрен священным судьей, святыми прислужниками стража и орденом паладинов, и лично Бривеком Клейвеном. Вновь принесся присягу, Длан оказался на вершине, но рядом теперь никого не было. Дом его всегда был в столице Ильдарии и он вновь туда возвращался с надеждой, что родное всё ещё там живо.

Нередко он зачитывался на своей койке книгой со сборником стихов, которую купил ещё в столице у известного Ренорского виелиста – Када Бонте. Собственно он и был автором этих стихов, и продавал свои труды в лавке неподалеку от Черного замка Клейвенов. Последний стих сборника Кад Бонте как раз посвятил недавней пропаже принца Тэнея:

«Черненный принц у замка бродил,
Никто и не знал, что там он ходил,
Отец и не чаял, братья все пели,
А черненого принца и след тут простыл.
Все всполохнулись и разом бежали,
Подковы звенели, доспехи дребезжали,
Дамы в тот вечер истерично рыдали,
А черненого принца и след тут простыл.
Рыцари мигом что-то узнали,
Кого-то в лесу они отыскали,
Пойманных пытали, потом убивали,
Жаль... про принца ничего не узнали.
После разбойников они покрамсали,
Руки и ноги – все оторвали,
Били и резали, и кости ломали,
А черненого принца и след тут простыл.
Горем убитые, под сталью мычали,
Всех они пойманных разом пытали,
Снова и били, и кости ломали,
Но черненого принца найти не смогли...»
Кад Бонте «Черненный принц»

Длан с ухмылкой вспоминал текст этого стихотворения, так как побег принца Тэнея выдали за похищение разбойной бандой. До чего же абсурдно это звучало, но правда всегда была на стороне короля. Как и гильдии, суды и святые ордены паладинов. Все подчинялись монарху, но в этот раз – только гильдия карателей Ренора решилась на самостоятельность. Текст в письме не подразумевал отлагательств, поэтому Длан лишь отправил гонца к королю, с уведомлением о том, что каратели отправляются в Тельтер. Естественно не ожидая его ответа. Бривек был всегда благосклонен и в этот раз точно не сменится яростью. Наверняка ему даже нет до этого дела.

Прошла ещё неделя, как и были пройдены сотни морских миль. Путь к Тельтеру по спокойному морю занимал месяц, но по бушевавшему – полтора. На четырнадцатый день Длана неожиданно разбудил Эвард, словно был ошарашен чем-то. Едва раскрыв глаза, Длан поймал палящие солнечные лучи преломлявшиеся от окон в каюте и не ощущал бодрость. А где-то на палубе слышались оживленные споры.

– Магистр, просыпайтесь! Грег! Халлер! Вы должны это видеть. – серьезно молвил Эвард
– Что случилось?! – всполохнулся Длан и мигом вскочил из койки.

– Капитан корабля сегодня ночью потерял семерых матросов. Они были зверски убиты пока спали в койках на нижней палубе.

Халлер с Грегом мгновенно поднялись с коек, словно совсем не спали и одновременно спросили недовольно:

– Кто убийца?

– Мальчишка. – мрачно ответил Эвард.

Все трое стояли стройно, но глаза их были чертовски удивленные. Кажется, они совсем не ожидали того, что услышали.

Длан был в исподнем: белой рубахе и серых кальсонах, и стоял так, будто его застали врасплох.

– И что дальше? – магистр недовольно заворчал.

– У мальчишки нашли плащ со звездами Аэрдина и такую же черную тунику. – ответил

Эвард.

Халлер нахмурил ещё не порезанную вторую бровь:

– Может это он, магистр?

Они вышли из каюты на палубу и уверенно зашагали к толпе моряков, стоящих полукругом. Моряки шумели, бранились и наполнялись злобой:

– Повесить его!

А кто-то радостно запищал:

– Протянуть ублюдка под килем!

Некоторые матросы сдерживали ярость других. Подойдя ближе, Длан разглядел за складными спинами моряков капитана в длинном, лазурном одеянии. Он стоял над мальчишкой и поднятыми с нижней палубы телами матросов. Все как один были окровавлены и проколоты не один раз. Лица их охладели, а глаза будто замерли перед страхом. Видимо они и не ждали смерти. Рядом на коленях стоял мальчишка: грязный и озлобленный, с запекшейся кровью на руках и лице. Руки его были связаны за спиной, а глаза блестели алой яростью. На нем была одета белая рубаха, измазанная темными и густыми пятнами крови. Лицо его было опухшим и разбитым.

– Да он весь трясётся! – удивленно подметил Грег.

Мальчишка содрогался и пытался вырваться. Во рту его был кляп, который он будто хотел перекусить зубами. Без сомнений в нем находился зверь и глаза его не вращались. Словно разъяренный пёс внутри, только плачущий от злости и боли. Внешне же он больше походил на щенка. Мелкий и худощавый, словно ел месяц назад. Странно было только одно – перед мальчишкой лежал труп девушки. Избитой и сломленной. Капитан парусника наставил свой сапог на голову мертвой, а мальчишка только смотрел и разъяренно замычал. Настолько яростно, что прозвучал громче шума от жаждавших мести моряков. А в руках капитан держал черную тонкую ткань, похожую на бархат или шёлк. На ней был вышит герб династии Клейвенов, на которой когда-то сияли серебряные звезды их предка – Аэрдина. Но сейчас они не сияли как прежде. Кровью залились звезды и только излучали скорбь. Тринадцать звёзд обозначали тринадцать лет его правления.

Длан внимательно осматривал мальчишку и уже видел эти глаза однажды. Точно такой же взгляд: безжалостный, холодный и устремленный, словно недвижимый. И эти глаза смотрели на жертву, точно также и даже не думая о совершившем. Жертв тогда было заметно больше. За месяц своего предназначения мальчишка стал кровожадным убийцей. И всеми его жертвами были жители горной деревни. Он держал в своих дрожащих руках окровавленный кинжал и каждый его палец пытался освободиться из кулака. Нутром он не хотел этого делать, но убитая, со сломленными глазами девочка, уже лежала на его коленях. Он крепко обнимал её сзади

вокруг шеи, с которой стекала алая, тёплая кровь и настолько горячая, что от неё шёл лёгкий пар. А вокруг уже хватилась огнём вся деревня. Огонь стремительно перекинулся с крыши на крышу и вот он уже был здесь – над проемом двери, у которой сидел Глен, невозмутимо поглаживая лицо сломленной души. Крики, что доносились из запертых хижин, были ужасными. Пламя уже взяло каждое тело и шансов у людей не было.

Вместе с Пирнеком, они следили за юным карателем в лагере неподалеку от деревни и им было важно понять, сможет ли он добраться до истины. Длан тогда был яростно озадачен, смотря на кровожадную картину. Луна ярко освещала тот вечер.

– Отпусти ребенка! – плачущим и молящим голосом, почти на последнем издыхании проговорила тогда мать девочки, что звали Арнессой. Она всё ещё дышала. В окровавленном сером платице лежала на ногах мальчишки Глена и что-то пыталась ему сказать. С уголков её глаз стекали слезы и смешивались с кровью у горла. Взгляд её был устремлен к звездному небу и сияющей, тусклой луне. Но в глазах отблескивал мерцающий огонь. Там действительно было пламя. Пламя, что горело у неё внутри, было зажжено Гленом, но вряд ли ещё горело. Он словно сжёг её заживо внутри. Глаза её были в смятении и наверняка не ожидали такого исхода. Она точно смотрела и в его глаза, пытаясь найти ответ тому, что произошло. Но только видела червленую ярость от лопнувших сосудов. Дикий взгляд Глена под капюшоном плаща, был направлен на Длана. Он смотрел на него как зверь, а рука его дрогнула и под завывания растерзанной горем матери, вместе с кинжалом направилась к телу сломленной души. Девочка мигом охладела, а Глен произнес:

– Мой долг. Моя жизнь. Моя вечность.

Он яростно кричал и не переставал дичать дальше. С каждым разом его рука наливалась кровью под неумолимые возгласы, но он не убирал взгляда с Длана. Он точно хотел что-то сказать этим. И в этом не было коварства и не было страха. Мальчишка точно знал, что делает. Разрывая глотку ярым восклицанием, каждый его удар сопровождался одним словом девиза:

– Мой долг.

Кинжал поднялся вверх:

– Моя жизнь.

И снова застыл в сломленной душе:

– Моя вечность.

И он не перестал бы повторять, если бы Длан с Пирнеком не прекратили этот ужас. Даже опытные каратели никогда не были такими кровожадными. Упиваясь местью, мальчишка точно не задумывался, что рано или поздно он будет платить своей душой. Некогда, ни один каратель не совершал подобного. Все они считали себя спасителями людского мира, но почему-то всё ещё оглядывались по сторонам.

– Мой долг. Моя жизнь. Моя вечность. – сказал мальчишка в последний раз и закрыл свои дикие глаза. Глаза, что олицетворяли вечный жизненный долг. В воспоминании Длана это являлось истинным кошмаром, а возгласы прошлого словно раздирали его душу. Для него это было чудовищной трагедией, потому как он не смог перевоспитать мальчишку. Не смог выбить из него глубинную месть. Не смог стать примером для него. Не смог зародить человечность в диком звере.

Мой долг. Моя жизнь. Моя вечность

Небеса всё ещё плакали. Гром яростно ревел где-то очень близко, а молнии с каждым разом все сверкали над землей и горными сводами.

Глен ступил за порог в хижину, лишенную хоть какого-нибудь света. Он затворил дверь и в полутьме, в полумраке ещё проглядывал нечто трясущееся и забитое в углу, мрачное, как и темнота вокруг него. Сверкавший свет от молний иногда попадал внутрь сквозь ок

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.